РТ
40
С75

МЫСЛИ

ОБЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

И. Срезневскаго.

1850.

Александра [illegible]

PT
40
C75

МЫСЛИ

ОБЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

И. Срезневскаго.

(Читано на Актѣ ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Университета, 8-го февраля 1849 года).

СПбГУ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Декабря 12 дня 1849 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
548849

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Значеніе народной науки Русской. Изслѣдованія о языкѣ Русскомъ—ея необходимая часть. Важность историческаго направленія въ этихъ изслѣдованіяхъ 5

II. Періоды развитія языка: 1. періодъ развитія формъ, 2. періодъ превращеній; характеристическія отличія каждаго. Связь исторіи языка отдѣльнаго народа съ исторіей языка цѣлыхъ племенъ. Главные вопросы исторіи языка: 1) о развитіи языка до отдѣленія народа отъ другихъ родственныхъ народовъ; 2) о развитіи языка послѣ отдѣленія народа 7

III. Примѣненія общаго взгляда на исторію языка къ Исторіи Русскаго языка. Первый вопросъ Исторіи Русскаго языка — о древнемъ первобытномъ языкѣ Русскомъ. Общій взглядъ на главныя черты его, въ его составѣ и въ строѣ, въ отношеніи къ степени развитія формъ . . 19

IV. Другой вопросъ Исторіи Русскаго языка — о его измѣненіяхъ со времени основанія самостоятельности Русскаго народа до нынѣшняго времени. Необходимость отдѣлить исторію языка простонароднаго отъ исторіи языка книжнаго. 33

Стран.

V. Общій взглядъ на Исторію языка Русскаго въ народѣ. Отдѣленіе нарѣчій. Общій ходъ измѣній его на пути превращеній сравнительно съ ходомъ измѣненій другихъ Славянскихъ нарѣчій. 40

VI Общій взглядъ на исторію языка книжнаго: 1. Періодъ отдѣленія его отъ языка народнаго. 2. Періодъ сближенія его съ народнымъ: До какой степени это сближеніе возможно? . . 92

VII. Соотношеніе Исторіи языка Русскаго съ Исторіей Русской литературы. — Заключеніе . . 102

Дополнительныя примѣчанія:

I. Объ иностранныхъ словахъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ 129

II. Образцы переходнаго состоянія Западныхъ Славянскихъ нарѣчій 154

III. Образцы переходнаго состоянія Русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV вѣка. , . . . 181

I.

Позволяю себѣ остановить вниманіе Ваше, Мм. Гг., на одной изъ тѣхъ задачъ, которыхъ рѣшеніе должно принадлежать усиліямъ нашей Русской науки.

Она есть, эта Русская наука. На нее, какъ на частную долю науки общечеловѣческой, имѣетъ Русскій народъ право столь же исключительное, какъ и каждый другой народъ, сочувствующій успѣхамъ науки, на свою собственную долю. Чѣмъ народъ сильнѣе духомъ, своебытностію, любовію къ знаніямъ, образованностію, тѣмъ его доля въ наукѣ болѣе; но у каждаго народа, не чуждаго свѣта просвѣщенія, есть своя доля, есть своя народная наука. Народъ, отказывающійся отъ нея, съ тѣмъ вмѣстѣ отказывается и отъ своей самобытности — на столько же, какъ и отказываясь отъ своей доли въ литературѣ и искусствѣ, въ промышленности и гражданственности.... И главный долгъ народной науки — изслѣдовать свой на-

родъ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физическія и нравственныя, его значеніе и назначеніе. Народная наука въ этомъ смыслѣ есть исповѣдь разума народа передъ самимъ собою и передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Народъ выражаетъ себя всего полнѣе и вѣрнѣе въ языкѣ своемъ. Народъ и языкъ, одинъ безъ другаго, представленъ быть не можетъ. Оба вмѣстѣ обусловливаютъ иногда нераздѣльность свою въ мысли однимъ названіемъ: такъ и мы Русскіе вмѣстѣ съ другими Славянами искони соединили въ одномъ словѣ «языкъ» понятіе о говорѣ народномъ съ понятіемъ о самомъ народѣ. — Такимъ образомъ, въ той долѣ науки, которую мы можемъ назвать нашей Русской наукой, необходимо должны занять мѣсто и изслѣдованія о Русскомъ языкѣ.

Языкъ есть собственность нераздѣльная цѣлаго народа. Переходя отъ человѣка къ человѣку, отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, онъ хранится народомъ какъ его драгоцѣнное сокровище, которое по прихотямъ частныхъ желаній не можетъ сдѣлаться ни богаче, ни бѣднѣе, — ни умножиться, ни растратиться. Частная воля можетъ не захотѣть пользоваться имъ, отречься отъ его храненія, отречься съ этимъ вмѣстѣ отъ своего народа; но за тѣмъ не послѣдуетъ уменьшеніе цѣнности богаствъ, ей непринадлежащихъ. Независимый отъ частныхъ волей, языкъ не подверженъ въ судьбѣ своей случайностямъ. Все, что въ немъ есть, и все, что въ немъ происхо-

дитъ, и сущность его и измѣняемость, все — закопно, какъ и во всякомъ произведеніи природы. Можно не понимать, а потому и не признавать этой закопности; но отъ того законы языка не перестанутъ быть законами. Можно не понимать ихъ, можно и понять, — и разумѣніе ихъ необходимо должно озарять своимъ свѣтомъ наблюденіе подробностей языкознанія.

Народъ выражаетъ себя въ языкѣ своемъ. Народъ дѣйствуетъ; его дѣятельностію управляетъ умъ: — умъ и дѣятельность народа отражаются въ языкѣ его. Дѣятельность есть движеніе; рядъ движеній, есть рядъ измѣненій; — измѣненія, происходящія въ умѣ и дѣятельности народа также отражаются въ языкѣ. Такимъ образомъ, измѣняются народы, — измѣняются и языки ихъ. Какъ измѣняется языкъ въ народѣ? Что именно въ немъ измѣняется, и по какому пути идетъ рядъ измѣненій? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ не возможно уразумѣніе законовъ, которымъ подлежитъ языкъ, какъ особенное явленіе природы. Рѣшеніе ихъ составляетъ исторію языка; изысканія о языкѣ, входящія въ составъ народной науки, не возможны безъ направленія историческаго. — Исторія языка, нераздѣльная съ исторіей народа, должна входить въ народную науку, какъ ея необходимая часть.

II.

Первоначальное образованіе языковъ — тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывает-

ся, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій. Впрочемъ нѣсколько выводовъ, сдѣланныхъ изъ соображенія данныхъ о языкахъ изслѣдованныхъ, кажутся уже неподлежащими сомнѣнію. Еще менѣе подлежатъ сомнѣнію выводы о дальнѣйшемъ развитіи языковъ, выводы о двухъ главныхъ періодахъ ихъ развитія.

Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки, и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ. Темно, неопредѣленно, безотчетно выражаетъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и тоже слово есть вмѣстѣ названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ, точно такъ же какъ и въ умѣ народа все это остается неотдѣленнымъ.

Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово-корень получаетъ различный выговоръ и разнообразитъ этимъ свое значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ слова-корни прежніе умножаются новыми, иначе звучащи-

ми: многіе изъ нихъ погибаютъ; но многіе и остаются надолго, даже навсегда. Гораздо болѣе силы жизненной даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему нибудь кажущіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ пріобрѣтеніемъ каждаго новаго смысла все болѣе опредѣляется. Долго эта творческая сила фантазіи остается въ кругѣ видимаго міра; но переходитъ потомъ и въ міръ духовный, и становится тогда еще могучѣе. Сила эта никогда уже не оставляетъ языкъ. Обусловливаясь вліяніемъ природы, среди которой живетъ народъ, образомъ его жизни, взглядомъ на свой міръ внѣшній и внутренній, она крѣпнетъ все болѣе по мѣрѣ усиленія образованія народа.

Между тѣмъ, число понятій народа умножается: въ умѣ народномъ они слагаются и разлагаются. Сложеніе и разложеніе понятій отражается въ языкѣ сложеніемъ и разложеніемъ словъ. Слова отдѣляются отъ корней: корень слова, бывшій доселѣ словомъ, можетъ и остаться словомъ; но кромѣ словъ-корней являются во множествѣ слова не-корни, образованныя изъ разныхъ корней, слова опредѣленныя формально. Въ такомъ образованномъ словѣ сначала всѣ части одинаково важны для опредѣлительности его значенія; но постепенно одна часть дѣлается главною, остальныя сохраняютъ только придаточное значеніе. Къ одному и тому же главному корню прибавляются различные придаточные корни, какъ частицы опредѣлительныя, какъ члены, обусловливающіе смыслъ, выражаемый глав-

нымъ корнемъ, срастающіеся въ нераздѣльныя слова съ тѣми словами, которыя опредѣляютъ. Съ этой поры въ языкѣ является производительность, столь же разнообразная сколько и сильная. Умъ народа перестаетъ нуждаться въ средствахъ для выраженія оттѣнковъ своихъ понятій, и самъ развивается съ развитіемъ выразительности языка.

Необходимая принадлежность выразительности языка въ этомъ положеніи есть отличеніе разныхъ разрядовъ словъ — частей рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость большей части словъ, отдѣльная для каждаго разряда. Являются условія отличенія трехъ родовъ, трехъ степеней сравненія, трехъ чиселъ, трехъ лицъ, трехъ главныхъ падежей, трехъ залоговъ, трехъ видовъ, трехъ главныхъ временъ, трехъ главныхъ формъ сочетаній словъ и т. д.

И мало по малу все, что могло жить въ языкѣ подъ условіями опредѣленной формы, все оживляется и живетъ, подчиненное этимъ условіямъ, — и народъ, вполнѣ сочувствуя формальной стройности языка своего, боится нарушить ее, бережетъ ее, какъ святыню.

Разумное начало возобладало въ языкѣ, на сколько могло выразиться строгостью формъ, — и нимало не ослабило начала поэтическаго, а только придало ему художественность. Какъ во всемъ, такъ и въ языкѣ поэтическое только тогда становится художественнымъ, когда подчиняется закону разума. Только на условіи этого подчиненія языкъ дѣлается художественнымъ выраженіемъ мысли народа. Художественность языка видна тогда не только въ красотѣ языка внутренней —

въ прекрасно правильномъ его соотношеніи съ мыслію и въ его живописности, но и въ красотѣ внѣшней — въ благозвучности. Только къ этому времени въ языкѣ развивается правильная система звуковъ, — и сочетанія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ рѣченіяхъ становятся такъ же согласно плавны и пѣвучи, какъ онѣ согласно выражаютъ мысль народную. Благозвучность, какъ законная принадлежность языка въ этомъ положеніи, какъ слѣдствіе разумнаго вкуса народа, сближая языкъ съ другимъ художествомъ, владѣющимъ звуками, съ музыкой, подчиняя его тѣмъ же условіямъ, которымъ подчинена и музыка, условіямъ мѣры и размѣра, производитъ въ языкѣ формы стиховъ, въ которыхъ логическая связность словъ подчинена гармонической связности звуковъ....

Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ дологъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать и второй.

Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно окончен первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но, рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличонъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а

мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается на долго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровно-родственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не рѣдко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зараждается и крѣпнетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто на перекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ заодно, — и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже конечно не тотъ, но почти таковъ же по своей безсвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать съизнова путь своего развитія.... Впрочемъ только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрекшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ

остаться вполнѣ выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли. — Такъ какъ второй періодъ исторіи языка обрисовывается всегда постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ, постепеннымъ замѣненіемъ ихъ другими, замѣненіемъ такими другими формами, которыя не такъ неотрѣшимо спаеваются со словами, которыхъ употребленіе не такъ непроизвольно, которыя мѣняются, превращаются; то его едва ли можно назвать иначе, какъ періодомъ превращеній.

Вступая въ періодъ превращеній, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣшиваются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ незамѣненные, слившись съ другими: увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ простыхъ, нераздѣльныхъ.

Отъ измѣненій въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней языка. Корни словъ тоже перемѣшиваются; первоначально различные совпадаютъ въ одно сочетаніе звуковъ; первоначально однозвучные и однозначительные распадаются на различные, повидимому совсѣмъ не похожіе. Нѣкоторые совершенно пропадаютъ или остаются въ бѣдныхъ остаткахъ, какъ ненужные, потому что въ языкѣ нашлись другія средства для выраженія тѣхъ же идей. Связи съ другими народами облегчаютъ заимствованія чужихъ словъ, и чужія слова становятся тѣмъ необходимѣе, чѣмъ сильнѣе эти связи.

Формы образованія словъ теряютъ постепенно корен-

ное значеніе: формы, различныя по значенію, становятся однозначительными, однозначительныя разными. Образованныя слова нуждаются въ приложеніи иныхъ формъ къ прежнимъ, для выраженія тѣхъ же понятій безъ малѣйшаго оттѣненія, изъ-за того только, что форма прежде данная уже потеряла силу выражать это оттѣненіе смысла. Слова удлиняются. Мѣсто одного слова заступаетъ иногда два, три, и на оборотъ. Къ словамъ приставляютъ особенныя независимыя частицы для опредѣленія ихъ значенія. Чужія слова принимаются въ языкъ безъ примѣненія ихъ формы къ древнему характеру языка.

Формы измѣненія словъ теряютъ также свой прежній смыслъ и важность. Разнозначительныя формы смѣшиваются въ значеніи; изъ прежнихъ формъ образуются новыя; другія погибаютъ. Погибаніе старыхъ формъ начинается частностями: нѣкоторыя слова, прежде измѣнявшіяся по всѣмъ для нихъ возможнымъ формамъ, остаются только въ какой нибудь одной формѣ неподвижно, или въ немногихъ, болѣе рѣзкихъ. За частными случаями слѣдуютъ и общія перемѣны. Тройственность формъ въ измѣненіи словъ нарушается: то одно изъ чиселъ, то одинъ изъ родовъ, то одно изъ временъ становится не нужнымъ, излишнимъ. Мѣсто временъ простыхъ заступаютъ сложныя; сложныя мѣшаются, сокращаются. Окончанія падежныя теряютъ свою выразительность, обусловливаются предлогами, потомъ и совсѣмъ исчезаютъ....

Въ слѣдствіе ослабленія формъ словоизмѣненія постоянно измѣняется и прежній характеръ формъ сло-

восочетанія. Многія изъ нихъ по неволѣ пропадаютъ. Мѣсто ихъ занимаютъ другія, болѣе подвижныя. Потомъ и эти одинъ за другими исчезаютъ: отсутствіе формъ замѣняется условіями логики народа, вовсе независящими отъ строя языка. Формальная опредѣленность смѣняется описательностью.

Превращеніе строя языка, будучи вмѣстѣ и превращеніемъ его состава, превратитъ и логику народа, и понятія его о красотѣ выраженій внутреннеи и внѣшнеи. Превращеніе языка въ отношеніи къ красотѣ его выразительности отразится на всемъ складѣ рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ. И въ отношеніи къ складу рѣчи языкъ можетъ лишиться прежняго разнообразія и прежнеи опредѣленности формъ, даже потерять ихъ вовсе....

Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторои степени различно и доходить не совершенно къ одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и тоже: превращеніе, ослабленіе формъ. Въ одномъ и томъ же языкѣ не все превращается равномѣрно, иное скорѣе, другое медленнѣе, — и въ слѣдствіе этого, языкъ становится связью частей разновременно образованныхъ, древнихъ и новыхъ; но все-таки постепеннаго превращенія не льзя не видѣть въ измѣненіи всего его строя и характера. Сроднеіе народа съ народомъ можетъ привести ихъ языки къ полному, совершенному превращенію. Изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ можетъ образоваться новый языкъ, по формамъ своимъ и похожіи и непохожіи на тѣ, изъ которыхъ онъ произошелъ, и до такои степени по-

вый, что законы, которыми управлялись тѣ языки, въ своихъ формахъ могутъ до нѣкоторой степени служить только объясненіемъ его состава; но и въ его составѣ и въ строѣ господствовать должны уже не они, а другіе, и свою формальную организацію онъ начинаетъ снова.

Таковъ вообще путь, проходимый языкомъ каждаго парода, но не каждаго отдѣльно отъ другихъ народовъ. У многихъ народовъ одного происхожденія, у многихъ племенъ сродныхъ языкъ, по первоначальному своему образованію одинъ и тотъ же. Онъ развился на много разныхъ языковъ уже послѣ, съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ. Это развитіе языка въ языки и языковъ отдѣлившихся каждаго особенно идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ, подлежа одному и тому же закону; но подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ выражается различно. Оттѣнки различія могутъ касаться и состава и строя языка. Языкъ одного племени можетъ повести нить развитія формъ далѣе и все болѣе умножать ихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ языкъ другаго сроднаго племени будетъ принужденъ ранѣе начать періодъ превращеній и по богатству формъ далеко отстать отъ перваго, не смотря на одинаковость начала. Тѣмъ не менѣе начало того и другаго одно и тоже: языка племени не льзя объяснить исторически безъ знанія языка сѣмьи племенъ, изъ котораго онъ произошелъ. Какъ племена такъ и народы одного племени остаются однимъ нераздѣльнымъ народомъ до тѣхъ поръ,

пока не отдѣляются одинъ отъ другаго, однимъ народомъ нераздѣльнымъ по условіямъ народности, по образованности, нераздѣльнымъ и по языку. Только со времени отдѣленія отъ племени своего, народъ начинаетъ свою отдѣльную жизнь, но не съ самаго начала, а продолжая жизнь прежде уже бывшую, и отражаетъ ее въ языкѣ, но въ языкѣ, уже готовомъ къ этому, уже до нѣкоторой степени образованномъ. Народъ развиваетъ свою личную народность изъ народности своего племени, и языкъ его, хотя и становящійся постепенно выраженіемъ этой отдѣльной народности, только продолжаетъ путь уже прежде начатый. Путь этотъ можетъ быть имъ и не оконченъ. Этотъ отдѣльный народъ можетъ самъ разростися въ племя, раздѣлиться на народы, и каждый изъ нихъ по-своему долженъ продолжать путь развитія языка. Языкъ не только до отдѣленія народа отъ родственныхъ народовъ, но и долго послѣ остается нарѣчіемъ другаго языка; потомъ самъ дробится на нарѣчія; каждое изъ этихъ нарѣчій можетъ въ свою очередь образоваться въ отдѣльный языкъ. — Такимъ образомъ исторія языка каждаго отдѣльнаго народа есть только часть исторіи языка цѣлыхъ племенъ. Въ языкѣ каждаго отдѣльнаго народа остаются слѣды его прежнихъ судебъ: изъ его состава и строя можно увидѣть, въ какой онъ порѣ жизни, какую часть пути прошелъ онъ и что у него впереди. Все его прошедшее, хотя бы и не связанное исключительно съ судьбою его народа, какъ народа отдѣльнаго, есть его прошедшее. Не разумѣя этого прошедшаго, не льзя

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
548849

уразумѣть и того, что за нимъ послѣдовало. Уже въ слѣдствіе опредѣленія данныхъ относительно, такъ сказать, предварительнаго образованія языка народа, можно съ нѣкоторою отчетливостію приступить къ объясненію дальнѣйшихъ судебъ языка въ зависимости отъ развитія характера народа, его климатическаго и политическаго положенія, его образованности и т. п.

Такимъ образомъ, сближая съ исторіей каждаго отдѣльнаго народа, исторію его языка, наблюдатель въ отношеніи къ этой послѣдней долженъ имѣть въ виду два вопроса:

— Одинъ вопросъ: — Что былъ языкъ народа въ то время, когда народъ, какъ часть племени, отдѣлился сначала вмѣстѣ со всѣмъ племенемъ своимъ отъ сѣмьи племенъ, и потомъ когда, какъ отдѣльный народъ, отдѣлился отъ другихъ народовъ своего племени?

— Другой вопросъ: — Какъ постепенно измѣнялся языкъ въ народѣ, примѣняясь къ его особенному положенію, къ его личной народности, къ успѣхамъ его образованности, внѣшней и внутренней, какъ сохранялъ и распространялъ ее?

Оба вопроса суть только двѣ половины одной и той же задачи.

Нашей Русской наукѣ принадлежитъ рѣшеніе этой задачи въ отношеніи къ языку Русскому.

III.

Народъ Русскій есть одинъ изъ народовъ племени Славянскаго, племени, которое вмѣстѣ съ племенами Литовскимъ, Кельтскимъ, Германскимъ, Греко-Романскимъ, Иранскимъ, Индійскимъ, принадлежитъ къ одной сѣмьѣ народовъ, къ отрасли Индо-Европейской. Хотя издавна раздѣлилась эта отрасль на много племенъ и народовъ, хотя, издавна разселяясь почти по всему пространству земной суши, вѣтвями своими сродпялась она узами кровнаго родства съ народами другихъ отраслей, до сихъ поръ однако удержала всѣ главныя черты своего древняго единства. Всѣ языки народовъ этой отрасли, отличаясь отъ всѣхъ другихъ, поразительно сходны между собою и по составу и по строю; всѣ они — только разнообразныя видоизмѣненія одного языка. Первопачальный ходъ ихъ развитія принадлежитъ всѣмъ имъ сообща. Каждое племя, отдѣляясь отъ другихъ племенъ, и каждый народъ, отдѣляясь отъ другихъ народовъ соплеменныхъ, только продолжали измѣненіе языка уже начатое, — одни скорѣе, другіе медленнѣе, — одни такъ, другіе иначе, но по одному и тому же направленію. Такъ и начало Русскаго языка теряется въ глубинѣ вѣковъ давнопрошедшихъ, и его собственная, такъ сказать личная, исторія, какъ языка исключительно Русскаго народа, есть только продолженіе Исторіи языка племени Славянскаго; а эта — продолженіе Исторіи языка всей отрасли Индо-Европейской.

И такъ въ Исторіи Русскаго языка прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ:

— Что былъ языкъ Русскій въ то время, когда онъ только что отдѣлился — прежде какъ мѣстная доля языка, общаго всѣмъ Славянамъ, отъ языковъ другихъ племенъ Индо-Европейскихъ, — а потомъ какъ одно изъ нарѣчій Славянскихъ, отъ другихъ нарѣчій своего племени? Что былъ онъ тогда, по своему строю и составу, т. е. въ какой порѣ развитія былъ по своимъ формамъ и что выражалъ своими словами, какъ символами понятій и нравовъ, быта и обычаевъ народа?

Сколько филологи, столько же и историки, могутъ оцѣнить важность этого вопроса. Для изученія событій временъ позднѣйшихъ есть у историковъ много различныхъ матеріяловъ, — есть лѣтописи, записки современниковъ, памятники юридическіе, памятники литературы, наукъ, искуствъ, живыя преданія народа. Отъ перваго же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобнаго, — и первыя страницы нашей исторіи остаются ненаписанными. Онѣ и останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участія филологія. Она одна можетъ написать ихъ. Пусть она и не скажетъ ничего о лицахъ дѣйствующихъ, пусть обойдется въ своемъ разсказѣ и безъ собственныхъ именъ; безо всего этого она будетъ въ состояніи разсказать многое и обо многомъ. Она передастъ быль первоначальной жизни народа, его нравовъ и обычаевъ, его внутренней связи и связей съ другими народами — тѣми самими словами, ко-

торыми выражалъ ее самъ народъ, — передастъ тѣмъ вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ глубже проникнетъ въ смыслъ языка, въ его соотношеніи съ народной жизнію, и проникнетъ тѣмъ глубже, чѣмъ большими средствами будетъ пользоваться при сравненіи языковъ и нарѣчій сродныхъ. Она не можетъ отказаться отъ возстановленія древнѣйшаго первобытнаго Русскаго языка во всемъ его строѣ и составѣ, со всѣми его формами и словами — если не со всѣми безъ исключенія, то по крайней мѣрѣ со всѣми главными. Объ этомъ думать могутъ ученые не какъ о мечтѣ, не какъ о забавѣ, за которою привольно отдыхать воображенію, утомленному мелочными изысканіями, а какъ о прямомъ своемъ долгѣ. Выполнить его окончательно, безъ сомнѣнія, будетъ не по силамъ одного человѣка, и не одинъ изъ ученыхъ, отъ недостатка силы, соображенія и знанія всего того, что слѣдуетъ сообразить, можетъ обмануть и себя и другихъ увлекательной невѣрностью своихъ выводовъ; но тернистый путь ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, долженъ привести наконецъ къ желанной и уже видной цѣли, и раньше или позже филологія наша, со всей отчетливой правдивостью науки, покажетъ, какъ и что выражали наши древніе предки на языкѣ своемъ.,..

Вспомогательныя изысканія только что начаты ею; но начаты такъ разнообразно и при такомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, что и теперь можно видѣть, къ какимъ главнымъ выводамъ приведутъ они.

Позволяя себѣ остановиться на главныхъ чертахъ

древняго первобытнаго Русскаго языка, я ограничиваюсь на этотъ разъ немногими общими замѣчаніями о его строѣ въ то время, когда уже онъ отдѣлился отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, сдѣлавшись исключительнымъ достояніемъ Русскаго народа.

Языкъ Русскій этого времени, въ отношеніи къ своему строю, былъ при исходѣ развитія своихъ первобытныхъ формъ, уже начавъ періодъ ихъ превращеній. Это выражалось и въ правильной системѣ звуковъ, и въ богатомъ разнообразіи формъ словообразованія и словоизмѣненія, и въ опредѣленномъ различіи формъ словосочетанія. По своему составу онъ былъ уже богатъ какъ языкъ народа осѣдлаго, земледѣльческаго и до нѣкоторой степени промышленнаго, народа съ развитыми понятіями о бытѣ сѣмейномъ и общинномъ, приготовленнаго къ соединенію въ одно цѣлое, народа съ разнообразными понятіями о природѣ и человѣкѣ и съ вѣрованіями, хотя и закрытыми пеленой суевѣрій, но оживленными мыслію о единомъ Богѣ и безсмертіи духа. Внутреннюю силу языка а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа доказываетъ между прочимъ то, что другіе Славяне, жившіе вмѣстѣ съ Русскими, каковы были, кромѣ другихъ, переселенцы Польскіе, роду Ляшскаго, Радимичи и Вятичи, поселясь между Русскими, хотя и сохраняли нѣкоторое время свою независимость, но подъ конецъ должны были отказаться отъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ особенностей своего говора, и перенявши отъ Русскихъ ихъ языкъ, не передали своего Русскимъ: на память отъ нихъ осталось только нѣсколько словъ, между которыми, помѣстить надобно,

можетъ быть, и предлогъ *вы*, который въ Польскомъ и другихъ сѣверо-западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ такъ же незамѣнимъ, какъ въ югозападныхъ предлогъ *изъ*, одинаково распространенный и въ Русскомъ.

Вникая въ подробности строя древняго Русскаго языка, не можемъ не замѣтить въ немъ чертъ, дающихъ ему право на особенное вниманіе филологіи.

Между звуками гласными отличались рѣзко широкія и тонкія, чистыя или полныя и глухія. Защищая мнѣніе, что гласныхъ глухихъ (*ъ* и *ь*) не было никогда въ языкѣ Русскомъ, не было какъ настоящихъ гласныхъ, а не какъ знаковъ показывающихъ значеніе предъидущихъ согласныхъ, едва ли можно его подтвердить какими нибудь основательными доказательствами. Доказательства же мнѣнія противнаго представляются не только въ памятникахъ Русскихъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ памятникахъ Русскихъ даже позднѣйшаго времени, напр. XIII—XIV вѣка, они стоятъ часто такъ правильно на мѣстахъ своихъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что употреблявшіе ихъ понимали особенность ихъ значенія. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Хорутанскомъ, Словацкомъ, Чешскомъ, они придаютъ особенный характеръ звучности даже и до сихъ поръ. Не льзя никакъ, съ другой стороны, допустить предположенія, что глухіе гласные звуки не были древней, коренной принадлежностью звучности языка всѣхъ Славянъ, а явились уже въ слѣдствіе измѣненія его строя. Такое предположеніе опровергается тѣмъ, что, присматриваясь къ пра-

вильности соотвѣтствія гласныхъ глухихъ съ гласными чистыми, въ каждомъ изъ нарѣчій Славянскихъ, отдѣльно и во всѣхъ вмѣстѣ, не льзя не видѣть, что не глухіе произошли изъ чистыхъ, а чистые изъ глухихъ, и что отъ этого одинъ и тотъ же глухой звукъ измѣнялся, сообразно съ мѣстными требованіями звучности, въ различные чистые; напр. вмѣсто древняго *трѣгъ* стали говорить *торг*, *тарг*, *терг*, вмѣсто *срѣпъ*—*серп*, *сарп*, вмѣсто *длѣгъ*—*долг*, *доуг*, *дуг*, *длуг*, вмѣсто *влѣкъ*—*волк*, *воук*, *вук*, *вилк*, вмѣсто *дѣнь*—*дјен*, *ден*, *дан*, *дзјень*, *джјень*, и пр. Не во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ одинаково употребленіе гласныхъ глухихъ по времени уменьшалось: нѣкоторыя нарѣчія, напр. Болгарское и Хорутанское, хотя и выказали до нѣкоторой степени стремленіе замѣнять глухіе чистыми, но съ другой стороны еще болѣе выказали стремленіе противоположное замѣнять гласные чистые глухими; впрочемъ это пристрастіе къ гласнымъ глухимъ не льзя не разсматривать какъ явленіе мѣстное и позднѣйшее, недоказывающее ни мало новости происхожденія глухихъ звуковъ.—Что касается до гласныхъ носовыхъ (ѫ и ѧ), то хотя ихъ выговоръ и утратился, вѣроятно, съ самаго начала отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, но сознаніе ихъ коренпаго значенія, отличнаго отъ значенія тѣхъ гласныхъ чистыхъ (*у* и *а*), звуки которыхъ они приняли, оставалось еще долго: и въ новомъ своемъ видѣ они сохранили свою характеристическую особенность превращаться въ согласные *м* и *н* (напр. дути — дъму, жати — жьну).—Къ числу особенностей древней звуч-

ности Русскаго языка не льзя не причислить стремленія къ перемѣнѣ кореннаго *е* въ *о* въ началѣ словъ (*одинъ*, *осетръ*, *олень* и пр.), и къ перемѣнѣ *ъ* и *а*, послѣ *р* и *л*, при соединеніи съ другой согласной, въ два *о* или два *е* (*берегъ*, *серебро*, *молоко*, *молоти*, *ворогъ*, *поровъ*, *голова*, *золото* и пр). Какъ быстро проникло въ языкъ это стремленіе, рѣшить трудно; можно впрочемъ думать, что хотя оно и обнаружилось съ рѣшительною силой при началѣ отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлось по всему составу языка. и потому-то могло не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши ихъ при прежнемъ, общемъ Славянскомъ ихъ произношеніи (*блъдьнъ*, *плъсти*, *плъшь*, *слъпъ*, *слъдъ*, *хлъбъ*, *хлъвъ*, *бръдъ*, *бръсти*, *грьхъ*, *дрьмати*, *крьпькъ*, *стрьла*, *стрьмя*, *трьпати*, *трьбуха*, *хрьнъ*, *класти*, *платъ*, *плакати*, *грань*, *гладькъ*, *красти*, *страхъ*, *трава*, *трата*, и пр.). — Гласные звуки долгіе и короткіе не смѣшивались одни съ другими, оттѣняя смыслъ рѣчи тѣ и другіе отдѣльно по своему, и долгота гласнаго звука отличалась отъ ударенія, съ которымъ смѣшалась въ послѣдствіи: это можно заключать отчасти по тѣмъ примѣрамъ удвоенія гласныхъ, которые встрѣчаются въ памятникахъ даже позднѣйшаго времени, отчасти по самому нынѣшнему выговору простаго народа, въ которомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно строго наблюдается различіе между долготой ударенія и долготой безъ ударенія, всего же болѣе по сравненію Славянскихъ нарѣчій въ ихъ прежнемъ, древнемъ видѣ и въ нынѣшнемъ. — Звуки согласные соподчин-я

ясь съ гласными, удерживали правильно свою твердость и столь же правильно смягчались. Древняя, переходная смягчаемость (*г* въ *ж* и *з*, *к* въ *ч* и *ц*, *х* въ *ш* и *с*, *д* въ *ж*, *т* въ *ч*, *з* въ *ж*, *ц* въ *ч*, *с* въ *ш*, и т. д.) не была смѣшиваема со смягчаемостью непосредственною (*ръ* въ *рь*, *лъ* въ *ль*, *дъ* въ *дь*, *съ* въ *сь* и т. п.); послѣдняя, не замѣняя первой, не распространялась внѣ своихъ коренныхъ предѣловъ: отъ этого *г*, *к*, *х* не могли, при соединеніи съ *ы*, измѣнять *ы* въ *и*, и пр. Многія изъ условій этой древней правильности теперь уже утрачены, но не всѣ и не вездѣ, болѣе всего въ склоненіи, и эти остатки вмѣстѣ съ данными, представляющимися въ памятникахъ письменности Русской, и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, достаточно убѣждаютъ, что подвижность согласныхъ звуковъ была въ древнемъ Русскомъ языкѣ столь же сильна какъ и въ Старославянскомъ, и въ большой части случаевъ одна и таже.

— Подчиняясь условіямъ выраженія оттѣнковъ понятій, корни древняго Русскаго языка и сами по себѣ видоизмѣнялись, и легко принимали многообразныя формы словообразованія и словоизмѣненія.—Такъ между прочимъ въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, въ причастіяхъ и мѣстоименіяхъ строго соблюдались—и законъ наращенія, и законъ опредѣляемости: слова наращаемыя и опредѣленныя разнились въ образованіи и въ измѣненіяхъ своихъ отъ ненаращаемыхъ и неопредѣленныхъ. Съ существительными мужескаго и женскаго рода на *ы* (*рѣмы*, *любы*), мужескаго и средняго на *а-ѣ* (старослав. *ѣ* на пр. *ра-*

мѧ, *сьмѧ*, *телѧ*), средняго на *о* (на пр. *тьло*, *небо*), женскаго на *и* (*мати*, *дъчи*), принимавшими наращеніе въ косвенныхъ падежахъ, были въ соотвѣтствіи наращаемыя прилагательныя сравнительной степени мужескаго рода (*свѧтъи*, *болѥ*) и причастія (*веды-веда*, *вела*=старослав. *вела*), принимавшія наращеніе и въ косвенныхъ падежахъ мужескаго рода, и во всѣхъ падежахъ женскаго и средняго (имен. жен. *будучи*, *велѧчи*, *ведъши*, имен. сред. *будуче*, *велѧче*, *ведъше*). Прилагательныя и причастія неопредѣленныя удерживали склоненіе существительное (*чистъ*, *чиста*, *чисту*, *чистомь*. *чисть* — *веды*, *ведуча*, *ведучу* и пр.), между тѣмъ какъ опредѣленныя имѣли свое особенное (*чистыи*, *чистааго*, *чистууму*, *чистыимь*, *чистьемь*,—*ведыи*, *ведучааго* и пр.), а мѣстоименія свое отдѣльное (*тъ*, *того*, *тому*, *тѣмь*, *томь* и пр.).—Рѣзко отличались три рода и три числа, и хотя не всѣ три принимали особенныя окончанія для каждаго изъ семи падежей склоненія; но три главные падежа даже въ двойственномъ числѣ были различны.—Въ глаголахъ отдѣлялись правильно три вида, три залога, три наклоненія, три времени, три лица, три числа.—Наклоненіе неопредѣленное не потеряло еще своей измѣняемости и употреблялось въ двухъ особенныхъ формахъ: прямой и достигательной (на *и* и на *ъ* или *ь*: *нести*—*несть*, *печи*—*печь*).—Время настоящее простое употреблялось и въ значеніи будущаго, какъ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но за то сохранялось два прошедшихъ простыхъ: совершенное и преходящее (на *хъ* и не *ахъ*: *вельхъ* и *велѧахъ*), и при томъ время прошедшее

совершенное выражалось двумя отдѣльными формами (напр. *обрѣхъ, рѣхъ, — обрѣтохъ, рекохъ*). — Времена сложныя были очень разнообразны не только для оттѣненія понятій залога страдательнаго, но также и для дѣйствительнаго и средняго, особенно для выраженія условности и соотношенія дѣйствій (напр. *видꙗи ѥсмь, видꙗи бѣхъ, видѣлъ ѥсмь, видѣлъ бѣхъ, видѣлъ быхъ, видѣлъ буду, видѣти буду, видѣти хочу, видѣти имамь*, и пр.) и для безличныхъ формъ (напр. *бѣ видѣти*).— Особенными окончаніями отдѣлялись лица: между прочимъ 3-е лице всегда почти удерживало при себѣ мѣстоименное окончаніе *т* (напр. *виѥть, виѥта, виють— витъ, виста, виша (ть) — виꙗшеть, виꙗста, виꙗхуть*).

— Богатство, разнообразіе и опредѣленность словоизмѣненія отражались въ складѣ рѣчи богатствомъ, разнообразіемъ и опредѣленностью формъ словосочетанія. Для каждаго изъ трехъ главныхъ сочетаній словъ — прямаго, вопросительнаго и относительнаго — были свои отдѣльныя условія расположенія словъ. Многообразію формъ словосочетанія помогали между прочимъ времена сложныя, формы возвратнаго глагола вмѣсто страдательныхъ (напр. *слышиться* вмѣсто *слышимъ ѥсть*), дательный-самостоятельный причастный, (напр. *дьню бывъшю, грозѣ будучи*), винительный причастный (напр. *мьнꙗшать ѥго умрьша*), самостоятельное неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ повелительномъ и условномъ (напр. *дати ѥму* вмѣсто *даи ѥму, дати ѥму не даи и говорити не говори*). Особенную опредѣленность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ которыхъ ни одинъ не требовалъ передъ

собою предлога непремѣнно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: понятіе принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ (*рабъ господа, кънязь Кыеву*), орудіе — родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (*плънъ духа, бысть чуду, кльнеться небомъ*), время—винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (*зимусь, зимою, зимѣ*), мѣсто — дательнымъ и предложнымъ (*идеть Кыеву,—бысть Кыевѣ*) и пр.

Если сравнить древній Русскій языкъ, въ отношеніи къ строю, съ другими Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ видѣ, то не льзя не замѣтить, что онъ въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходилъ къ нарѣчію Старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго Славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему а вмѣстѣ съ нимъ Хорутанскому и Польскому, въ отличеніи гласныхъ носовыхъ, но вѣрнѣе сохранялъ непосредственное смягченіе согласныхъ (*р, л, с* и другихъ), употребленіе мѣстоименнаго окончанія *ть* для означенія третьяго лица въ спряженіи и т. д.

Почти всѣ выводы о строѣ древняго языка Русскаго не иначе возможны какъ на основаніи наблюденій надъ памятниками X — XIV вѣка и еще болѣе позднѣйшими, памятниками, въ которыхъ языкъ представляется уже въ большей или меньшей степени уклонившимся отъ первоначальнаго своего положенія, и которые при томъ отпечатлѣли на себѣ, одни менѣе, другіе болѣе, черты вліянія языка Старославянскаго, а чрезъ него и Греческаго. Не должно забывать при этомъ,

что нѣкоторые изъ нихъ писаны людьми не Русскими даже не Славянами, людьми, которые худо знали по-Русски, худо понимали требованія языка Славянскаго, мало заботились о томъ, какъ бы избѣгать ошибокъ въ своихъ выраженіяхъ. Въ такихъ памятникахъ не льзя пользоваться одинаково всѣмъ, для опредѣленія особенностей языка даже и того времени, когда они писаны, не только времени прежняго и еще болѣе отъ насъ отдаленнаго. Тѣмъ не менѣе странно было бы отвергать возможность ими пользоваться, и всѣ выводы изъ нихъ о древнемъ Русскомъ языкѣ считать сомнительными. Русскихъ памятниковъ X — XIV вѣка, даже не прилагая къ нимъ болѣе позднихъ, довольно для того, чтобы правильно судить о языкѣ Русскомъ этого времени, отличать въ нихъ элементъ Старославянскій отъ чисто Русскаго, не смѣшивать описокъ вольныхъ и невольныхъ съ тѣмъ, что правильно, и при сличеніи элементовъ, одного съ другимъ, видѣть, что, не смотря на ихъ отличія, было между ними и много общаго, гораздо болѣе общаго, чѣмъ между языкомъ Старославянскимъ и нынѣшнимъ языкомъ Русскимъ. Отдѣливши изъ языка этихъ памятниковъ все то, что не могло принадлежать языку Русскому, и попалось въ нихъ или по вліянію Старославянскаго или по ошибкѣ, не трудно будетъ замѣтить, что Русскій языкъ X — XIV вѣка, точно такъ же какъ и другіе Славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ. Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись безразлично,—новыя формы какъ выраженіе того направ-

ленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія какъ голосъ еще неумершаго прошедшаго. Отличать древнія формы отъ новыхъ также не трудно, если только не опускать изъ виду общаго хода измѣненія языка, понимать ходъ измѣненій другихъ родственныхъ языковъ и нарѣчій, и не отказываясь отъ сравненій всего, что можетъ и должно быть сравниваемо, помощію методы сравнительной присматриваться въ памятникахъ къ тѣмъ отрывочнымъ остаткамъ древности, которые, какъ ни кажутся незначительны каждый въ отдѣльности, сближенные между собою почти всегда очень важны для объясненія условій характера древняго языка. Если же только древнія формы языка отличены отъ новыхъ, и поняты общія качества языка, оставшіяся въ немъ, не смотря на всѣ его измѣненія, неизмѣнными, то остается ихъ систематизировать — и если весь трудъ веденъ съ должной осторожностью, то и общіе выводы наблюдателя о древнемъ языкѣ не могутъ подлежать сомнѣнію. Наблюдатель можетъ, безъ сомнѣнія, надѣлать въ выводахъ ошибокъ своей невнимательностію при разборѣ фактовъ, своимъ незнаніемъ того, что должно знать, слабостью соображенія; но это его личная вина, которую поправятъ другіе, а не вина методы, имъ употребленной для рѣшенія вопроса. Всего болѣе можетъ мѣшать увѣренность, при которой позволяютъ себѣ оставаться многіе, что языкъ Русскій, при переходѣ отъ древняго своего состоянія къ новому, измѣнялся въ словахъ и слогѣ болѣе чѣмъ въ формахъ, и что въ старыхъ памятникахъ нашихъ

формы языка, отличныя отъ нынѣшнихъ, чуть ли не всѣ взяты книжниками изъ Старославянскаго, а въ народѣ никогда не были. При такой увѣренности не возможно дойти до уразумѣнія Русскаго языка не только въ его древнѣйшемъ первобытномъ видѣ, но и въ каждомъ изъ тѣхъ періодовъ, которые пережилъ языкъ Русскій послѣ. Сравнительное изученіе Славянскихъ нарѣчій, подкрѣпленное разумѣніемъ сходства и сродства, въ характеристическихъ чертахъ и въ измѣненіяхъ, языковъ Индо-Европейскихъ вообще, одно можетъ побѣдить эту неосновательную увѣренность и помочь глядѣть на прошедшія судьбы Русскаго языка не какъ на призракъ воображенія. Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе и Сербскіе XIII—XIV вѣка, какъ памятники нарѣчій до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ противъ прежняго измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что значитъ смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ,— и увидите, какъ наконецъ многія древнія формы совершенно угасли, и какъ въ слѣдствіе этого языкъ получилъ новый видъ, хотя большая часть словъ и осталась та же, а въ произведеніяхъ переводныхъ, напримѣръ въ книгахъ Св. Писанія, остался тотъ же и слогъ. Такое переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомъ, и, кажется, въ то-же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ — въ XIII—XIV вѣкѣ. Чѣмъ болѣе будутъ изучаемы памятники Русскіе

этого времени и прежняго, тѣмъ яснѣе будетъ понятъ языкъ Русскій въ его древнѣйшемъ состояніи.

IV.

Другой вопросъ Исторіи Русскаго языка:

— Какъ языкъ Русскій измѣнялся съ тѣхъ поръ, какъ народъ Русскій занялъ свое отдѣльное мѣсто между народами Европы? Какимъ путемъ достигъ своего нынѣшняго положенія подъ вліяніемъ своебытной дѣятельности духа Русскаго народа и подъ вліяніемъ обстоятельствъ внѣшнихъ?

Желая остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ этого вопроса, позволяю себѣ предварительно сказать нѣсколько словъ объ измѣненіи границъ Русскаго языка и о необходимости разсматривать въ Исторіи Русскаго языка отдѣльно языкъ парода и языкъ книжный.

Границы Русскаго языка измѣнялись постепенно. Не тѣ онѣ были въ древности, что нынѣ. Съ одной стороны онѣ раздвигались все далѣе на востокѣ; съ другой, отодвинулись отъ запада къ востоку.

Граница пространства, которое занимали Славяне Русскіе издревле, сколько можно судить по соображенію отрывочныхъ данныхъ, на сѣверѣ шла по украинѣ бассейна сѣверныхъ Чудскихъ озеръ, такъ что въ ней были берега Пейпуса и Волхова, и озера Ладожскаго; на востокѣ—по Тверцѣ она спускалась къ Волгѣ, а по Москвѣ рѣкѣ къ Окѣ, потомъ отъ истоковъ Дона внизъ по Дону къ Соснѣ, мимо вершинъ Оскола

къ Донцу и по Орѣли къ Днѣпру и степямъ; на югѣ— касаясь этихъ дикихъ полей, тянулась она къ устью Буга, а за Бугомъ по Черноморскому побережью къ устью Дуная; на западѣ — отъ Дуная поднималась она по Серету къ Бескидамъ, перегибалась по южнымъ скатамъ хребта ихъ къ верховьямъ водъ Тисы и по сѣвернымъ скатамъ къ верхнему Дунайцу, далѣе черезъ восточныя верховья водоската Вислы къ среднему Нѣмпю и черезъ Вилью и Двину къ озерамъ. Тутъ на сѣверо-западѣ Славяне Русскіе сосѣдили съ народомъ Литовскимъ и съ поморскими колоніями корсаровъ Балтійскихъ; на сѣверѣ и сѣверовостокѣ съ Чудью; на востокѣ и юго-востокѣ съ народами Турецко-Татарской крови; на югѣ отчасти съ ними же, отчасти съ поселеніями Грековъ и Румуновъ; на западѣ примыкали къ соплеменникамъ своимъ, Славянамъ западнымъ. Не льзя сказать, что бы въ этихъ границахъ все народонаселеніе было исключительно Русское: колоніи чужеродцевъ не только у границъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ земель, были, можетъ быть, и довольно значительны; равнымъ образомъ были и колоніи западныхъ Славянъ, подобныя поселеніямъ Радимичей и Вятичей, происходившихъ изъ Ляшскаго рода. Тѣмъ не менѣе главная масса была Русская, которой части отличались болѣе мѣстными правами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка. Съ другой стороны, не льзя сказать, чтобы только въ этихъ границахъ и былъ заключенъ весь народъ Русскій: его колоніи издревле выходили изъ этихъ границъ и на востокѣ и на западѣ. Къ та-

кимъ колоніямъ Русскимъ на востокѣ должно, кажется, причислить Славянское народонаселеніе Болгарскаго Поволжья и Черноморья Тмутараканскаго. На западѣ колоніи Русскія были и въ земляхъ Литовскихъ и въ Польскихъ, и между Словаками въ горахъ Карпатскихъ, и въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи, и въ Болгаріи, Ѳракіи, Македоніи, Албаніи, Элладѣ. Впрочемъ на западѣ не только не удержались эти колоніи, но и пограничныя части народа Русскаго, смѣшиваясь съ народонаселеніемъ не-Русскимъ, отодвигали, въ продолженіе періода удѣловъ, народную границу Русскую на востокъ и на сѣверъ. Сильно было и вліяніе Литовцевъ, Венгровъ, Поляковъ, Румуновъ, и вліяніе степныхъ Ордынцевъ. Уже послѣ періода удѣловъ и еще болѣе съ XVI — XVII вѣка границы языка Русскаго на западѣ, преимущественно на юго-западѣ стали опять раздвигаться и наконецъ дошли до береговъ Чернаго моря и Дуная. На сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, хотя нѣкоторыя колоніи и были въ древнее время задавлены наплывомъ чужеродцевъ, но за то позже новыя колоніи промышленниковъ Русскихъ все болѣе увеличивались, все болѣе стѣсняли жилья прежнихъ обитателей, распространяли между ними знаніе Русскаго языка, въ замѣнъ ихъ природнаго, достигли морей Бѣлаго и Каспійскаго и хребта Урала, и потомъ перешли въ Азію. Исторія довольно подробно написала на своихъ страницахъ это и дальнѣйшее распространеніе Русскаго языка вмѣстѣ съ ходомъ развитія политическаго могущества Россіи. И кому не извѣстно, какъ то, что дѣлалось прежде без-

сознательно торговымъ духомъ купцовъ Новогородскихъ и воинскимъ духомъ ватагъ Козацкихъ, получило новый характеръ, силу и прочность, съ тѣхъ поръ, какъ разселеніемъ Русскихъ и распространеніемъ Русскаго языка на востокѣ стало управлять правительство Русское, употребляя Русскій языкъ какъ орудіе просвѣщенія и образованности. Не льзя при этомъ не замѣтить, что не смотря на разнородныя сближенія Русскаго языка съ иноплеменными, въ очень немногихъ пограничныхъ краяхъ образовались тѣ смѣшанные говоры, въ которыхъ оба языка смѣшивающіеся одинаково тратятъ самостоятельность своего строя. Несравненно болѣе примѣровъ тому, что и Русскіе переселенцы, при сближеніи съ инородцами, и инородцы, сближавшіеся съ Русскими, только обогащали свой природный языкъ словами для выраженія понятій и предметовъ прежде для нихъ чуждыхъ, и что за этимъ слѣдовало почти постоянно то, что инородцы принимали Русскій языкъ, только примѣняя его къ своему выговору.

Какъ бы то ни было, Исторія Русскаго языка, слѣдя за географическимъ измѣненіемъ его пространства, при обозрѣніи его измѣненій, не можетъ не отдѣлять языка собственно народнаго отъ языка книгъ и людей, образуемыхъ книгами.

Исторія многихъ народовъ запада и востока представляетъ разительные примѣры силы обстоятельствъ, заставлявшихъ вѣру, законъ, науку и искуство чуждаться общенародности выраженія своихъ положеній, узаконять для себя языкъ совершенно непонятный на-

роду, и книгу, существующую для жизни, оставаться хоть и подлѣ, но внѣ народной жизни. Такъ было на востокѣ Брамииском, Буддійскомъ, Магометанскомъ; такъ было и на Латинскомъ западѣ, гдѣ слѣды этого остаются еще и до сихъ поръ. У насъ было не такъ. Русскій народъ, сколько ни испытывалъ волненій въ бытѣ политическомъ, всегда однако твердо удерживалъ свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству другихъ народовъ, никогда не подчинялъ своего языка игу другихъ языковъ, никогда не былъ принужденъ признавать языка, чужаго своему смыслу, орудіемъ вѣры, закона и литературы. Въ христіанствѣ православномъ, прежде чѣмъ Русскій народъ сдѣлался его причастникомъ, уже поднятъ былъ вопросъ о выраженіи его вѣчноживыхъ истинъ живымъ народнымъ словомъ. Вѣроятно, не слишкомъ долго спустя послѣ Готѳовъ, и Славяне стали пытаться передавать на своемъ языкѣ мѣста изъ книгъ св. Писанія и молитвы. Славяне юго-западные могли начать эти попытки въ VI—VII вѣкахъ, Славяне сѣверо-западные и восточные въ IX. О Русскомъ переводчикѣ Евангелія и Псалтыря сохранилось преданіе, какъ о современникѣ первоучителей Славянскихъ, братьевъ Константина и Меѳодія, совершившемъ свой подвигъ прежде, чѣмъ начали свой подвигъ для Славянъ эти святые братья; Чешскія глоссы къ Латинскому тексту Евангелія Іоанна также современны Константину и Меѳодію. Подобныя попытки Славянъ переводить Слово вѣры на свой языкъ не могли не содѣйствовать водворенію мысли о народности богослуженія, такъ

удачно защищенной братьями первоучителями передъ своими Латинскими противниками, — и когда Русскій народъ обратился къ христіанству, онъ нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчіи, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ. Книги эти послужили основаніемъ письменности Русской: она пошла по пути, указанному ими, удерживая постоянно въ близкомъ сродствѣ языкъ свой съ языкомъ народа.

Не смотря впрочемъ на то, что многое, по видимому, содѣйствовало постоянной близости книгъ и народа, въ языкѣ Русскомъ постепенно отдѣлились одинъ отъ другаго, какъ два нарѣчія, языкъ книжный и языкъ простонародный. Главная причина этого отдѣленія заключалась въ необходимой неподвижности языка, освященнаго Церковію: какимъ бы измѣненіямъ ни долженъ былъ подвергнуться языкъ народа, языкъ книгъ богослужебныхъ долженъ былъ оставаться тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ сначала; самъ народъ, чѣмъ болѣе крѣпъ въ вѣрѣ и благочестіи, тѣмъ болѣе почиталъ этотъ языкъ, и сохраняя его особенности, сколько могъ понимать ихъ, нарушалъ ихъ въ пользу своего народнаго только безсознательно. Скорѣе могли быть допущены въ этотъ священный языкъ заимствованія изъ чужихъ языковъ, не нарушавшія важности его, чѣмъ заимствованія изъ языка обыденнаго, болѣе богатаго жизнію, но за то и болѣе связаннаго съ мелочами жизни. Наука, оставаясь подъ покровомъ вѣры, также должна была держаться языка принятаго вѣрой, и по мѣрѣ какъ нуждалась въ выраженіи сво-

ихъ положеній, развивала этотъ языкъ, не заботясь о томъ, что тѣмъ удаляла его все болѣе отъ языка народнаго. А между тѣмъ, въ слѣдствіе связей съ западомъ, вліяніе иноземное на вкусъ и понятія высшихъ классовъ вообще и особенно людей, въ рукахъ которыхъ была письменность, возрастало все болѣе и все сильнѣе отражалось на языкѣ книгъ и образованнаго общества: языкъ этотъ умножалъ свой составъ массами словъ, болѣе чуждыми для народа по звукамъ и значенію, чѣмъ самыя понятія, которыя выражаемы были ими; а вслѣдъ за словами принималъ въ себя и обороты и формы общаго склада рѣчи, столько же чуждыя обычаю народному. — Съ другой стороны языкъ народный самъ подчинялся обстоятельствамъ удалявшимъ его отъ прежней близости съ языкомъ книгъ. Подчиненный внутреннему закону измѣняемомости, онъ шелъ все далѣе по пути измѣненій въ своемъ составѣ и строѣ. Вліяніе тѣхъ народовъ, съ которыми вступалъ онъ въ связи въ разныхъ краяхъ своего пространства, отражалось на немъ такъ-же сильно и разнообразно, какъ вліяніе чуженародной образованности на языкѣ книжномъ. Причины внутреннія и внѣшнія дробили языкъ народа на мѣстные говоры и нарѣчія. Такъ съ теченіемъ времени должны были языкъ книгъ и языкъ народа отдѣлиться одинъ отъ другаго довольно рѣзкими особенностями,—и только въ слѣдствіе иныхъ благопріятныхъ причинъ могли они опять сблизиться хотя до нѣкоторой степени въ одно цѣлое.—Такимъ образомъ Исторія Русскаго языка представляется связью нѣсколькихъ исторій отдѣль-

ныхъ, и двѣ главныя изъ нихъ—Исторія языка простонароднаго и Исторія языка книжнаго, литературнаго. На ту и на другую филологъ долженъ обращать вниманіе отдѣльно, и такъ какъ жизнь языка въ книгѣ возможна только потому что есть или была жизнь языка въ народѣ, то Исторію народнаго языка онъ долженъ изучать прежде и даже болѣе, чѣмъ исторію книжнаго.

V.

Доказывая, что народный языкъ Русскій теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно обратить вниманіе на его мѣстныя оттѣнки, на нарѣчія и говоры, въ которыхъ его строй и составъ представляются въ такомъ многообразномъ развитіи, какое конечно никто не станетъ предполагать возможнымъ для языка древняго, точно такъ же, какъ никто не станетъ защищать, что и нарѣчія Славянскія и всѣ сродные языки Европы всегда различались одни отъ другихъ на столько, на сколько различаются теперь. Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное — Великорусское и Малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчія восточное—собственно Великорусское и западное — Бѣлорусское, а на югѣ нарѣчія восточное—собственно Малорусское и западное—Русинское, Карпатское; еще новѣе черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій Рускихъ. Конечно всѣ эти нарѣчія и говоры остают-

ся до сихъ поръ только оттѣнками одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства Русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращалъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, на пр. въ языкѣ Итальянскомъ, Французскомъ Англійскомъ, Нѣмецкомъ, въ нарѣчіи Хорутанскомъ, Словацкомъ, Сербо-Лужицкомъ, Польскомъ. Очевидно, что хотя мѣстныя обстоятельства и имѣли свое вліяніе на Русскій языкъ, но, сравнительно, во все не столь рѣзкое и сильное какъ въ другихъ языкахъ. Все это правда; тѣмъ не менѣе правда и то, что мѣстныя обстоятельства дѣйствовали и на измѣненія Русскаго языка, что не каждое изъ его мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ одинаково сохранило то, что въ немъ было прежде, что всякое нарѣчіе къ тому, что было прежде, прибавило свое новое, что только въ немъ одномъ и есть. У каждаго нарѣчія была своя собственная судьба, болѣе или менѣе отличная отъ судьбы другихъ. Каждое нарѣчіе отличилось отъ другихъ не только особенными словами и выраженіями, но и формами образованія, измѣненія и сочетанія словъ, болѣе всего впрочемъ выговоромъ, и каждый говоръ отъ другихъ близкихъ почти исключительно однимъ выговоромъ.

Нарѣчіе Великорусское отдѣлилось отъ Малорусскаго болѣе всего необходимою смягчаемостью согласныхъ при ихъ сліяніи съ гласными тонкими и неудержаніемъ кореннаго выговора гласныхъ, неопредѣляе-

мыхъ удареніемъ. Въ слѣдствіе необходимости смягчать согласныя передъ гласными тонкими буквы *г*, *к*, *х*, потеряли свое природное свойство оставаться постоянно твердыми: *ы* послѣ нихъ стало невозможно. Въ слѣдствіе неудержанія кореннаго выговора гласныхъ, на которыхъ нѣтъ силы ударенія, *е* безъ ударенія выговаривается то какъ *а*, то какъ *и*, въ обоихъ случаяхъ удерживая передъ собою согласную мягкую, *о* безъ ударенія выговаривается во многихъ мѣстахъ какъ *а*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже какъ *у*. Къ этому прибавить еще должно, что смягчаемость согласныхъ переходная при измѣненіи словъ во многихъ случаяхъ и во многихъ мѣстахъ пропала тамъ, гдѣ бы ее можно было ожидать (*рѣкѣ* вмѣсто *рѣцѣ*, *роги* вмѣсто *рози*, *бѣгить* вмѣсто *бѣжить* и т. п.) Вмѣстѣ съ тѣмъ она появилась тамъ, гдѣ прежде выговоръ народный могъ обойтись и безъ нее: хотя и не на всемъ пространствѣ нарѣчія, однако во многихъ мѣстахъ вмѣсто *дь* и *ть* стали выговаривать *дзь* и *ць* (*говориць* вмѣсто *говорить*, *радзьць* вмѣсто *радьть* и т. п.) Это «цвяканье», какъ обыкновенно говорится въ народѣ, считаютъ исключительно особенностью говора Бѣлорусскаго, и столь важною, что по одной ей дали говору Бѣлорусскому названіе особеннаго нарѣчія, въ слѣдствіе чего и дѣлятъ народный Русскій языкъ на три главныхъ нарѣчія, а не на два. Но «цвяканье» можно слышать не въ однихъ западныхъ краяхъ Великорусскаго нарѣчія: на востокѣ, по Окѣ и далѣе къ Волгѣ оно также въ обычаѣ, и придавая собою звучности рѣчи какую-то рѣзкость, отмѣчает-

ся народомъ, къ нему непривычнымъ, какъ что-то отвратительное или по крайней мѣрѣ смѣшное. Къ этой особенности говора Бѣлорусскаго прибавляютъ въ дополненіе нѣсколько другихъ, какъ напр. перемѣшиваніе *у* и *в*, выговоръ *г* какъ *h*, и т. п.; но все это можно слышать въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ Великорусскихъ. Вообще до сихъ поръ не отмѣчено въ Бѣлорусскомъ говорѣ ни одной такой черты, котокоторая бы не повторилась хотя гдѣ нибудь въ Великой Руси. Вотъ почему, кажется, гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ. Въ Бѣлорусскомъ есть, конечно, много особенныхъ словъ, непонятныхъ каждому Великоруссу; но и всякій другой говоръ богатъ ими.

Нарѣчіе Малорусское отдѣлилось отъ Великорусскаго преимущественно сжатостью выговора согласныхъ твердыхъ и переходомъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой. Въ слѣдствіе сжатости выговора согласныхъ твердыхъ, нѣкоторые изъ нихъ утратили свой полный звукъ: такъ между прочимъ *л* твердый или переходитъ въ *у* полугласное (*говорiу*, *поуный*) или выговаривается какъ западное *l*. Отъ сжатости же согласныхъ произошла и утрата *ы*, которое смѣшалось съ *и* (*мило* и *мыло*, *лисъ* и *лысъ* выговариваются одинаково). Что касается до перехода гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой, то въ этомъ отношеніи болѣе всего замѣчательна буква *о*: на востокѣ она переходитъ въ *и*, смягчающее предъидущую согласную, не только коренную, но и призвуч-

ную, а на западѣ чаще въ *у*, кое-гдѣ не смягчающее и большею частію смягчающее согласную (вмѣсто *богъ* говорятъ *биг, буг, (буш) бјуг*, вмѣсто *отъ — вид, вуд, вјуд*, вмѣсто *овца—вивця, вувця, вјувця* и т. п). Переходъ *о* въ *и* повторился еще только въ одномъ нарѣчіи Славянскомъ, въ нарѣчіи уже исчезнувшемъ Славянъ Эльбскихъ Люнебургскихъ. Въ числѣ важныхъ особенностей Малороссійскаго нарѣчія ставятъ и выговоръ *ѣ* какъ *и*; но это повторяется и въ говорахъ Великорусскихъ. Гораздо важнѣе то, что Малороссы сохранили несравненно болѣе чѣмъ Великорусссы переходную смягчаемость согласныхъ (*бережи* — береги, *на рици* — на рѣкѣ, *на порози* — на порогѣ и т. п.), не перемѣнили *ы* и *и* на *о* и *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимъ отличили отъ Старославянскаго свой выговоръ Великоруссы (*крыти—крыю, крый* а не *крою, крой,—мыти — мыю, мый*, а не *мою, мой,—лити—лій* а не *лей,—вити—вій* а не *вей, хромый*, а не *хромой, кый* а не *кой, сій* а не *сей*). Также очень важно сохраненіе нѣкоторыхъ формъ измѣненія словъ, напр. особеннаго окончанія звательнаго падежа (*сестронько, козаче, братику*), будущаго сложнаго съ помощію глагола *иму-имешь* (напр. *знат-иму, знат-имешь, знат-иметь*—буду знать и т. п.) Мѣстные говоры Малорусскіе также разнообразны какъ и Великорусскіе и болѣе другихъ замѣчательны своими особенностями говоры западные—въ Черниговской губерніи, въ Галиціи и Венгріи, преимущественно говоры горцевъ Бескидскихъ. Тамъ, гдѣ сблизилось Малорусское нарѣчіе съ говоромъ Бѣлорусскимъ, образовались особенные смѣшанные говоры; это явленіе повтори-

лось отчасти и въ другихъ границахъ Великорусскаго нарѣчія; на пр. въ губерніи Воронежской. Тоже самое нельзя не замѣтить и на западныхъ границахъ нарѣчія Малорусскаго въ Венгріи; тамъ сближеніе Малороссовъ со Словаками породило нѣсколько говоровъ Словацко-Русскихъ и Русско-Словацкихъ.

Довольно обратить вниманіе на мѣстныя видоизмѣненія Русскаго языка, чтобы указать что народный Русскій языкъ теперь уже далеко не тотъ, что былъ въ древности, довольно, если бы даже и не было возможности узнать ни одного факта касательно древняго Русскаго языка. Но однимъ изученіемъ нынѣшняго разнообразія мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ не можетъ ограничиться филологъ, если у него въ виду объяснить исторически ходъ измѣненій Русскаго языка въ народѣ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ языка на мѣстныя нарѣчія, шло и его общее постепостепенное удаленіе отъ первопачальнаго его вида на всемъ его пространствѣ. Идя путемъ превращеній, онъ всюду терялъ, хотя и не всюду въ одно и тоже время, свои древнія формы и слова, и вмѣсто ветшающихъ принималъ новыя, хотя и не всюду совершенно однѣ и тѣже, но всюду сходныя, и въ этомъ ходѣ превращеній зависѣлъ не отъ мѣстныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ отчасти образовывались нарѣчія, а отъ общихъ законовъ измѣняемости языковъ. На каждомъ изъ нарѣчій отпечатлѣлся общій ходъ измѣненій языка, но только отчасти, и такъ, что многое, что было въ языкѣ прежде, не сохранилось ни въ одномъ изъ нихъ.

Въ измѣненіяхъ своихъ Русскій языкъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли и всѣ остальныя Славянскія нарѣчія. Почти все, что было въ немъ прежде, было и въ нихъ; многое, что по времени терялъ и вновь пріобрѣталъ онъ, теряли и вновь пріобрѣтали также и они. Всѣ нарѣчія Славянскія, чѣмъ болѣе измѣнялись, тѣмъ болѣе удалялись одни отъ другихъ, и взаимное удаленіе ихъ во многомъ зависѣло отъ разновременности и разнохарактерности ихъ удаленія отъ первоначальнаго вида подъ вліяніемъ причинъ мѣстныхъ; тѣмъ не менѣе ходъ измѣненій въ его главныхъ чертахъ и условіяхъ былъ одинъ и тотъ же, и только примѣнялся къ обстоятельствамъ мѣстнымъ.

Такъ измѣненія звучности языка представляютъ слѣдующіе факты:

— Измѣнялась постепенно вся система *звуковъ гласныхъ*: — Одни изъ нихъ — именно носовые ѫ и ѧ, глухіе ъ и ь, широкое ы — постепенно выходили изъ употребленія, прежде ограничивали кругъ своего значенія, потомъ и совершенно пропадали; другіе звуки— именно: двугласные и средніе — являлись вновь, все болѣе умножаясь числомъ и расширяя кругъ значенія. Удаленіе гласныхъ звуковъ отъ первоначальнаго своего значенія выразилось переходомъ ихъ однихъ въ другіе, превращеніемъ въ согласные, выпущеніемъ изъ словъ и приставкою къ словамъ, гдѣ ихъ требуетъ не смыслъ, а понятіе народа о гармоніи или нужда облегчить выговоръ слова. Кромѣ всего этого, звуки гласные долгіе тратили свой характеръ, смѣшивались съ

ударенными; ударенія тоже теряли свое прежнее значеніе, подчиняясь условіямъ внѣшнимъ, независимымъ отъ значенія слова.—Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ звуковъ гласныхъ:

«Гласные звуки *долгіе и короткіе, съ удареніемъ* и *безъ ударенія* слышны во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но вовсе не съ одинаковымъ значеніемъ. Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, равно и въ Чешскомъ и Словацкомъ долгота отличается отъ ударенія, и гласные долгіе выговариваются вдвое длиннѣе противъ гласныхъ короткихъ; въ одномъ словѣ можетъ быть на одной изъ гласныхъ долгота, а на другой удареніе, въ нѣкоторыхъ словахъ слышны только долгіе звуки, въ другихъ только короткіе, въ нѣкоторыхъ долгота соединена съ удареніемъ на одномъ слогѣ, и всюду гдѣ употребляется, употребляется какъ необходимость. Въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Лужицкомъ, Полабскомъ долгота уже не необходимость, а только украшеніе, совершенно произвольное, такъ сказать реторическое, принадлежащее почти исключительно слогамъ, обозначеннымъ удареніемъ, и зависящее въ употребленіи отъ воли говорящаго, а не отъ требованій звучности языка.—Равнымъ образомъ и удареніе не во всѣхъ нарѣчіяхъ одинаково сохранило давній свой характеръ. Съ корней ихъ стали переносить въ словахъ на слоги прибавочные, и наконецъ, подчинивши ихъ внѣшнимъ условіямъ образованія словъ, оставили ихъ неподвижно на опредѣленномъ мѣстѣ во всѣхъ словахъ одинаково, вовсе безъ отношенія къ составнымъ частямъ и фор-

мамъ образованія словъ. Такъ въ нарѣчіяхъ югозападныхъ большая часть словъ удерживаютъ ударепіе на предпослѣднемъ или на первомъ слогѣ; въ нарѣчіи Польскомъ ударепіе на предпослѣднемъ слогѣ сдѣлалось необходимостью; въ нарѣчіи Лужицкомъ слова двусложныя и трехсложныя удерживаютъ ударепіе на первомъ слогѣ, а слова, состоящія болѣе чѣмъ изъ трехъ слоговъ на третьемъ отъ конца; въ Чешскомъ однимъ кажется необходимостью обозначать ударепіемъ первый слогъ слова, другимъ произносить слова вовсе безъ ударенія. — Въ Русскомъ для ударенія нѣтъ опредѣленнаго мѣста, и дознаться до правилъ употребленія ударенія очень трудно: слоги и первые, и послѣдніе, и средніе, коренные и придаточные, и тѣ, на которыхъ была, и на которыхъ не была въ древности долгота, одинаково могутъ быть обозначаемы ударепіемъ. По видимому много произвола должно было замѣшаться въ употребленіе ударепій; тѣмъ не менѣе на всемъ пространствѣ Русскаго языка большая часть словъ произносятся въ отношеніи къ ударенію одинаково. Равно и долгота слоговъ во всемъ Русскомъ народѣ одинаково сдѣлалась принадлежностью реторики народной, независимой отъ строя языка.

«Звуки *носовые* уцѣлѣли теперь только въ Польскомъ и то уже не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы можно было ихъ ожидать: полный, ясный выговоръ ихъ сталъ зависѣть отъ ихъ положенія въ словѣ, и число словъ, въ которыхъ они перестаютъ быть слышны, все болѣе увеличивается: такъ въ концѣ словъ (są, idą, ręką, mię, mrę), и передъ окончательнымъ ł (wziął, dął) они

выговариваются глухо, въ иныхъ краяхъ безъ всякаго оттѣнка посоваго продолженія; такъ нѣкоторыя производныя слова отъ корней съ посовымъ звукомъ остаются безъ него (gusła, nudzić, piekrzyć, sobota, trud). Еще въ большей степени нарушено было правильное употребленіе посовыхъ звуковъ въ нарѣчіи Балтійскихъ Славянъ. Въ другихъ нарѣчіяхъ остались они только въ нѣкоторыхъ словахъ: такъ въ Хорутанскомъ въ Каринтіи, въ Болгарскомъ въ Македоніи, и т. д. Въ большей части нарѣчій мѣсто посовыхъ заняли чистые или глухой ъ: въ Сербскомъ *у* и *е*, въ Хорутанскомъ *о* и *е*, въ Чешскомъ *у*, *а*, *е*, *и*, въ Болгарскомъ *а*, ъ, *у*, *е*. — Въ Русскомъ посовыхъ звуковъ не было, кажется, уже при самомъ началѣ его отдѣленія отъ нарѣчій западныхъ: широкій носовой звукъ ѧ замѣненъ въ немъ посредствомъ *у* (*судъ*, *рука*, *беру*, *воду*, *водою*, т. е. *водоју*), а тонкій ѧ посредствомъ *а*, смягчающаго предъидущую согласную (*мясо*=*мјасо*, *имя*=*имја*, *летятъ*=*летјатъ*).

«Звуки *глухіе* хотя еще и сохраняются, слившись въ одинъ (ъ), въ Сербскомъ, Чешскомъ, Словацкомъ, но только въ тѣхъ словахъ, гдѣ ихъ выговору помогаютъ *р* и *л*, и то не вездѣ съ одинаковою силой. Въ Хорутанскомъ и Болгарскомъ глухой гласный ъ слышенъ несравненно чаще, но не вездѣ тамъ, гдѣ бы его можно было ожидать, а на мѣстѣ другихъ гласныхъ звуковъ: Болгарское нарѣчіе замѣняетъ имъ носовые звуки; Хорутанское — всѣ гласныя безъ исключенія, доводя это пристрастіе къ глухому звуку въ нѣкоторыхъ краяхъ до такой крайности, что въ иныхъ выраженіи-

яхъ нѣтъ вовсе никакихъ гласныхъ кромѣ глухаго *ъ* (Вотъ для примѣра поговорка: къ съм върв въ върт въргъ, съм съ търдъ търп въ пърст вдърл, пишутъ ее впрочемъ иначе: Ko sim vèrv v'vèrt vèrgel, sim si tèrdi tèrn v' pèrst v dèrl, нигдѣ и никогда такъ не выговаривая, какъ пишется). Во всѣхъ другихъ парѣчіяхъ: его нѣтъ: въ Хорватскомъ мѣсто его заняли *е*, *у*, въ Лужицкомъ *о*, *е*, въ Полабскомъ *о*, *е*, *а*, въ Польскомъ *о*, *е*, *а*, *у*, *и*. И въ Чешскомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ подлѣ *ъ* ни *р*, ни *л*, онъ выговаривается какъ *е* или *у*, въ Словацкомъ какъ *о*, *е*, *у*, *а*, въ Сербскомъ какъ *а*. Равно и въ Болгарскомъ мѣсто *ъ* заступаетъ не рѣдко *о*, *е*, *а*, а въ Хорутанскомъ *о*, *е*. Во всѣхъ парѣчіяхъ, кромѣ этого, есть обычай совершенно опускать глухой гласный звукъ, ничѣмъ его не замѣняя: болѣе другихъ замѣчательно въ этомъ отношеніи парѣчіе Польское, въ которомъ это опущеніе возможно и тамъ, гдѣ бы, казалось, ему должно было помѣшать стеченіе согласныхъ (brwi, grzmi, drwa, trwoga). — Въ Русскомъ глухіе гласные звуки оставались долго: ихъ употребляли довольно правильно еще и въ XIV вѣкѣ; хотя впрочемъ и въ памятникахъ XIII вѣка есть уже ясные слѣды уклоненія отъ нихъ выговора народнаго. Въ послѣдствіи времени они совершенно пропали, будучи или замѣнены чистыми гласными *о* и *е*, или же совершенно выпавши изъ выговора (*листокъ — листка*, *палка — палокъ*, *левъ — льва*, *тьма — темъ*). Буквы *ъ* и *ь* удерживаетъ правописаніе, но дало имъ совершенно другой характеръ, характеръ не звуковъ отдѣльно выговариваемыхъ, а знаковъ, по-

казывающихъ, какъ должна быть произнесена предъидущая согласная, твердо или мягко. Выговариваніе глухаго звука *ъ* въ нѣкоторыхъ словахъ (*гмъ, бръ, чьлавекъ* вмѣсто *человькъ*, срав: древнее Ст. Слав. *ч'ловькъ, гътъ* вмѣсто *говоритъ*), безъ сомнѣнія замѣчательно, какъ остатокъ старины, но такихъ словъ очень не много. Не льзя также опускать изъ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ Русскихъ, такъ какъ и въ нарѣчіи Хорутанскомъ, обнаруживается стремленіе замѣнять глухимъ звукомъ *ъ* всѣ гласныя широкія и звукомъ *ь* гласныя тонкія, если на нихъ нѣтъ ударенія; впрочемъ это стремленіе не получило еще, кажется, нигдѣ характера постояннаго обычая, такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ въ томъ же словѣ произнесетъ и звукъ глухой и гласный чистый.

«Широкое *ы* остается на западѣ въ общенародномъ выговорѣ только въ нарѣчіи Польскомъ и отчасти Лужицкомъ. Въ другихъ западно-Славянскихъ краяхъ его можно слышать только въ немногихъ мѣстныхъ говорахъ—болѣе всего въ долинахъ между горъ, гдѣ народъ упрямѣе удерживаетъ свой старинный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старинный языкъ и выговоръ. Чехи правильно отличали *ы* отъ *и* въ XV и даже въ XVI вѣкѣ; теперь же хотя и удерживаютъ его въ правописаніи, по этому должны учиться, такъ же какъ мы правильному употребленію буквы *ъ*. Долгое *ы* они выговариваютъ какъ *еи* (*беити, меилити* вмѣсто *быти, мылити*); но этимъ однако не отличилось у нихъ *ы* отъ *и*, которое тоже обращается въ двугласное *еи*. Сербы правильно употребляли *ы*, не смѣшивая

съ *и* въ XIII и XIV вѣкѣ; и теперь еще они стыдятся выбросить его изъ азбуки, но уже вовсе не понимаютъ его значенія, и пишутъ гдѣ случится, очень часто не впопадъ. Русскіе равнымъ образомъ уже не всѣ сохранили *ы*: его удержали Великоруссы и отчасти западные Малоруссы въ горахъ Карпатскихъ; но Бѣлоруссы тратятъ все болѣе, а восточные Малоруссы утратили совершенно, выговаривая безразлично *ы* и-*и*, не смягчающее предъидущей согласной, какъ замѣчено было прежде. Впрочемъ и Великоруссы, сохранивши звукъ *ы* въ выговорѣ, не удержали его вездѣ, гдѣ было оно въ древности: очень издавна, по крайней мѣрѣ съ XIII — XIV вѣка, мѣсто его заступило *о* въ прилагательныхъ муж. р. имен. пад. (*великой* вмѣсто *великый*), въ настоящемъ и повелительномъ глаголовъ на *ы-ти* (*кры-ти—крою, крой*).

«Появленіе *двугласныхъ* довольно давне: слѣды ихъ есть въ Чешскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка и въ Хорутанскихъ памятникакъ XV вѣка. Теперь двугласные слышны уже во многихъ парѣчіяхъ: въ Чешскомъ есть *оу, еи*, въ Словацкомъ *оу, уо, ои*, въ Лужицкомъ *ие*, въ Хорутанскомъ *оу, оа, уо, уе, еи*, въ Сербскомъ *ије*. Вездѣ они занимаютъ мѣсто гласныхъ чистыхъ и посовыхъ долгихъ. Въ Великорусскомъ двугласные вообще не обычны (кромѣ такихъ случаевъ какъ *ае* въ словѣ *чъловекъ*); но въ Малорусскомъ на западѣ они уже стали необходимостью: *уи, уа*, замѣняютъ мѣсто долгаго *о* (вмѣсто *конь* говорятъ *куинь, куань*).

«Гласные *средніе*, въ лѣствицѣ звуковъ занимающіе

середины между гласными чистыми, сдѣлались также необходимостью нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ въ разныхъ нарѣчіяхъ. Между ними болѣе другихъ замѣтны по употребленію: *â*, занимающее середину между *а* и *о*, слышно въ Хорутанскомъ; *ô*, среднее между *о* и *у*—въ Хорутанскомъ, Лужицкомъ, Словацкомъ, и Польскомъ; *ä*, среднее между *а* и *е* — въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ; *ö*, среднее между *о* и *е* — тамъ же; *ÿ*, среднее между *у* и *и* — въ Хорутанскомъ, Словацкомъ; *ê*, среднее между *е* и *и* въ Польскомъ и пр. — Употребленіе этихъ среднихъ звуковъ уже проникло и въ говоры Русскіе: въ Великорусскомъ на югѣ слышны *â* и *ä*, на сѣверѣ *ô*; въ Малорусскомъ *ä*, *ê*; и др.

«Изъ другихъ гласныхъ звуковъ ранѣе прочихъ подверглась удаленію отъ первоначальнаго звука буква *ъ*. Переходъ *ъ* въ *а* и въ *и* замѣтенъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянскихъ, и теперь повторяется во многихъ нарѣчіяхъ: въ *и* болѣе всего въ Сербскомъ у Римско-Католиковъ и въ Чешскомъ всегда, когда оно должно выговариваться протяженно (*бида*, *вира*); въ *а* болѣе всего въ Польскомъ (biada, wiara). Кромѣ того въ Сербскомъ оно выговаривается какъ *ије* (*сриједа*, *мијесто*), въ Хорутанскомъ какъ *еи* (*среида*, *меисто*). Замѣненіе *ъ* посредствомъ *и* обычно и въ Русскомъ во всѣхъ краяхъ (*дитя=дьтя*, *дира=дьра*); на сѣверозападѣ въ Великорусскомъ и въ Малорусскомъ оно сдѣлалось необходимою принадлежностью выговора. Замѣненіе *ъ* посредствомъ *а* не такъ часто, однако встрѣчается не только теперь въ говорѣ народа Великорусскаго, но и въ древнихъ памятникахъ.

«Звукъ *а* перешелъ теперь въ Чешскомъ въ *е* во всѣхъ случаяхъ, когда соединенъ въ одинъ слогъ съ предъидущею согласною мягкою (*душе*, *праце* вмѣсто *душа*, *праца*), а иногда даже и безъ этого условія (напр. *тейнй* вмѣсто *тайный*, *пей* вмѣсто *пай* и т. п.). Тоже повторилось и въ западномъ Малорусскомъ (*конје*, *рјеб* вмѣсто *коня*, *рябъ*).

«Звукъ *е* довольно часто замѣняется въ Лужицкомъ посредствомъ *а* (*вјацор* вмѣсто *вечеръ*, *јаден* вмѣсто *ндинъ*), въ Лужицкомъ и Чешскомъ посредствомъ долгаго *и* (*хвалений* вмѣсто *хваленје*), въ Польскомъ посредствомъ *о* (*wiodę*, *biorę* вмѣсто *вед*ѫ, *бер*ѫ). — Всѣ эти три формы удаленія *е* отъ кореннаго звука повторились и въ Русскомъ. Мѣсто *е* заступаетъ *а* или *и* съ предъидущей согласной мягкой не только въ Великорусскомъ восточномъ и западномъ (Бѣлорусскомъ), если на немъ нѣтъ ударенія, (*вјалйк*, *лјагкб*, *нјасу* вмѣсто *великъ*, *легко*, *несу*; *хочиш*, *будиш*, *минја* вмѣсто *хочешь*, *будешь*, *меня*), но отчасти и въ Малорусскомъ (*шчастја*, *здоровлја* вмѣсто *счастье*, *здоровье*, — *вечир*, *симь* вмѣсто *вечеръ*, *семь*). Мѣсто *е* въ Великорусскомъ, хотя и не во всѣхъ говорахъ, заступаетъ *о* почти всегда, когда на немъ должно опираться удареніе слова (*лјон*, *идјот*, *вечор*, *самъ-сјом* вмѣсто *ленъ=льнъ*, *идетъ*, *вечеръ*, *самъ-семь*), а въ Малорусскомъ иногда и безъ этого условія (*јого*, *јому*, *чого*, *чому* вмѣсто *кго*, *кму*, *чего*, *чему*).

«Есть случаи перехода *и* въ *е* въ Болгарскомъ (*прерода*, *стотена*, вмѣсто *природа*, *стотина*), въ *ej* въ Чешскомъ (*зејма*, *сејто* вмѣсто *зима*, *сито*). — Несправ-

менно послѣдовательнѣе, какъ важная особенность нарѣчія Великорусскаго, представляется переходъ *и* въ *е* въ нарѣчіи Великорусскомъ, будучи необходимъ въ именительномъ падежѣ существительныхъ и прилагательныхъ мужескаго рода, и въ повелительномъ глаголовъ, если вслѣдъ за *и* будетъ *й* (*соловей, сей, чей, нижней* вмѣсто *соловій, сій, чій, нижній*, — *вей, вейте* вмѣсто *вій, війте*, какъ удержалось въ нарѣчіи Малорусскомъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *и* совершенно пропало: въ существительныхъ женскаго и средняго рода, въ неопредѣленномъ наклоненіи, во 2-мъ лицѣ настоящаго времени (напр. *мать, дочь* вмѣсто *мати, дъчи, веселье,* вмѣсто *веселиѥ, быть* вмѣсто *быти, ходишь* вмѣсто *ходиши*), хотя и не до такой степени, какъ кажется: народъ не только въ Малороссіи, но и въ очень многихъ краяхъ Великороссіи удерживаетъ *и* въ неопредѣленномъ наклоненіи (*быти, ходити*) равно и въ словѣ *мати*, и т. п.

«Звукъ *у* перешелъ въ Чешскомъ послѣ всякой согласной мягкой въ *и* (*јитро, либ, чити* вмѣсто *јутро, љуб, чјути*), въ Хорутанскомъ на сѣверовостокѣ въ *ӱ* (=французское *u*, напр. *крӱг, глӱп* вмѣсто *кругъ, глупъ*). Всякое долгое *у* превратилось въ Чешскомъ въ двугласное *оу* (*лоуч, оудоли* вмѣсто *лучь, удоље*). Передъ согласными во многихъ нарѣчіяхъ *у* стало вывариваться какъ *в* (*вже* вмѣсто *уже*). — Въ Русскомъ повторяется тоже (*завтра* вмѣсто *заутра, вже* вмѣсто *уже* и т. п.).

«Звукъ *о* переходитъ въ *а* въ Хорутанскомъ (*аче, панижъи* вмѣсто *отьче, попижьнъ*). Въ Чешскомъ, Поль-

скомъ, Лужицкомъ всякое долгое *о* перешло въ *у* (*кура*, *двур*, *буг* вмѣсто *кора*, *дворъ*, *богъ*); тоже замѣтно и въ Хорутанскомъ Нижнекрайнскомъ (*нуч*, *сирута* вмѣсто *ночь*, *сирота*), въ Болгарскомъ (*голему чуду* вмѣсто *големо чудо*). Въ Полабскомъ вмѣсто долгаго *о* употреблялось *и* (*нис*, *сливи* вмѣсто *носъ*, *слово*). Въ Хорутанскомъ долгое *о* перешло кое-гдѣ въ *уо*, также какъ и въ Словацкомъ (*буог*, *двуор*, *куора*) или въ *оа* (*боаг*, *двоар*, *коара*), а въ Польскомъ Кашубскомъ въ *уе* (*буег*, *пуеч*).—Почти всѣ эти формы замѣненія кореннаго *о* другими звуками повторились и въ Русскомъ языкѣ. Такъ въ южномъ Великорусскомъ и въ Бѣлорусскомъ *о* безъ ударенія перешло въ â (*га́лâва*, *ха́рâшо*); въ Малорусскомъ западномъ, за Карпатами, *о* долгое перешло въ *у* (*буг*, *рудный* вмѣсто *богъ*, *родный*: сравнить Великорусское *муравей* вмѣсто *моровей*); въ Малорусскомъ восточномъ и въ нѣкоторыхъ краяхъ западнаго *о* долгое перешло въ *и*, смягчающее предъидущую согласную (*биг*, *пид*, *рид*, *кинь* вмѣсто *богъ*, *подъ*, *родъ*, *конь*), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ *уи* и въ *уа* (*буиг*=*буаг*, *куинь*=*куань*).

— Въ системѣ звуковъ согласныхъ происходили подобныя превращенія: одни изъ гласныхъ пропадали, другіе вновь появлялись, пропадали болѣе согласные простые, появлялись вновь согласные сложные и средніе; терялось равновѣсіе между согласными твердыми и мягкими; въ употребленіи согласныхъ мягкихъ смѣшивались взаимно двѣ различныя формы смягченія—смягченіе непосредственное (*дъ* въ *дь*) и посредственное (*дъ* въ *ждь*=*ж*=*з*); нѣкоторые изъ согласныхъ

(*в*, *н*, *л*, *j*, *г*) стали употребляться какъ евфоническія придыханія къ гласнымъ все чаще. Вотъ нѣсколько подробностей объ этихъ измѣненіяхъ въ системѣ согласныхъ:

«Согласныхъ простыхъ — *г* (*g*), *г'* (*h*), *к*, *х*, *ж*, *ш*, *з*, *с*, *д*, *т*, *р*, *л*, *н*, *м*, *б*, *п*, *в*, *ф*—ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ не удержало всѣхъ сполна, такъ какъ это должно было быть прежде. Звукъ *ф*, хотя и слышится во многихъ нарѣчіяхъ, но ни въ одномъ его нѣтъ въ коренныхъ словахъ: вмѣсто его видимъ *в*, *б*, *п* (сравните: ferveo—*вру*, faba—*бобъ*, fodio—*боду*, ferio—*перу*, flamme—*пламя*, faust—*песть* и пр.). Случайное удержаніе *ф* въ очень немногихъ корняхъ (напр. Польское ufać) есть исключеніе. Звукъ *ф* слышится только какъ отзвукъ звука *в* тамъ, гдѣ *в* не можетъ быть произнесено (напр. *всякъ* по неволѣ выговаривается какъ *фсяк*, *ровъ* какъ *роф*, *лавка* какъ *лафка*). Ни въ одномъ нарѣчіи не удержалось правильнаго различенія *г* (*g*) и *г'* (*h*); напротивъ того въ однихъ нарѣчіяхъ, какъ въ Польскомъ, нижнемъ Лужицкомъ, во всѣхъ югозападныхъ господствуетъ *г* (*g*), а въ другихъ, какъ въ Чешскомъ, Словацкомъ, верхнемъ Лужицкомъ — *г'* (*h*). Во многихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ совершенно пропалъ чистый твердый звукъ *лъ* и чистый мягкій *ль*.—Въ Русскомъ слышится *г* и *г'*, но въ немногихъ говорахъ одно при другомъ, а большею частію преобладаетъ одно изъ двухъ: въ большей части говоровъ Великорусскихъ *г*, въ Малорусскомъ нарѣчіи *г'*. Исторію этой пары звуковъ въ Русскомъ языкѣ прослѣдить очень трудно, потому что азбука никогда не

отличала ихъ. Что касается до западныхъ Славянскихъ нарѣчій, то болѣе другихъ замѣчательные факты представляются въ нарѣчіяхъ верхнемъ Лужицкомъ и Чешскомъ: въ первомъ господствуетъ теперъ *г'*, между тѣмъ въ собственныхъ именахъ мѣстностей сосѣдніе Нѣмцы издавна писали и теперь выговариваютъ *г*; во второмъ *г* теперь остается въ немногихъ словахъ, а древнѣйшіе памятники (Судъ Любиши и Евангеліе Іоанна, IX—X вѣка) не представляютъ ни одного *h*, но постоянно *g*. Изъ этого можно бы заключать, что *г* древнѣе чѣмъ *г'*; но едва ли такое заключеніе совершенно справедливо. Мнѣ кажется, справедливѣе думать, что оба звука для Славянскаго языка одинаково древни такъ же, какъ одинаково древни два подобныхъ звука — *к* и *х*.

«Звуки сложные (*дж, дз, жд—ждж,—тш=ч. тс=ц, шт — штш = щ*) не всѣ одинаково употребляются во всѣхъ нарѣчіяхъ. Общи всѣмъ нарѣчіямъ только три: *ч, ц, щ*, (послѣдній различно выговаривается, гдѣ какъ *шт*, а гдѣ какъ *шч*). Замѣчательно, что всѣ три принадлежатъ къ разряду отзвучныхъ. Три другіе — звучные—слышны только въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (*дз* преимущественно въ Польскомъ, *жд*—въ Болгарскомъ). И между тѣмъ, предположивши что одинаково древни *г* и *г'*, какъ *к* и *х*, надобно предположить, что такъ же древни *дж* и *ж*, *дз* и *з*, какъ *тш=ч* и *ш*, *тс=ц* и *с*; потому что въ лѣствицѣ звуковъ *дж* и *дз* относится къ *г* (*g*) а *ж* и *з* къ *г'* (*h*) такъ же, какъ *тш=ч* и *тс=ц* къ *к*, а *ш* и *с* къ *х*; равнымъ образомъ и *жд—ждж* на столько же должно предположить рядомъ къ *д*

и съ *зг*, какъ *шт—штш=щ* рядомъ съ *т* и съ *ск*. Не смотря однако на древность этихъ сложныхъ звуковъ, большая часть случаевъ ихъ употребленія въ нарѣчіяхъ не должна быть отнесена къ древнѣйшему времени (таковы между прочимъ Польскіе *дз* и *тс=ц*, Сербскіе и Серболужицкіе *джь* и *чь*, употребляемые вмѣсто мягкихъ *дь*, *ть*, и т. п.). Кромѣ этихъ сложныхъ, издавна бывшихъ, появились вновь прежде небывшіе сложные звуки. Между ними особеннаго вниманія достойно шепелявое *ṙ*, состоящее изъ соединенія *р* съ *ж* или *ш:* въ Чешскомъ и Польскомъ оно сдѣлалось необходимымъ, какъ единственная форма смягченія твердаго *р*; въ Лужицкомъ оно принадлежитъ также къ числу звуковъ очень обычныхъ. Что звукъ *ṙ* не древній это очевидно доказывается въ Лужицкомъ Нѣмецкимъ выговоромъ чистаго *р* въ тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ, гдѣ Лужицкій выговоръ требуетъ *ṙ* вмѣсто *р;* въ Чешскомъ — древнѣйшими памятниками (IX — X вѣка), въ которыхъ употребленъ одинъ чистый *р*, а для показанія его смягченія написано послѣ него *і;* въ Польскомъ — народнымъ обычаемъ выговаривать, при произношеніи, напр Русскихъ словъ, вмѣсто *рь* всегда или твердое *р* или *ṙ*. Къ числу согласныхъ сложныхъ должно отнести и тѣ согласные, которые соединяются съ *j*, *л*, *н* вмѣсто того, чтобы непосредственно смягчиться. Соединеніе губныхъ согласныхъ съ *л* во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ (напр. *земл*-а *капл*-а, *въпль*, *погубл*-*ати*, *ловл*-*ен*. Вмѣсто *л* употребляется для такого же смягченія предъидущихъ согласныхъ и звукъ *j* почти во всѣхъ

нарѣчіяхъ. Не столь распространены сложные звуки—*кх*, употребляемый въ верхнемъ Лужицкомъ вмѣсто чистаго *к*,—*тх* (что то въ родѣ *θ*), употребляемый въ среднемъ Лужицкомъ вмѣсто мягкаго *ть*. и т. д: не стоитъ доказывать, что это — явленіе послѣдующее.—Въ Русскомъ языкѣ, какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ съ теченіемъ времени появились звуки сложные. Особенно замѣтны соединенія согласныхъ чистыхъ съ *j*, *ль* и *нь* для выраженія ихъ смягченія. Смягченія согласныхъ посредствомъ послѣдующей *ль* есть такая же принадлежность Русскаго языка какъ и нарѣчій югозападныхъ: *земля* вмѣсто *земя*, *каплетъ* вмѣсто *капетъ*, *люблю* вмѣсто *любю*, и т. п. Въ Малорусскомъ говорится и *здоровля* вмѣсто *здоровье*. Въ такомъ же смыслѣ употребляется *нь* въ нарѣчіи Малорусскомъ (напр. *мнясо* вмѣсто *мясо*), а *j* и въ Малорусскомъ и въ многихъ говорахъ Великорусскихъ (напр. *вjану* вмѣсто *вяну*). —Звуки согласные сложные вообще нельзя не сравнивать въ историческомъ отношеніи съ звуками гласными сложными, т. е. двугласными: тѣ и другіе, отсутствуя въ первобытномъ періодѣ развитія языка, сдѣлались его необходимою принадлежностью уже въ послѣдствіи времени, когда въ языкѣ стала превращаться древняя система звучности.

«Къ числу послѣдующихъ явленій звучности языка надобно отнести, подобно гласнымъ среднимъ, и согласные средніе. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ такихъ согласныхъ среднихъ есть уже довольно много, хотя и нѣтъ знаковъ для ихъ выраженія

ни въ одной изъ азбукъ Славянскихъ. Между ними всѣхъ замѣтнѣе звукъ средній *l*, ясно выражающійся буквой латинской: теряя способность смягчать и удерживать твердость звука *л* (т. е. отличать *лъ* отъ *ль*), многія изъ нарѣчій стали вмѣсто *лъ* и *ль* употреблять одинъ *l*. Такъ Чешское нарѣчіе удержало теперь только его, и уже Гусъ жаловался на препебреженіе Чеховъ къ правильному отличенію *лъ* отъ *ль* и на употребленіе *l* вмѣсто того и другаго. Другія западныя нарѣчія Славянскія, за исключеніемъ Польскаго и нѣкоторыхъ говоровъ Словацкихъ, тоже включили въ свою систему звуковъ этотъ *l*, употребляя его вмѣсто твердаго *лъ*. Даже и въ Польскомъ *е* требуетъ передъ собою *l* средній. Въ Русскомъ языкѣ вездѣ еще слышны *лъ* и *ль*, но слышно уже и *l*: въ Малорусскомъ съ *е*, *и* можетъ соединиться только одинъ *l*. Такимъ же образомъ *е*, *и* измѣнили передъ собою въ Малорусскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, выговоръ *н*, *м*, *б*, *п* ипр., сдѣлавши ихъ изъ твердыхъ средними.

«Какъ гласные звуки издревле въ языкѣ Славянскомъ раздѣлялись на долгіе и короткіе, такъ согласные — на твердые и мягкіе; — и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ можно отличить два рода смягченія согласныхъ: одно посредственное, переходное смягченіе, предполагавшее необходимость перехода звука въ другой (напр. *г* въ *ж*, *к* въ *ч* и т. п.), другое — непосредственное (*лъ* въ *ль*, *нъ* въ *нь* и т. п.). Первый родъ смягченія, кажется, древнѣе; по крайней мѣрѣ его необходимость проникла въ

строй и составъ каждаго изъ нарѣчій Славянскихъ; впрочемъ издревле существовалъ и второй. Для каждаго рода смягченія было свое особенное мѣсто въ языкѣ: согласные гортанные подчинялись исключительно смягченію посредственному — переходу въ соотвѣтственные шипящіе и свистящіе (*г* въ *ж*, *з*, — *х* въ *ш*, *с*, — *к* въ *ч*, *ц*); согласные губные, зубные и язычные подлежали преимущественно смягченію непосредственному, до тѣхъ поръ пока не потеряли силы смягчаться и не стали нуждаться въ помощи *ль* или *j*, или же въ помощи звука шипящаго для соединенія съ гласными, требовавшими передъ собою согласныхъ мягкихъ. Той и другой смягчаемости согласныхъ не потеряло вполнѣ ни одно изъ нарѣчій Славянскихъ; особенно хранилась смягчаемость переходная, оставшись всюду необходимою принадлежностью видоизмѣненія корней и образованія словъ, а во многихъ нарѣчіяхъ и измѣненія словъ; но прежняя правильность употребленія согласныхъ мягкихъ все болѣе тратилась: оба рода смягченія взаимно мѣшались, и смягчаемость непосредственная постепенно исчезала. Такъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нарѣчія Старославянскаго замѣтны слѣды пренебреженія къ сохраненію мягкихъ *з*, *с*, *ц*, *р* (*кънязя* и *кънязя*, *вьсакъ* и *вьсакъ*, *царя* и *цара* и т. д.). Въ нынѣшнихъ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ утраты смягчаемости согласныхъ несравненно болѣе чувствительны: такъ въ Польскомъ нѣтъ *жь*, *шь*, *зь*, *ть*, *рь*; въ Чешскомъ изъ согласныхъ чистыхъ остались при смягченіи непосредственномъ только *дь*, *ть*, *нь*, *j*; въ Серб-

скомъ–только *нь*, *ль*, *j*; и пр. Лужицкое нарѣчіе болѣе другихъ сохранило смягчаемость согласныхъ, но и въ немъ далеко не всегда она слышна тамъ, гдѣ бы ее должно было ожидать.—Языкъ Русскій въ этомъ отношеніи также потерялъ многое. Въ говорахъ Великорусскихъ все чувствительнѣе становится пренебреженіе и къ переходному смягченію согласныхъ (*на рькъ* вмѣсто *на рьць*, *лягемъ* вмѣсто *ляжемъ* и т. п.) и къ смягченію непереходному (*лицо, лица, лицомъ* вмѣсто *лиця, лицю, лицемь, бою са* вмѣсто *боюся, купецъ, отецъ* вмѣсто *купьць отьць, хочетъ* вмѣсто *хочеть* и т. п.): случаи этого пренебреженія мягкихъ встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ, но въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ языка очень рѣдко.

«Употребленіе придыханій тамъ, гдѣ онѣ не требовались обще-Славянскими условіями звучности словъ, съ теченіемъ времени все увеличивалось. Нарѣчія Славянскія въ этомъ отношеніи хотя и пользовались однимъ и тѣмъ же числомъ согласныхъ, именно пятью—*j*, *л*, *н*, *в*, *г'*; по каждое своему. Только *j* и *н* удержались вездѣ въ тѣхъ границахъ, какъ было и въ древности (напр. *jего, jему*, — *н-его н-ему* и т. п.). Вмѣсте *j* употребляется *л* въ говорахъ Польскихъ и и Словацкихъ (напр. *ледва* = *ледвъ* вмѣсто і-едва). Что касается до *г'* и *в*, то они употребительны преимущественно передъ *о* (*г'остры* = *востры* вмѣсто *остры*). Придыханіе *в* употребительно впрочемъ и передъ другими гласными: такъ въ Польскомъ всякое слово начинающееся коренным посовымъ звукомъ, требуетъ передъ нимъ придыханія *в* (węgiel, wątroba).—

Придыханія господствуютъ издавна и въ Русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (*юдоль*, *союзъ*, *юха* вмѣсто *удоль*, *съузъ* = *сънузъ*, *уха*, — *Волыа*, *вонъ*, *вотчина*, *воспа*, *восемь*, вмѣстѣ *Ольга*, *онъ*, *отьчина*, *осьпа*, *осьмь*, — *параскевиıа*, *гето*, *генварь* вмѣсто *Евва*, *параскеви*-а, *ето*, *январь*, и пр.). Между говорами Русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. *онъ* = *вонъ* = *вйнъ* = *јонъ* = *'гонъ*).

«Изъ представленныхъ примѣровъ уже довольно ясно, что согласныя переходили одни въ другіе по времени все болѣе. Согласные равнымъ образомъ переходили и въ гласные. Важнѣе другихъ случаевъ — переходъ твердаго *лъ* въ гласные *у*, *о*, *а*, и въ согласное *в*. Въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ такого перехода не замѣчено; въ памятникахъ XIII—XIV вѣка попадаются примѣры этого, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ довольно часто. Теперь почти каждое изъ нарѣчій Славянскихъ представляется съ особенными условіями такого перехода. Ученое правописаніе большею частію не признаетъ надобности и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ подобныхъ, отличать требованій выговора народнаго; по требованія народнаго выговора отъ этого не слабѣютъ. Особенно рѣзко отличаются силою такихъ требованій выговора нарѣчія Сербское, Хорутанское, Словацкое и Польское: во всѣхъ четырехъ, въ большей части говоровъ, каждое *лъ*, оканчивающее слогъ, выговаривается какъ одинъ изъ означенныхъ переходныхъ звуковъ (напр. *ходио* =

ходив = ходиу = ходиа вмѣсто *ходилъ*, *котао = кота = коату = коту = коцјов* вмѣсто *котьлъ* и т. д.); въ нѣкоторыхъ, особенно на сѣверѣ, даже и при соединеніи съ гласною въ одинъ слогъ, твердое *л* выговаривается какъ *у* или *в* (напр. *шов*, *шва*, *шво* вмѣсто *шьлъ*, *шьла*, *шьло*).—Въ Русскомъ языкѣ повторяется то же самое на югѣ и на западѣ въ Малорусскомъ нарѣчіи и во многихъ говорахъ Бѣлорусскихъ: твердый *лъ*, окачивая слогъ, выговаривается какъ *в* или почти какъ *у* — пока еще не всегда, а только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ (преимущественно въ прошедшихъ причастіяхъ на *лъ*), но съ очевиднымъ стремленіемъ измѣнять все болѣе свой первобытный звукъ.

— Формы словообразованія и словоизмѣненія тратили постепенно свой видъ, значеніе и употребленіе. Видъ этихъ формъ измѣнялся отъ произношенія, въ однихъ случаяхъ сокращался, въ другихъ растягивался. Значеніе формъ измѣнялось такъ, что слова, уже опредѣленныя какою нибудь формою, для того чтобы сохранить свою прежнюю опредѣленность, принимали къ прежней формѣ еще другую: слова опредѣленныя безъ члена стали требовать члена; падежъ, ясный выражавшій свое значеніе безъ предлога, сталъ требовать предлога, и т. п. Употребленіе нѣкоторыхъ формъ все болѣе тратилось: вездѣ утрачивались постепенно прилагательныя опредѣленныя, неокончательное достительное, нѣкоторые изъ падежей, во многихъ нарѣчіяхъ простыя прошедшія, двойственное число; мѣсто причастій стали заступать вновь явившіяся дѣепричастія и т. д. Позволяю себя остановиться на

нѣкоторыхъ изъ подробностей измѣненій западныхъ нарѣчій Славянскихъ и языка Русскаго въ отношеніи къ значенію и употребленію формъ словообразованія и словоизмѣненія.

«Древній обычай отличать въ наращаемыхъ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ причастіяхъ именительный падежъ единственнаго числа отъ падежей косвенныхъ одинаково слабѣлъ съ теченіемъ времени во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Это удаленіе словъ отъ древней первобытной формы пошло двумъ путями; или забываема было совершенно идея наращенія, и слово измѣняться стало въ косвенныхъ падежахъ какъ будто не наращаемое, или же и падежъ именительный получалъ форму наращенную. Случаевъ послѣдняго рода гораздо болѣе, но есть и первые: такъ среднія имена на *о* (*тѣло, небо*) въ большей части Славянскихъ нарѣчій потеряли наращаемость по крайней мѣрѣ въ единственномъ числѣ; въ нарѣчіяхъ югозападныхъ удержалась она только для множественнаго числа и то не безъ исключеній, и только въ Хорутанскомъ, да кое-гдѣ въ Хорватскомъ не совсѣмъ забыта въ числѣ единственномъ (*око* род. *ока* и *очеса* и т. д.) Наращеніе принято и для именительнаго падежа вездѣ для именъ мужескаго и женскаго рода на *ы* (*камень* = *камен*, *црьква* = *церква*: *црькев* = *церкев* и тд.): въ Хорутанскомъ удержало форму не наращенную только *кры* (въ род. *крьви*). Слово *мать* удержалось вездѣ въ именительномъ также безъ наращенія, а *дочь* только въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, и то не безъ исключе-

ній, въ сѣверозападныхъ же нарѣчіяхъ приняло *р* (*дцера, цера=цора=цурка*, напр.). Имена средняго рода съ наращеніемъ *н* и *т* удержались въ именительномъ падежѣ безъ наращенія въ большей части нарѣчій, впрочемъ въ Чешскомъ и Словацкомъ наращеніе *н* господствуетъ уже въ народѣ, все болѣе уничтожая изъ обычая именительный безъ наращенія (*рамено, племено, имено*). Прилагательныя сравнительной степени вездѣ потеряли возможность являться въ томъ видѣ, въ которомъ видимъ мы ихъ въ древнихъ памятникахъ: въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Сербскомъ, образовались они, безъ помощи наращенія, на *и'* со смягченіемъ предъидущей согласной (*манји', болји', дужи', тврђджи*) или сдѣлались неизмѣнными нарѣчіями (*болје манје* и т. п.), а во всѣхъ другихъ приняли и для именительнаго падежа наращеніе *ш* (*худши'=худьйши' бѣльти'=бѣльйши*). Тоже самое превращеніе испытали и причастія прошедшаго времени, принимавшія наращеніе *ш*: они или превратились въ неизмѣняемыя дѣепричастія (*знав=знавши*) или, принявши опредѣленное окончаніе для каждаго изъ родовъ, сдѣлались обыкновенными прилагательными. Замѣчательное уклоненіе отъ этого представляется въ Чешскомъ нарѣчіи: сдѣлавшись дѣепричастіями, они однако сохранили возможность принимать на себя знакъ числа (един. *знав=знавши*, множ. *знавше*). Въ такомъ же положеніи находятся теперь и причастія настоящаго времени, принимавшіе наращеніе *щ*: въ сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ, принимая окончаніе рода, съ наращеніемъ въ именитель-

помъ падежѣ, они сдѣлались прилагательными (напр. въ Польскомъ *pijący*, *znający*, въ Лужицкомъ: *pijacy*, *znajacy*, въ Чешскомъ: *pijíci*, *znajíci*), или, не принимая знака рода, превратились въ дѣепричастія (Польс. *znając*, Луж. *znajo*), отличая только въ Чешскомъ нарѣчіи единственное число отъ множественнаго (един. *buda*, *budouc*, множ. *budouce*); въ нарѣчіяхъ югозападныхъ совершенно потеряли измѣняемость (напр. Хорут. *delaje*, *delajo*, *delajoć*, Серб. *играјући*). — Въ Русскомъ языкѣ законъ парощаемости именъ и причастій долго былъ въ силѣ; нѣтъ сомнѣнія, что не только въ XIV вѣкѣ, но и позже былъ онъ въ памяти народа; но потомъ все болѣе былъ забываемъ, и теперь представляетъ въ говорахъ народныхъ только бѣдные остатки. Во многихъ именахъ наращеніе срослось съ именительнымъ падежемъ (какъ напр. *колесо*, *веретено*, *кольцо*, *матерь*, *дочерь*, *церковь* = *церква*, *любовь*, *ремень* и т. п.); во многихъ другихъ оно пропало совершенно (напр. *небо*, *слово*, *ухо*, *дерево*); въ нѣкоторыхъ только—именно средняго рода, наращаемыхъ посредствомъ *т* и *н*, коегдѣ удерживается въ косвенныхъ падежахъ, но и то уже все болѣе колеблясь (говорится *стремя* и *стремень*, *вымя* и *вымень*, *темя* и *темень*, *дитятью* и *дитею* и т. п). Имена прилагательныя сравнительной степени или обратились въ нарѣчія, или, получивши характеръ степени превосходной, приняли наращеніе и для именительнаго мужескаго (*нижшій*, *вышшій*, *большій*, — *ниже*, *выше*, *болѣе* и т. п.). Причастія дѣйствительныя настоящія равнымъ образомъ сдѣлались или неизмѣнными дѣепричастіями, или

прилагательными, въ первомъ случаѣ безъ необходимости принимать наращеніе (*ведя*, *ведучи*, *пловучій мостъ*, *толкучій рынокъ*, *сыпучій песокъ*). Причастія прошедшія сохранили болѣе свой прежній характеръ, не отдѣлившись отъ глаголовъ до такой степени какъ причастія настоящія; но и они или сдѣлались неизмѣнными дѣепричастіями, или приняли наращеніе и для именительнаго падежа мужескаго рода (*ведши*, — *ведшій*). Нѣкоторыя изъ нихъ даже получили характеръ настоящихъ прилагательныхъ именъ.

«Отличеніе прилагательныхъ и причастій опредѣленныхъ отъ неопредѣленныхъ, столь яркое въ древнихъ памятникахъ Славянскихъ нарѣчій, проникавшее во весь строй ихъ склоненія, постепенно терялось: опредѣленныя все чаще употреблялись вмѣсто неопредѣленныхъ, а неопредѣленныя все болѣе выходили изъ употребленія. И въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются случаи этого смѣшенія однихъ съ другими, но рѣдко. Въ памятникахъ болѣе позднихъ такихъ случаевъ уже много. Теперь въ большей части нарѣчій Славянскихъ или вовсе утратилась неопредѣленная форма, или сохранилась въ нѣкоторыхъ падежахъ и въ нѣкоторыхъ поговорочныхъ выраженіяхъ. Болѣе всѣхъ другихъ нарѣчій удержало особенности прилагательныхъ неопредѣленныхъ нарѣчіе Сербское, болѣе потому что почти каждое прилагательное можетъ быть поставлено въ формѣ неопредѣленной и опредѣленной (*добар*, *добра*, *добро*,—*добри'*, *добра'*, *добро'*); но и въ немъ уже невозможно просклонять неопредѣленнаго во всѣхъ падежахъ безъ помощи опредѣленныхъ

окончаній: въ единственномъ числѣ творительный мужескаго рода, дательный и предложный женскаго, а во множественномъ всѣ падежи кромѣ именительнаго и винительнаго принадлежатъ склоненію опредѣленному. Нарѣчіе Чешское удержало склоненіе неопредѣленное почти только для прилагательныхъ притяжательныхъ и то не всѣхъ и не для всѣхъ падежей склоненія: самыя правильныя изъ нихъ склоняются какъ существительныя въ единственномъ числѣ, за исключеніемъ падежа предложнаго, а во множественномъ только въ именительномъ и винительномъ; другіе только въ именительномъ и винительномъ и по требованію глагола въ дательномъ (*welik — welika — weliku*). Въ другихъ нарѣчіяхъ пропало склоненіе неопредѣленное почти все сполна. — Русскій языкъ въ народѣ сохраняетъ еще нѣкоторые падежи неопредѣленныхъ прилагательныхъ почти исключительно для единственнаго числа, но и въ немъ они все болѣе выходятъ изъ обычая: въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ они встрѣчаются гораздо чаще чѣмъ въ живомъ разговорѣ. Въ единственномъ числѣ можно употребить всѣ падежи, во множественномъ только именительный и винительный, но уже смылъ ихъ до такой степени смѣшался съ падежами опредѣленной формы, что тѣ и другіе можно употреблять безразлично, если только имя прилагательное можетъ принять форму опредѣленную въ именительномъ. Впрочемъ и здѣсь народъ уже не такъ строгъ какъ правила литературнаго языка: даже и притяжательныя, безъ различія формъ ихъ образованія, начинаютъ принимать форму

опредѣленную; нѣкоторые даже не могутъ быть безъ нея (напр. тѣ, которые оканчиваются на *ск*: *отцовской*, *дѣтской*; даже и окончаніе *ск* въ названіяхъ городовъ перемѣняется на *ской*: *Курской*, *въ Курскомъ*). Примѣры смѣшенія прилагательныхъ неопредѣленныхъ и опредѣленныхъ попадаются уже въ памятникахъ Русскихъ XIV вѣка.

«Въ измѣненіяхъ, которыя потерпѣли нарѣчія Славянскія въ отношеніи къ склоненіямъ, болѣе многаго другаго замѣчательна потеря двойственнаго числа. Что оно было во всѣхъ нарѣчіяхъ, это очевидно отчасти изъ древнихъ памятниковъ, отчасти изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ его употребленія въ говорѣ народномъ. Примѣры правильнаго употребленія двойственнаго числа видимъ въ Чешскихъ памятникахъ не только XI—X но и XIII—XIV вѣка, въ Сербскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, въ Польскихъ памятникахъ XIV вѣка и позже. Теперь двойственное число сохранилось въ цѣлости, какъ необходимая принадлежность языка народнаго, только у Сербовъ-Лужичанъ и у Хорутанскихъ Словенцевъ, но и то не вполнѣ: родительный падежь совпалъ съ родительнымъ множественнаго (Лужиц. *rakow*, *żenow*, Хорут. *rakow*, *żen*). Въ другихъ нарѣчіяхъ уцѣлѣли только напоминанія о его прежней жизни въ народѣ — въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ: такъ Полякъ доселѣ говоритъ *dwiescie* —а не *dwa sta*, *rękoma*, *uszyma* а не *rękami*, *uszami*; такъ и Чехъ говоритъ *dwěstě*, *dwě ruce*—а не *dwě ruky*, *rukou rukama*,—*kolenou*, *kolenama*—а не *ruk*, *rukach*, *rukam*, *kolen*, *kolenach*, *kolenam*,—*oči*, *očima*—а не *oka*, *oky* и т. д.—

Такъ потерялось двойственное число и изъ Русскаго языка: въ XIV вѣкѣ смыслъ его былъ еще понимаемъ; но послѣ оно было все болѣе забываемо, и теперь забыто уже до такой степени, что нечаянныхъ случаевъ его употребленія даже менѣе чѣмъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: двойственное число очевидно только въ словахъ *двѣсти*, вмѣсто *два ста* (какъ *триста*), *уши, очи* — вмѣсто *уха, ока* или *ухи, оки* (какъ *окна* или *окны*) и въ очень немногихъ подобныхъ. Соединеніе существительнаго въ родительномъ единственнаго съ числительнымъ *два—двѣ, три. четыре* (*два, три, четыре слова, двѣ, три, четыре руки*) можетъ казаться тоже остаткомъ двойственнаго, но только казаться: эта странная особенность Славянскаго словосочетанія можетъ быть и сродна съ употребленіемъ двойственнаго числа, но получила вездѣ издавна свое независимое значеніе.

«Не менѣе потери двойственнаго числа замѣчательно смѣшеніе склоненія мужескаго и женскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ есть уже слѣды неотличенія родовъ въ склоненіи, но болѣе неотличенія, зависѣвшаго отъ коренныхъ правилъ Славянскаго склоненія. Такъ напр. въ Старослав. одинаковы для всѣхъ трехъ родовъ именъ существительныхъ окончанія предложнаго падежа единственнаго числа, родительнаго и предложнаго двойственнаго числа, родительнаго множественнаго,—и для всѣхъ трехъ родовъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ и мѣстоименій—окончанія родительнаго, предложнаго, дательнаго и творительнаго двойственнаго и множественнаго числа; для

мужескаго и женскаго рода одинаковы окончанія винительнаго множественнаго числа; для средняго и женскаго—именительнаго двойственнаго числа. Не смотря на это, въ древности Славянскія нарѣчія представляли много признаковъ, рѣзко отдѣлявшихъ роды, особенно мужескій и женскій. Съ теченіемъ времени каждое изъ нарѣчій по своему уменьшало число этихъ признаковъ, и теперь нѣтъ уже ни одного нарѣчія, въ которомъ бы сохранились они ненарушимо. Лучше другихъ удержали древній строй нарѣчія Польское и Чешское; но и въ нихъ есть уже отпаденія отъ старины. Такъ между прочимъ въ Польскомъ смѣшались признаки отличія рода мужескаго и женскаго во всѣхъ падежахъ кромѣ родительнаго: въ именительномъ смягченіе предъидущей согласной съ мужескаго перешло отчасти и на женскій, и не вполнѣ удержалось для мужескаго, въ предложномъ и въ творительномъ женское окончаніе *ахъ* и *ами* сдѣлались общими для всѣхъ трехъ родовъ, такъ же какъ въ дательномъ мужеское окончаніе *омъ*. Въ Лужицкомъ смѣшеніе несравненно рѣзче: въ двойственномъ числѣ приняты для женскаго рода почти исключительно окончанія мужескаго рода (*ов*, *омай*), равно и во множественномъ въ падежахъ предложномъ, дательномъ и творительномъ (*амъ*, *ахъ*, *ами*), а въ падежѣ родительномъ множ. числа женскій родъ принялъ окончаніе мужескаго (*ов*: *женов*, вмѣсто *жен*). Въ нарѣчіяхъ югозападныхъ во множественномъ числѣ господствуютъ преимущественно женскія окончанія.—Русскій языкъ отклонился отъ древняго своего вида не менѣе другихъ соплеменныхъ на-

рѣчій, особенно во множественномъ числѣ: именительный мужескаго рода уже во многихъ случаяхъ не обозначается мягкостью послѣдней согласной по примѣру женскаго рода (*воины, миры* — какъ и *воды, жены*), и притомъ въ именахъ прилагательныхъ принимаетъ для всѣхъ трехъ родовъ окончательное *и* (*свѣтлыи — лучи, зори, лица*); предложный, дательный, творительный приняли тоже окончанія женскія (*ахъ, амъ, ами: воинахъ, воинамъ, воинами*, какъ *водахъ, водамъ, водами*). Въ нѣкоторыхъ только поговорочныхъ выраженіяхъ сохранились старыя формы (*пять человыкъ* вмѣсто *человыковъ; по дѣломъ* вмѣсто *по дѣламъ, мы ради* вмѣсто *мы рады*, и т. п.)

«Падежи равнымъ образомъ не удержались всѣ въ томъ видѣ какъ были въ древности, хотя впрочемъ и въ древности ихъ отличительные признаки уже нѣсколько перемѣшались въ своихъ значеніяхъ: такъ между прочимъ въ Старославянскомъ падежи родительный и предложный, отличенные во многихъ случаяхъ особенными признаками въ склоненіи существительныхъ имепъ, въ склоненіи прилагательныхъ и мѣстоименій множественнаго числа смѣшались въ одно окончаніе (*великыихъ, васъ*); звательный падежъ, удерживалъ свое особенное окончаніе только въ единственномъ для существительныхъ, и т. д. Что касается до предложнаго множественнаго числа, равнаго по окончанію съ родительнымъ, то въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе другихъ нарѣчій Сербское, удержавшее окончаніе это исключительно для родительнаго падежа (*човеках, срьдацах, женах* вмѣсто *човеков, срьдац,*

жен). Вмѣстѣ съ этимъ Сербское нарѣчіе смѣшало въ одномъ окончаніи творительнаго (двойственнаго числа) падежи творительный, дательный и предложный множественнаго числа (*јеленима* значитъ—оленямъ, оленями, оленяхъ). Звательный падежъ еще сохранился для существительныхъ единственнаго числа въ нарѣчіяхъ сѣверозападныхъ и въ Сербскомъ; но и то уже не во-всѣхъ случаяхъ; въ Хорутанскомъ и Хорватскомъ онъ почти пропалъ. Болгарское нарѣчіе почти совершенно потеряло измѣняемость словъ по падежамъ: бѣдные остатки падежей остаются почти исключительно только въ мѣстоименіяхъ, въ существительныхъ отличается только звательный. — Значительныя утраты понесъ въ отношеніи къ падежамъ и Русскій языкъ: звательный сохранился еще въ Малорусскомъ, но въ Великорусскомъ объ немъ напоминаютъ только нѣкоторыя слова (*Боже*, *Господи*). Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода въ существительныхъ мягкаго окончанія и въ прилагательныхъ окончанія твердаго и мягкаго принялъ окончаніе предложнаго и дательнаго (*земли — твоей — пахатной*) — еще не вездѣ, но въ большей части говоровъ мѣстныхъ, такъ что и тамъ, гдѣ еще слышится старый родительный (на ы и ѣ, вмѣсто старослов. ѧ: *земл-а твоѣ-е — пахотно-е*) онъ уже употребляется съ исключеніями (особенно въ существительныхъ) и смѣшанно съ предложнымъ и дательнымъ. Винительный множественнаго числа слился совершенно съ именительнымъ и родительнымъ. Это ослабленіе значенія формъ падежныхъ показалось въ языкѣ Русскомъ уже издавна: его можно замѣтить

уже и въ памятникахъ XIV вѣка. Расширяя все болѣе свой кругъ, оно дошло теперь до такихъ, какъ называется, неправильностей, которыя не могутъ не поражать людей, знакомыхъ съ языкомъ старымъ или съ правилами книжнаго языка. Такъ между прочимъ и окончаніе дательнаго множественнаго числа (*амъ*) употребляется во многихъ краяхъ вмѣсто творительнаго (*съ намъ* вмѣсто *съ нами*), и т. п.

«Наклоненіе неопредѣленное довольно долгое время сохраняло свою достигательную форму (на *ъ* и *ь*): примѣры его сознательнаго употребленія находятся въ памятникахъ XIV и даже XV вѣка. Теперь эта форма сохранилась только въ парѣчіяхъ Хорутанскомъ и Хорватскомъ, но и въ этихъ парѣчіяхъ уже она не всегда выражается ясно: въ Хорутанскомъ окончательное *и* выговаривается въ иныхъ мѣстахъ какъ гласный *ъ* очень глухо, почти неслышно (*борити* = *боритъ* (три слога) = *борит* (два слога); а въ Хорватскомъ *и* употребляется и опускается часто по произволу (вмѣсто *идем га звати* — можно слышать и *идем га звати*, вмѣсто *не хтео звати* — *не хтео звати*). Въ Чешскомъ парѣчіи можно тоже замѣтить только темное воспоминаніе о формѣ достигательной: вездѣ слышно выраженіе *jdi spat*, даже и тамъ, гдѣ окончательное *и* въ неопредѣленномъ наклоненіи не отбрасывается, или гдѣ послѣднее *т* не выговаривается твердо; но съ одной стороны такихъ выраженій очень немного, а съ другой немного и такихъ мѣстъ, гдѣ бы народъ удерживалъ окончательное *и*. — Въ Русскомъ, удерживается ли *и* или при опущеніи его

смягчается согласная *т* въ *ть* (*чь*) или *ць*, объ отличеніи достигательной формы нѣтъ уже никакого помину. Даже и въ старыхъ памятникахъ она соблюдается не всегда правильно.

«Двѣ простыя формы времени прошедшаго въ изъявительномъ наклоненіи были въ древности въ общемъ употребленіи у всѣхъ Славянъ, и уже довольно поздно, въ XIV—XV вѣкѣ, стали быть пренебрегаемы все болѣе и болѣе, будучи замѣняемы формами сложными. Впрочемъ и до сихъ поръ онѣ еще не забыты въ большей части нарѣчій Славянскихъ. Во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ онѣ хотя и перестаютъ быть необходимостію, но еще твердо удерживаются обычаемъ народнымъ. Болѣе всего онѣ обычны у коренныхъ Сербовъ, которые правильно отличаютъ форму прошедшую (*онъ игра, они играше, он би, они бише*) отъ формы преходящей (*онъ играше, они играху, он бијаше = беше, они бијаху = бехy*). У Славянъ, живущихъ на востокъ и на западъ отъ нихъ, т. е. съ одной стороны у Болгаръ, съ другой у Хорватовъ и Хорутанскихъ Словацевъ, обѣ эти формы отчасти перемѣшиваются въ значеніи, отчасти замѣняются сложными. У Болгаръ есть обѣ формы, но отличаются только въ единственномъ числѣ (*играх—игра, би—биха*, и *играх—играше, бех—беха*). Менѣе всего они обычны въ Хорутанскомъ нарѣчіи: каждый Словенецъ пойметъ ихъ значеніе, но уже немногіе употребятъ ихъ сами; только въ нѣкоторыхъ горныхъ говорахъ можно слышать ихъ, и то болѣе въ поговоркахъ, чѣмъ въ простомъ разговорѣ, или же въ значеніи не прошедшаго

а настоящаго времени (*учисте*, *дѣласте* вмѣсто *учите*, *дѣлате*). Что касается нарѣчій сѣверозападныхъ, то изъ нихъ простая прошедшая форма употребляется народомъ, какъ необходимая принадлежность глагола, только въ нарѣчіи Лужицкомъ; но уже только одна преходящая (*волах*, *волаше*, *волаху*). Въ нарѣчіи Чешскомъ простыя формы были обѣ, но уже смѣшаны были одна съ другою (такъ что въ третьемъ лицѣ множественнаго и преходящее и прошедшее принимали одинаково окончаніе *ху*: *несjаху* — *несеху*). Теперь онѣ забыты, и остатки ихъ (*bych*, *bys*, *bychom*, *byste*) получили характеръ сослагательный. Въ такомъ же смыслѣ употребляются остатки ихъ и въ нарѣчіи Польскомъ (*bym* и *bych*, *byś*, *byśmy* и *bychmy*, *byście*), имѣя впрочемъ (безъ прибавленія *by*) значеніе и настоящаго времени (cnotą śmy szczęśliwi — мы счастли вы добродѣтелью). При этомъ не льзя не замѣтить особенной сложной формы настоящаго времени, сохраняющейся въ мѣстныхъ говорахъ Польскихъ: jam jest, tyś jest, myśmy są, wy ście są, т. е. *я есмь есть*, *ты еси есть*, *мы есмы суть*, *вы есте суть*, болѣе правильной, чемъ употребительная въ другихъ говорахъ и въ литературномъ языкѣ: jestem, jesteś, jest, jesteśmy jesteście, są, въ которой съ помощію jest вмѣсто są образованы и два лица множественнаго числа. Форма эта, замѣчательная отчасти и для объясненія образованія формы прошедшей, употреблялась прежде и у писателей: такъ у Кохановскаго читаемъ — cnotą śmy są szczęśliwi. — Въ Русскомъ языкѣ простыя формы прошедшаго времени господствовали еще и въ XIV

вѣкѣ. Въ памятникахъ не только XIV, но XIII и XII вѣкѣ, встрѣчаются, правда, ошибки противъ ихъ правильнаго употребленія, въ которыхъ выражается незнаніе отличій лицъ; но ихъ вообще такъ немного въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ бы ошибки могли повториться и однако не повторялись, что этого достаточно для доказательства, что ошибки сдѣланы переписчиками позднѣйшаго времени. Въ Словѣ Даніила Заточника есть выраженіе «умъ мой яко пощны вранъ на нырищи забдѣхъ»; но то, что въ немъ кажется ошибкой произошло не по ошибкѣ, а по желанію дословно внести выраженіе св. Писанія (Псал. 101: 7—8)» яко нощный вранъ на нырищи. (за-) бдѣхъ». Въ нѣкоторыхъ спискахъ Хожденія Даніила есть выраженія явно ошибочныя: «тогда онъ покло- «нихся; азъ ту стояще»; но всѣ списки Хожденія Даніила такъ подзни, что въ нихъ подобныхъ описокъ не льзя не ожидать. Такъ и въ спискахъ Сказанія о побоищѣ Мамаевомъ выраженіе «Дмитрій же слы- «шахъ» есть очевидная описка поздняго писца. Для того чтобы убѣдиться, что это описки, а не ошибки сочинителя, стоитъ сравнить списки, и не въ томъ такъ въ другомъ найдется и правильное чтеніе. Какъ бы впрочемъ то было, въ XIV — XV вѣкѣ простыя формы прошедшаго были народомъ оставлены, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчіяхъ, и сохранились только въ бѣдныхъ остаткахъ. Къ числу этихъ остатковъ должно отнести форму условную, образуемую посредствомъ *бы*; хотя, лишившись видоизмѣняемости по лицамъ и числамъ, это *бы* могло

показаться союзомъ, тѣмъ не менѣе оно точно такъ же образуетъ сложное время какъ образовывало и прошедшее *быхъ* въ языкѣ древнемъ (*я писалъ* есть сокращеніе древней формы: *я* (*язъ*) *есмь писаль*; такъ и *я бы писалъ* употреблено вмѣсто древняго: *я* (*язъ*) *быхъ писалъ*: *писалъ* въ обоихъ случаяхъ есть причастіе, только соединенное съ двумя разными формами вспомогательнаго глагола). Мы не измѣняемъ *бы* на томъ же основаніи, какъ не измѣняемъ и *есть*, употребляя это третье лице единственнаго для всѣхъ трѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. И какъ не вездѣ въ языкѣ Русскомъ осталось неизмѣннымъ *есть*, такъ не вездѣ осталось неизмѣннымъ и *бы*. Въ Великорусскомъ осталось еще *еси* не въ однихъ пѣсняхъ (*гой ты еси*) какъ знакъ втораго лица; въ Малорусскомъ восточномъ еще чаще слышится *еси* и *есте*; въ Малорусскомъ западномъ употребительны не только вторыя лица, но и первыя: *емь*, *есмо* = *смо*; — такъ и въ сослагательной формѣ въ Бѣлорусскомъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ собственно Великорусскаго еще слышно *быси* = *бысь*, въ Малорусскомъ восточномъ *бысь* и *бысте*, а въ Малорусскомъ западномъ и *бымь*, *бысмо* (отличныя отъ *бывъемъ*, *бывъ си*, *были смо*, *были сте*). Къ числу остатковъ простыхъ формъ прошедшаго времени должно отнести и *буде* = *будетъ*, употребляемое теперь безлично, т. е. въ 3-мъ лицѣ единственнаго. Форма *буду*, *будешь* инр., хотя осталась издавна въ значеніи будущаго во всѣхъ парѣчіяхъ Славянскихъ, есть однако форма настоящаго времени на столько же, какъ и *иду*, *веду*, *хожу*, *пошу* и пр., и

предполагаетъ подобныя формы для выраженія прошедшаго. Какъ отъ *иду* было *идохъ* и *идяахъ*, такъ и отъ *буду*—*будохъ* и *будяахъ*. Отъ *будяахъ* третье лице единственнаго *будяше* извѣстно (напр. изъ лѣтописи Нестора; *аще ли будяше нужьное орудіе, то оконьцемъ малымъ бесѣдоваше* Л. 79. *Хотя видѣти абье улзенъ будяше.* 62. *Сбудяшеться старче слово.* 81). Отъ *будохъ* третье лице единственнаго было бы *буде* или съ оканчаніемъ *т*—*будетъ*, какъ отъ *идохъ*—*иде* или *идетъ*. Это *буде* = *будетъ* такое же прошедшее совершенное какъ и *бы*, и такъ же какъ *бы* могло употребляться въ смыслѣ соглагательномъ или условномъ. Но оно издавна утратило уже свою измѣняемость, получивши смыслъ безличный (въ Русской Правдѣ есть *будетъ видили*), а потому легко могло смѣшаться съ настоящимъ — будущимъ и замѣниться имъ (какъ и въ Русской правдѣ *будутъ крали* вмѣстѣ *будоша крали*). Не одинъ Русскій языкъ представляетъ формы *будяахъ* и *будохъ*. Въ Чешскихъ старыхъ памятникахъ budjech—budješe встрѣчается довольно часто (напр. у Далимила: w starśich budješe rada, w kupĕli je zmyjechu, tak wsje nemoci zbudjechu и пр.). Въ Лужицкомъ budźich—budźiše въ смыслѣ сослагательномъ измѣняется вполнѣ и столько же обычно, въ простомъ разговорѣ, какъ и другая форма прошедшаго простаго — bĕch, bĕše. Въ Болгарскомъ есть *быдох* — *быде*, тоже для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ, отличное отъ *бех*—*беше*; а по мѣстамъ слышно и *быдjах*—*быдjаше* тоже въ смыслѣ сослагательномъ.

«Формы сложныя очень разнообразныя представля-

ются и въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ постепенно вышли изъ употребленія; но другія, болѣе сложныя, появились позже, на ихъ мѣсто, прежде чѣмъ тѣ были забыты. Теперь формы сложныя не такъ разнообразны по составу, но за то числомъ ихъ болѣе. Въ числѣ вышедшихъ изъ употребленія особеннаго вниманія достойны тѣ, которыя составлялись помощію причастій дѣйствительныхъ наращаемыхъ. Соединеніе причастія дѣйствительнаго настоящаго со вспомогательнымъ глаголомъ *быть* было въ древнемъ языкѣ также обычно какъ и соединеніе съ этимъ глаголомъ причастія настоящаго страдательнаго: примѣры его можно найти и въ памятникахъ Старославянскихъ) на пр. въ Остромировомъ Евангеліи *и бѣ уча въ сѫботы*), и въ Чешскомъ (напр. въ одномъ изъ очень старыхъ списковъ псалтыря: neni kto dobuda duše mé = *нѣсть взыскаяй* душу мою: Псал. 141, 5.), и въ Русскомъ (напр. у Нестора: *бяше около града лѣсъ и бяху ловяще звѣрь*). Форма эта не совершенно погибла: въ приморскомъ Сербскомъ и Хорватскомъ ее можно еще слышать, хотя мѣсто причастія и заступило дѣепричастіе (непр. *он је-био ходеч, када га позвали* — онъ былъ ходя, когда его позвали). Что касается до причастія дѣйствительнаго прошедшаго, то его окончаніе *въ* сравнивали съ окончаніемъ 1-го лица прошедшаго простаго *хъ*, думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ окончаніемъ прошедшаго причастія *лъ*, значатъ одно и тоже, «какъ придыханія для устройства слоговъ», и что по этому то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ ни-

какъ не льзя согласиться: *хъ* естъ знакъ перваго лица, равный по смыслу съ *мъ* (срав. *ego—me*, Герм. *ich—mich*, Лит. *as* и *mas—mene*, Слав. *азъ—мѧ*), между тѣмъ какъ *лъ* и *въ*—мѣстоименія указательныя, употребленныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отглагольныхъ. Замѣчено было, что *сьшавъ* стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто *сьшахъ* тамъ, гдѣ теперь мы употребляемъ *сьялъ* (Матѳ. XXV, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятниковъ Русскихъ (напр. у Нестора: *Игорь же совокупивъ вои многи и тали у нихъ поя, — Русь поидоша и приплуша, и всю страну никомидійскую попльнивше и судъ весъ пожьгоша, — Володимеръ слышавъ яко ятъ бысть Василько ужасеся, и всплакавъ и рече* и пр.). Въ Русскомъ языкѣ эта форма не погибла и теперь: въ сѣверныхъ говорахъ нарѣчія Великорусскаго, она сохранилась хотя и не сохранивши своей прежней опредѣленности, отъ того что вмѣсто причастія, согласовавшагося съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, употребляется неизмѣняемое дѣепричастіе (*онъ ужь вставши, вы были вставши* и т. п.). Какъ теперь такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомогательнаго глагола часто опускалось, также какъ опускается у насъ въ прошедшемъ, составленномъ помощію причастія на *лъ* (*онъ сьялъ* вмѣсто *онъ есть сьялъ*); но въ Чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена (*jest zasluźiw, bud uźiw* и т. п.). — Древніе памятники Славянскіе представляютъ сложныя времена, образованныя помощію глаголовъ: *быть, имѣть, начать, хотѣть*. Въ памят-

никахъ позднѣйшаго времени, равно какъ и въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ употребленіе послѣднихъ трехъ глаголовъ уже далеко не такъ обще: ихъ мѣсто заступилъ въ большей части случаевъ глаголъ *быть*. Врочемъ и теперь глаголы *имѣть* и *хотѣть* еще употребляются для образованія будущаго времени: *иму думати* вмѣсто *буду думать*, *стану думать*, *долженъ думать* можно слышать въ нарѣчіяхъ Чешскомъ, Лужицкомъ, Польскомъ. *Хочу думать* въ томъ же смыслѣ слышится въ нарѣчіи Болгарскомъ и Сербскомъ; Болгаринъ вмѣсто этого еще употребляетъ форму *хочу да думаю* и кромѣ того испорченную форму *хочетъ думаю*, такъ что *думаю* будетъ измѣняться по лицамъ и числамъ, а *хочетъ* останется неизмѣннымъ для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Въ Русскомъ народномъ употребленіе глаголовъ вспомогательныхъ тоже измѣнилось. Глаголы *хотѣть* и *начать* потеряли характеръ вспомогательности; а глаголъ *стать* получилъ ее. Глаголъ *имѣть* сохранился какъ вспомогательный для образованія будущаго только въ Малорусскомъ *иму думать* (*думат—иму*) вмѣсто *буду* или *стану думать*. Что касается до глагола *быть*, то съ усиленіемъ его вспомогательной силы образовались, въ дополненіе къ формамъ древнимъ, новыя формы, болѣе сложныя. Формы *есмь думалъ* и *буду думать* остаются во всѣхъ нарѣчіяхъ, хотя и не безъ измѣненій: *есмь* опускается подразумѣваясь, а *быхъ* употребляется безъ личныхъ окончаній какъ неизмѣнное *бы*; *бъхъ думалъ* остается въ Болгарскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ; *есмь былъ думалъ* въ Сербскомъ, Хорутанскомъ, Чеш-

скомъ; *быхъ былъ думалъ* въ Хорутанскомъ, Чешскомъ, Польскомъ; *есмь бы былъ думалъ* въ Сербскомъ; *буду думалъ* въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ, Польскомъ; *буду былъ думалъ* въ Хорватскомъ. Въ Русскомъ большая часть этихъ формъ совершенно исчезла изъ говора народнаго.

«Превращеніе Славянскаго языка при переходѣ изъ древняго состоянія къ новому очень яркими чертами отразилось на способѣ выраженія чиселъ, родовъ и лицъ.— Вмѣсто трехъ чиселъ, бывшихъ въ древности необходимымъ достояніемъ Славянскаго спряженія, въ большей части нарѣчій осталось только два: двойственное сохранилось теперь только въ Лужицкомъ и Хорутанскомъ. Въ Польскомъ характеристическія окончанія двойственнаго числа тоже уцѣлѣли въ народѣ, но употребляются вмѣсто множественнаго (*pojdźwa*, *pojdźta* вмѣсто *pójdziem*, *pójdźcie*). Въ Рускомъ остались они только въ нѣсколькихъ словахъ: *пожалуйста* тоже что въ старомъ Польскомъ *poźalujszta*, по формѣ второе лице двойственнаго; *вы ста ради* вмѣсто *вы есте ради* тоже остатокъ двойственнаго. — Отличеніе родовъ въ спряженіи потеряно очень давно: въ самыхъ древнихъ памятникахъ Славянскихъ находимъ отличеніе родовъ только въ двойственномъ; оно сохранилось въ двойственномъ и до сихъ поръ тамъ, гдѣ уцѣлѣло употребленіе двойственнаго числа. Въ Русскомъ за долго прежде, нежели погибло двойственное, окончаніе рода мужескаго и женскаго смѣшались, и *есвѣ*, *естѣ* стали употребляться въ мужескомъ вмѣсто *есва*, *ести*.—Что касается до лицъ, то особен-

наго вниманія достойно третье. Древній знакъ его *ть* сталъ выходить изъ употребленія уже очень издавна: такъ въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-Славянскихъ уже не видимъ, кромѣ немногихъ случаевъ, употребленія его въ прошедшемъ времени (*да, даѧше, дашѧ, дахѫ* вмѣсто *дать, даѧшеть, дашѧть, дахѫть*): только въ нѣкоторыхъ глаголахъ первообразныхъ видимъ *тъ* вмѣсто *ть* въ третьемъ лицѣ единственнаго прошедшаго времени (*ı-ѧтъ, жѧтъ* и т. п.) То же и въ древнѣйщихъ памятникахъ Чешскихъ. Только въ Русскомъ языкѣ удерживалось въ этихъ случаяхъ довольно долго употребленіе *ть*; но и то почти исключительно въ преходящемъ (*даѧшеть, дашуть*). Въ настоящемъ долго удерживался знакъ этотъ въ Старославянскомъ, Чешскомъ, такъ же какъ въ Русскомъ; но и въ Русскомъ какъ въ другихъ нарѣчіяхъ онъ не удержался какъ необходимая принадлежность спряженія. Въ западныхъ нарѣчіяхъ онъ сохранился теперь почти только въ нарѣчіи Болгарскомъ и то для одного множественнаго (*он дума, они думат*). Въ Русскомъ народномъ хотя и не погибло еще употребленіе *ть* совершенно, но во многихъ говорахъ вмѣсто *ть* слышно *тъ*, а въ другихъ для единственнаго числа уже не слышно ни того ни другаго, или же, если и употребляется, то самопроизвольно такъ, что можно и опустить *ть* (*иде* и *идеть*).

— Столь же знатительныя потери въ отношеніи къ опредѣленности формъ потерпѣли нарѣчія Славянскія и въ формахъ словосочиненія. Между явленіями, происшедшими въ слѣдствіе превращенія древняго строя,

особенно замѣчательны: опущеніе управляющихъ глаголовъ, необходимость сочетанія падежей съ предлогами, потеря падежей самостоятельныхъ.

«Случаи опущенія глаголовъ управляющихъ, преимущественно существительнаго глагола *быть*, попадаются и въ древнѣйшихъ памятникахъ, особенно въ третьемъ лицѣ единственнаго настоящаго времени. Теперь въ большей части нарѣчій это опущеніе допущено для третьяго лица обоихъ чиселъ. Въ Русскомъ оно стало въ большей части говоровъ почти необходимостію для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ.

«Употребленіе падежей безъ предлоговъ все болѣе ограничивается. Такъ между прочимъ въ Хорутанскомъ, Чешскомъ и особенно въ Лужицкомъ даже творительный, означающій орудіе, требуетъ передъ собою предлога *съ* (*съ ножемъ рѣзать* вмѣсто *ножемъ рѣзать*). Предложный безъ предлога сохранился только въ Лужицкомъ (*Будишинѣ* вмѣсто *въ Будишинѣ*). Дательный мѣста сохранился почти только въ горномъ Хорутанскомъ (*Бѣляку* вмѣсто *къ Бѣляку*, *въ Бѣлякъ*—*in Villach*). Въ Русскомъ безпредложный падежь предложный сохранился только въ поговорочныхъ выраженіяхъ (напр. *зимѣ*, *лѣтѣ* вмѣсто *въ зимѣ*, *въ лѣтѣ*, *зимой*, *лѣтомъ*).

«Употребленіе падежей самостоятельныхъ было не очень распространено въ Славянскомъ языкѣ: такъ между прочимъ только въ отношеніи къ Старославянскому и древнему Русскому не остается никакого сомнѣнія, что дательный самостоятельный употреблялся какъ форма необходимая. Въ старыхъ Чешскихъ

памятникахъ есть случаи самостоятельнаго употребленія не только дательнаго, но и родительнаго (напр. въ Сгорѣльскихъ отрывкахъ Евангелія Іоанна: Iesus, pozdwiženyma očima w nebe, reče : XVII, 1. — Otpočiwajicim dwěmanadceti učedlnikom pokazal sje jim Jeźiś, Мар. XIV, 14; a ješče jich newěŕicich ale diwucich pro weselé, wece jim, Лук. XXIV, 41); но ихъ такъ мало и употребленіе ихъ такъ принужденно, что едва ли не должно считать эти случаи слѣдствіемъ вліянія письменности Старославянской. Въ Русскомъ употребленіе дательнаго самостоятельнаго сохранялось еще въ XIV вѣкѣ, но уже не съ такою требовательностію какъ прежде, и теперь осталось въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ случайно (напр. въ Западно-Малорусской пословицѣ *самому тебѝ в лѝсѝ, товариша не знайдеш*: ясно что при выраженіи *самому тебѝ* подразумѣвать должно причастіе *будучу*).

Составъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Русскаго языка, измѣнялся постепенно все болѣе — съ одной стороны отъ утраты старыхъ корней и отъ замѣненія словъ, произведенныхъ отъ нихъ, новыми словами, произведенными отъ корней, болѣе обычныхъ, — съ другой стороны отъ заимствованій изъ языковъ иностранныхъ. Утраты были впрочемъ вовсе не такъ велики, какъ можно думать не обращая вниманія на богатства народнаго языка. Чѣмъ болѣе извѣстны становятся западныя Славянскія нарѣчія и нашъ народный языкъ, чѣмъ съ большею довѣренностію и отчетливостію прислушиваемся къ говору простаго народа; тѣмъ болѣе отыскиваемъ словъ и выра-

женій древнихъ, считавшихся утраченными, и тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что и другія, еще необъясненныя или вовсе неизвѣстныя и важныя для объясненія древняго быта, будутъ также найдены въ той же неизчерпаемой сокровищницѣ—памяти народной. Утратъ болѣе кажущихся чѣмъ дѣйствительныхъ: иныя слова, прежде измѣнявшіяся по разнымъ формамъ, остались неподвижными въ какой нибудь одной формѣ; иныя частицы, напр. предлоги: *па*, *су*, *бе*, *ра*, потерявъ свое независимое значеніе, сохранились въ словахъ сложныхъ (*пажить*, *сурожь*, *бесѣда*, *радуга*), и т. п.

Разсматривая множество словъ, вновь образованныхъ, не льзя не обратить особеннаго вниманія на то, что какъ въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, такъ едва ли даже не болѣе въ нашемъ Русскомъ, созидаются до сихъ поръ слова совершенно новыя, безъ всякаго видимаго пособія прежнихъ общеупотребляемыхъ корней. Воображеніе народа творитъ ихъ внезапно, безотчетно, и между тѣмъ нерѣдко такъ удачно, такъ ловко выражая понятія, что не смотря на свое какъ будто случайное появленіе, они остаются въ памяти народной и занимаютъ въ ней мѣсто между словами необходимыми. Въ минуты одушевленной бѣсѣды, они срываются съ языка собесѣдниковъ такъ же невольно какъ и всѣ другія слова, давно знакомыя; но производятъ впечатлѣніе сильнѣе другихъ, дѣлаются любимыми, расходятся изъ дома въ домъ, изъ села въ село, все далѣе, и потомъ—не одно изъ нихъ уже заставляло этимологовъ задумываться, отъ какихъ бы

корней могли они произойти. Едва ли впрочемъ можно считать несомнѣннымъ, что всѣ такія слова — произведенія чистой случайности или личнаго воображенія тѣхъ, кто въ первый разъ ихъ высказалъ; не льзя по крайней мѣрѣ опустить изъ виду, что нѣкоторыя изъ такихъ словъ, какъ ни безотчетно срывались они съ языка, какъ ни были далеки своей звучностью отъ всѣхъ другихъ словъ, извѣстныхъ тому, кто ихъ произносилъ въ первый разъ, находили себѣ подобныя въ другихъ нарѣчіяхъ. Основываясь на этихъ извѣданныхъ примѣрахъ, надобно допустить возможность, что одно и то же такое слово въ одномъ или почти одномъ и томъ же смыслѣ, можетъ быть высказано нѣсколькими людьми въ разныхъ мѣстахъ, совершенно независимо и съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ звучности, который требуется характеромъ мѣстнаго выговора.

Что касается до словъ, занятыхъ отъ другихъ народовъ, то какъ ихъ ни много въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, число ихъ далеко не такъ велико, какъ можно думать, довѣряя нѣкоторымъ простодушнымъ составителямъ словарей: многія изъ нихъ считались занятыми только потому что людямъ, поставившимъ ихъ въ это число, незнакомы были языки, изъ которыхъ они были ими выводимы. Сравненіе нарѣчій Славянскихъ привело бы ихъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Высшій классъ общества принималъ не всегда съ сопротивленіемъ слова и обороты чужіе; но и онъ — болѣе по требованію моды, по случайному увлеченію, очень часто только

на время; массы народа, напротивъ того, постоянно уклонялись отъ этихъ знимствованій, а если брали чужое, то почти всегда передѣлывая сообразно съ характеромъ своего языка.

Къ числу очень замѣчательныхъ явленій въ Исторіи народнаго Рускаго языка принадлежитъ образованіе такъ называемаго Афинскаго или Офёнскаго нарѣчія, почти совершенно непонятнаго по составу своему и совершенно правильнаго по строю. Употребляемое ходебщиками, странствующими продавцами, мастеровыми и извощиками, оно считается у насъ языкомъ составленнымъ нарочно для того, чтобы можно скрывать имъ свои мысли и намѣренія, языкомъ разбойниковъ, обманщиковъ и т. п. Едвали это мнѣніе совершенно справедливо. Безпорно, что оно бываетъ употребляемо и съ такою цѣлію; но такъ употребленъ можетъ быть всякій неизвѣстный языкъ, каково бы ни было его произхожденіе. Безспорно также, что въ Афинское нарѣчіе введены теперь и такія слова, которыя, происходя отъ Русскихъ корней, повторяютъ только ихъ въ вывороченномъ видѣ; но такихъ словъ въ сравненіи съ остальными не много. Съ другой стороны также безспорно, что Афинское нарѣчіе есть нарѣчіе мѣстное—Костромское и Владимирское,—что очень многія слова его въ общемъ ходу не только въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской и другихъ окрестныхъ, но и въ другихъ сѣверныхъ, а нѣкоторыя извѣстны въ разныхъ другихъ краяхъ, — что никто изъ знающихъ его не думаетъ скрывать его какъ тайну, такъ что и дѣти говорятъ

по Афински, и всякому воля ему выучиться, лишь была бы охота, — что мошенники и разбойники не вели имъ никогда, сколько извѣстно, своихъ тайныхъ разговоровъ, а употребляли для него ломанный Татарскій языкъ. Всматриваясь же внимательно въ составъ Афинскаго нарѣчія, не льзя не остановиться на такихъ словахъ, которыя были въ старомъ Русскомъ, или до сихъ поръ находятся въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, или же относятся къ древнѣйшему достоянію Европейскихъ языковъ. Въ немъ не одно слово заслуживаетъ вниманія филолога, — и жаль, если ни одинъ изъ нашихъ филологовъ, оставаясь при мнѣніи, что оно не стоитъ серьознаго вниманія, не захочетъ сдѣлать его предметомъ особеннаго изученія....

Возвращаясь отъ современнаго состоянія языка все далѣе назадъ въ вѣка прошедшіе, наблюдатель видитъ въ немъ тѣмъ менѣе признаковъ превращенія, чѣмъ онъ древнѣе. Въ первыя времена отдѣленія нарѣчій Славянскихъ этихъ признаковъ было мало, съ тѣмъ вмѣстѣ мало было и чертъ различія между нарѣчіями. Еще одинъ шагъ назадъ, и всѣ нарѣчія не могутъ не представляться наблюдателю однимъ нераздѣльнымъ нарѣчіемъ.

IV.

Къ тому времени, когда нарѣчія Славянскія отличались одно отъ другаго еще очень немногими чер-

тами, принадлежатъ первые памятники письменности Славянской и первое начало образованія книжнаго языка. Вотъ почему съ такою легкостію распространялось у всѣхъ Славянъ христіанское ученіе, когда проповѣдывали его братья первоучители, Константинъ и Меѳодій, и ученики ихъ: они могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи всюду, куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными. Вотъ почему и нарѣчіе это, разъ освященное Церковью, могло утвердиться какъ языкъ вѣры и науки всюду, гдѣ этому не помѣшали обстоятельства внѣшнія. Стоило примѣнить его къ требованіямъ того или другаго мѣстнаго нарѣчія въ отношеніи къ употребленію нѣкоторыхъ, очень немногихъ звуковъ и нѣкоторыхъ, очень немногихъ формъ и словъ, — и между нимъ и этимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ не оставалось никакой разницы. Всего было легче утвержденіе Старославянскаго нарѣчія въ Русской письменности, потому что Русскій языкъ къ Старославянскому нарѣчію былъ гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій Славянскихъ и по составу и по строю. Отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементомъ Старославянскимъ не проникалъ въ него насильственно элементъ Греческій — Византійскіе обороты рѣчи, Византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, не умѣвшій выражаться правильно по Славянски. Всего менѣе можно было ожидать пол-

ной стройности языка отъ переводовъ съ Греческаго и отъ сочиненій Грековъ; всего болѣе—отъ произведеній тѣхъ изъ Русскихъ, которые писали безъ старанія подражать языку переводовъ. Такъ какъ переводимо было болѣе, чѣмъ сочиняемо, и въ числѣ писавшихъ бывали нерѣдко Греки; то нѣкоторыя уклоненія отъ правилъ обще-Славянской стройности языка не могли не войти въ обычай и не утвердиться въ языкѣ письменномъ. Эти уклоненія, сначала касавшіяся только слога, потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія, положили первое начало отдѣленію языка письменнаго отъ языка народнаго. Столько же важно было въ этомъ отношеніи и введеніе въ языкъ письменный словъ чисто Греческихъ и взятыхъ изъ книгъ Греческихъ, или буквально переведенныхъ со словъ Греческихъ, для выраженія тѣхъ понятій вѣры и науки, которыя не могли быть извѣстны народу. Впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный, поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое. Другъ другу они служили взаимнымъ дополненіемъ. Народная чистота одного и ученое богатство другаго были въ противоположности, но не болѣе какъ языкъ людей простыхъ и людей образованныхъ. Дѣйствительное отдѣленіе языка книгъ отъ языка народа началось уже съ того времени, когда въ говорѣ народа болѣе и болѣе стали вѣтшать древнія формы, когда языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. Языкъ въ народѣ измѣнялся и весь на всемъ своемъ простанствѣ и по разнымъ мѣстностямъ,

развиваясь на говоры и нарѣчія; а въ книгахъ вольно и невольно удерживанія языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и Церкви. Писавшіе по книжному хотя и позволяли себѣ вводить въ него слова изъ языка народнаго; но характеръ его строя, кромѣ употребленія звуковъ, оставляли почти совершенно неприкосновеннымъ, нарушали его только нечаянно, случайно, по безотчетной забывчивости. Его чистоту берегло болѣе духовенство, потому что имѣло болѣе нужды знать его какъ языкъ вѣры; его чистоту нарушали болѣе люди свѣтскіе, менѣе къ нему привыкавшіе, но и они нарушали ее не по волѣ, чтили его какъ языкъ вѣры, какъ языкъ высшей образованности, оттѣняли имъ свой живой народный языкъ не только на письмѣ но и въ изустномъ разговорѣ, и вмѣстѣ боялись оттѣнками народнаго языка портить языкъ книги — тѣмъ болѣе, чѣмъ важнѣе былъ предметъ, о которомъ писали, чѣмъ нужнѣе казалось поддержать важность рѣчи. Прочное начало образованію книжнаго языка Русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда же какъ народный Русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя. До XIII вѣка языкъ собственно книжный—языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, до того что и слово Луки Жидяты, и поученія Иларіона, и Русскую Правду, и Духовную Мономаха, и Слово Даніила Заточника, и Слово о полку Игоревомъ, и Грамоту Мстислава Новгородскаго нѣкоторые позволяли себѣ считать напи-

санными одинаково на нарѣчіи не Русскомъ, а Старославянскомъ. Если бы языкъ народный въ то время, когда были писаны всѣ эти вещи, отличался отъ книжнаго, то онъ не могъ бы не показать себя хоть коегдѣ своими особенностями — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько народные языки западной Европы въ тоже время показывали свои особенности въ книжномъ Латинскомъ. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ элементъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV — XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить. Эти отличія увеличивались сколько отъ удержанія въ книгахъ древняго строя языка, столько и отъ измѣненій, которымъ подвергался книжный языкъ независимо отъ народнаго. Не неподвижнымъ оставался языкъ книжный. Съ одной стороны, съ расширеніемъ круга литературной дѣятельности, трудно было писателю ограничиваться въ кругѣ понятій ученыхъ, для которыхъ прежде придуманы были приличныя выраженія: по образцу не народному, а Старословянскому, хотя и съ примѣненіемъ къ языку Русскому, постепенно составлялись новыя слова производныя и сложныя, — и число этихъ словъ увеличило съ теченіемъ времени составъ книжнаго языка на третью долю, если не болѣе. Съ другой стороны, въ слѣдствіе связей съ истранцами, занимаемы были все болѣе слова и обороты изъ чужихъ языковъ, особенно изъ Латинскаго — одни съ примѣненіемъ къ характеру Русскаго языка, дру-

гіе цѣликомъ. Въ слѣдствіе всего этаго языкъ книжный окончательно отдѣлился отъ народнаго. Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія.

Прежде окончанія этого перваго періода начался второй періодъ его развитія—періодъ его возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе превращался языкъ живой народный, чѣмъ болѣе исчезали въ немъ изъ обычая и сознанія древнія формы; тѣмъ болѣе подъ его вліяніемъ терялъ свою древнюю систему языкъ книжный. Въ XVI вѣкѣ языкъ древній въ отношеніи къ народному былъ уже на такой степени противоположности, что только очень образованные писатели умѣли владѣть имъ не смѣшивая съ языкомъ народнымъ. Чѣмъ болѣе умножалось образованіе и письменность, чѣмъ болѣе яснѣла мысль обобщенія литературы; тѣмъ болѣе элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный, — и тѣмъ легче были эти заимствованія, чѣмъ менѣе отзывались простонародностью. Изъ народнаго языка вошло въ книги постепенно очень много словъ для выраженія тѣхъ понятій народныхъ, которыя трудно было передать словами языка церковнаго. Изъ народнаго языка въ книжный заходили тоже и многіе обороты, тѣмъ съ большей легкостью, чѣмъ менѣе твердо было у писателя знаніе языка церковнаго. Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ — древній, оставаясь непарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько оттѣнялся отъ первоначальнаго своего вида вліяніемъ народнаго; дру-

гой — новый былъ смѣсью Старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же, и тѣмъ болѣе удалялся отъ Старославянскаго, чѣмъ болѣе рѣзки становились черты мѣстныхъ отличій народнаго говора. Временное отдѣленіе Руси западной отъ восточной не могло между прочимъ не наложить печати на мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ новаго книжнаго языка: въ XVI — XVII вѣкѣ его западное видоизмѣненіе, довольно ярко отдѣлилось отъ видоизмѣненія восточнаго. Потомъ, когда обѣ части Руси, опять соединились въ одно цѣлое, когда почти вся масса Русскаго народа политически сосредоточилась въ Москвѣ, хотя и стали всѣ мѣстныя видоизмѣненія новаго книжнаго языка сближаться подъ однимъ вліяніемъ народнаго нарѣчія Великорусскаго; но это сближеніе могло происходить только медленно, и столько же медленно пріобрѣтало свои права на ународованіе книжнаго языка господствующее нарѣчіе Великорусское. Множество словъ и оборотовъ, хотя и образованныхъ Русскими, но по формамъ давно устарѣлымъ или по образцамъ чужимъ — Греческимъ, Латинскимъ, иноСлавянскимъ, успѣли укорениться такъ сильно въ книгахъ, что потомъ легче было презрѣть равносильными имъ словами и оборотами живонародными, чѣмъ ими замѣнить вновь то, что было хотя и чуждо народу, но освящено давностію. Легче было дополнять языкъ книжный заимствованіями изъ языка народнаго, чѣмъ отвергать изъ книжнаго то, что уже считалось его

принадлежностію. Побѣды народности шли и идутъ медленно: каждая отвергнутая форма, каждое отвергнутое слово стоило и стоитъ борьбы, иногда и долговременной и всегда болѣе или менѣе упорной. И между тѣмъ какъ все отвергнутое не трудно пересчитать, неотвергнутыми остаются цѣлыя громады. Было время, когда вопросъ о словахъ *попеже, поелику. поколику* и имъ подобныхъ дѣлилъ пишущихъ на двѣ противуположныя стороны, не шутя споривши между собою, быть ли этимъ словамъ или не быть,— и тогда же лучшіе писатели, отвергавшіе эти слова, въ число закоснѣлыхъ «вольностей поэтическихъ» позволяли себѣ включать употребленіе родительнаго падежа женскаго рода въ единственномъ числѣ на *ыя, ія, ея* (напр. кичливыя жены супругъ), и другія столько же устарѣлыя формы. Недавно такой же вопросъ возбудили слова *сей* и *оный*; а между тѣмъ тѣ, для которыхъ они сдѣлались совершенно невозможными, ни сколько не задумываясь, употребляли слова въ которыхъ, противно требованію языка народнаго, обычай книжный допустилъ *щ* и *жд* вмѣсто *ч* и *ж* или *ре* и *ле* вмѣсто *ере* и *еле, оло* (напр. рождество вмѣсто рожество, предъ вмѣсто передъ), и т. п. Въ такомъ родѣ были большею частію побѣды народности надъ языкомъ книжнымъ. Не льзя притомъ не замѣтить, что побѣды эти состояли болѣе въ отверженіи изъ языка книжнаго тѣхъ формъ и словъ, которыхъ не знаетъ народъ, чѣмъ во введеніи тѣхъ формъ и словъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись языкъ народный и которыхъ не достаетъ въ языкѣ книжномъ. Такъ

между прочимъ до сихъ поръ еще остаются въ изгнаніи слова *ихный*, *ейнъ*, хоть ихъ и не чѣмъ замѣнить; такъ неправильностью считается сочетаніе дѣепричастія съ глаголомъ существительнымъ, столько употребительное въ сѣверномъ нарѣчіи Великорусскомъ. Побѣды народнаго языка надъ ненародною частію книжнаго были и есть тѣмъ тяжелѣе, что имъ мѣшало и мѣшаетъ вліяніе языковъ западной Европы: вмѣстѣ съ образованностію западно-Европейской переходили въ языкъ нашихъ высшихъ класовъ и книгъ слова и обороты чужіе: нужные и не нужные, и затрудняли его сближеніе съ языкомъ народнымъ. Эта отдѣльность языка книжнаго отъ народнаго при развитіи нарѣчій и распространеніи письменности и любви къ занятіямъ литературнымъ пробудили охоту къ попыткамъ употреблять въ книгахъ языкъ чисто народный. Явились и продолжаютъ являться въ разныхъ краяхъ Россіи писатели, которые стараются выражаться совершенно такъ, какъ говоритъ простой народъ; но ихъ усилія на книжный языкъ произвели до сихъ поръ вліянія не столько, какъ бы можно было ожидать, по крайней мѣрѣ потому что ихъ самихъ было мало. Въ слѣдствіе ихъ вліянія вошло въ книжный языкъ нѣсколько словъ, большею частію техническихъ, и нѣсколько поговорочныхъ выраженій, — не болѣе. Сила старыхъ книжныхъ привычекъ до сихъ поръ такъ сильна, что даже писатели, старавшіеся употреблять чисто народный языкъ, не могли и не могутъ оставаться въ кругѣ, ими для себя назначенномъ, и чуть только перестаютъ говорить по мужиц-

ки, какъ нечаянно, противъ воли, мѣшаютъ въ свой языкъ разныя мелочи изъ языка книжнаго. Такимъ образомъ новый періодъ исторіи книжнаго Русскаго языка, представляя рядъ побѣдъ народности живой надъ тѣмъ, что уже отжило, далеко еще не окончилъ своего цикла. Цѣль впереди, — и видна, и далека.

И точно ли то цѣль, что ею кажется? То, что ею кажется, не косвенное ли только ея отраженіе?.. По крайней мѣрѣ, сомнѣваться можно въ томъ, что весь ходъ побѣдъ народнаго языка надъ письменнымъ долженъ состоять только въ отверженіи словъ и грамматическихъ формъ, отвергнутыхъ народомъ, или ему неизвѣстныхъ. Указаніе однихъ только состязаній о словахъ и формахъ не можетъ наполнить всю исторію письменнаго языка въ его соотношеніи съ народнымъ. Она не можетъ довольствоваться тѣснымъ кругомъ грамматики и лексикографіи; она должна обращать вниманіе на измѣненія языка письменнаго подъ зависимостію слога народнаго: на постепенное усиленіе требованій народнаго вкуса, народной реторики и піитики, требованій несравненно болѣе законныхъ и понятныхъ, чѣмъ всѣ требованія реторикъ и піитикъ, вымышленныхъ книжниками. Рядъ этихъ побѣдъ Русскаго языка народнаго надъ непародным гораздо важнѣе, занимательнѣе и даже утѣшительнѣе. Уже въ періодѣ древнемъ народность боролась со вкусомъ Византійскимъ все болѣе удачно. Въ XVI—XVII вѣкѣ борепіе съ Латинскимъ вкусомъ было еще удачнѣе. Въ XVIII вѣкѣ началось вліяніе Германское, а позже, во

второй половинѣ вѣка, Французское. То и другое было сильно, но было уже въ то время, когда образованность привлекала къ себѣ людей изо всѣхъ слоевъ народа, и слѣдовательно не могла не становиться все болѣе народною, своебытно Русскою. То и другое вліяніе новаго запада довершило упадокъ вкуса среднихъ вѣковъ, освободило вкусъ отъ ига несовременности и этимъ возбудило силы его противъ себя, само стало упадать все болѣе.... Цѣль побѣдъ вкуса народнаго, полное образованіе своебытнаго Русскаго слога въ книжномъ языкѣ еще впереди; цѣль эта далека но видна,—и видна сама цѣль, а не призракъ. Глядя съ этой точки зрѣнія на Исторію языка, не льзя не видѣть ея близкой связи съ Исторіей литературы.

VII.

Съ судьбами языка всегда остаются въ близкой связи и судьбы литературы. Словесность народная, вездѣ и всегда составляющая принадлежность необходимую жизни народной у самыхъ необразованныхъ народовъ, хранимая памятью народа безъ пособія письменъ, принадлежащая къ преданіямъ народа какъ часть одной нераздѣльной единицы, неразрывно связана съ языкомъ и народностью народа, и совершенно зависитъ въ судьбахъ своихъ отъ тѣхъ условій, которымъ подлежатъ и судьбы

языка народа, и всѣ главныя черты его народности. Ея исторія, будучи разсматриваема отдѣльно отъ исторіи языка народа, всегда оставаться будетъ наборомъ отрывочныхъ замѣчаній, которымъ можно дать только внѣшній порядокъ повременный, но не общій смыслъ. Словесность письменная, книжная, литература—какъ ее обыкновенно называютъ, принадлежа не всему народу а только части его, въ своихъ направленіяхъ и измѣненіяхъ можетъ подлежать многимъ условіямъ постороннимъ, внѣшнимъ, независимымъ отъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится масса народа; но и она въ своемъ содержаніи и развитіи представлена быть не можетъ безъ языка, который избрала своимъ орудіемъ, и, если этотъ языкъ происходитъ отъ языка народнаго, можетъ быть разсматриваема исторически только вмѣстѣ съ исторіей языка. Старѣя по языку своему, она старѣетъ и по духу, и какъ бы ни были превосходны нѣкоторыя изъ ея созданій, на нихъ всегда остается отпечатокъ времени.

Тѣ же періоды, которые рѣзко отдѣляются въ Исторіи Русскаго языка, не льзя не отдѣлить и въ Исторіи литературы Русской. Періоду образованія народнаго языка Русскаго въ его древнемъ, первоначальномъ видѣ соотвѣтствуетъ періодъ первопачальнаго образованія народной словесности; періоду отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго соотвѣтствуетъ періодъ отдѣленія книжной литературы отъ народной словесности; а періоду возвратнаго сближенія книжнаго языка съ народнымъ—періодъ сближенія книжной литературы съ народной словесностью.

Для Исторіи древней народной словесности Русской прямыхъ, непосредственныхъ матеріяловъ менѣе чѣмъ для Исторіи народнаго Русскаго языка; тѣмъ не менѣе есть средства и пособія дать отвѣты по крайней мѣрѣ на главные изъ ея вопросовъ. Одно изученіе тѣхъ памятниковъ народной словесности, которые записаны въ прежнее время или сохраняются доселѣ въ памяти народной, изученіе внимательное ихъ характера, содержанія и формъ, подкрѣпленное знаніемъ древностей Русскихъ, представляетъ возможность уразумѣть главныя черты древней народной словесности Русской. Доказательства и объясненія выводовъ, сдѣланныхъ въ слѣдствіе этого изученія, находятся съ одной стороны въ памятникахъ древней и старой книжной литературы нашей, съ другой — въ памятникахъ книжной литературы и народной словесности нашихъ западныхъ соплеменниковъ. Особенно важно сближеніе фактовъ, представляемыхъ памятниками народной словесности разныхъ Славянскихъ народовъ: факты эти, ни сколько не противорѣча одни другимъ, дополняются одни другими взаимно, давая возможность изучать Исторію Русской народной словесности съ общей Славянской точки зрѣнія. Разсматривая эти факты въ отношеніи къ языку, ихъ можно раздѣлить вообще на два отдѣла: одни касаются гармоніи языка, другіе — слога.

— Требованія гармоніи языка всего болѣе отразились въ сочетаніи слоговъ долгихъ и короткихъ, съ удареніями и безъ удареній, въ мѣрности рѣчи. Образованіе мѣрной рѣчи должно отнести къ тому же от-

даленному времени, когда языкъ у всѣхъ Славянъ, еще не переходя въ періодъ превращеній, продолжалъ развитіе своихъ первопачальныхъ древнихъ формъ. Это можно заключать отчасти по древнимъ Чешскимъ памятникамъ IX — XIII вѣка, отчасти по сравненію разныхъ Славянскихъ пѣсенъ позднѣйшаго времени. Въ тѣхъ и другихъ главная идея о размѣрѣ стиха повторяется одна и та же. Древнѣйшій и у всѣхъ Славянъ одинаково распространенный эпическій стихъ заключаетъ въ себѣ десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ ударенiй (напр. ужъ какъ палъ туманъ — на сине море), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напр. Aj Wl'ława — če mutiši wodu, —Два се вука—у брълогу колју). Древнѣйшій и также у всѣхъ Славянъ распространенный лирическій стихъ заключаетъ въ себѣ шесть или восемь слоговъ тоже съ двумя удареніями, такъ что къ каждому принадлежитъ по два или по три слога безъ ударенiй. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себѣ опредѣленное количество слоговъ, должна была быть и по содержанію отдѣльною частію мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово. Мѣсто для слога съ удареніемъ сначала едва ли было опредѣленное:

удареніе не могло быть только на первомъ и на послѣднемъ слогѣ стопы. Впрочемъ къ древнимъ чертамъ развитія Славянскаго стиха должно отнести стараніе помѣстить удареніе какъ можно ближе къ серединѣ стопы: такъ въ Русскомъ эпическомъ стихѣ слогъ съ ударѣніемъ издавна ставится въ серединѣ между двумя парами слоговъ безъ ударѣній. На томъ же условіи соотвѣтствія, по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ а другая о шести слогахъ, образовалось также издревле сочетаніе паръ стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ восемь а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть, слоговъ а въ другомъ пять или четыре. Вмѣстѣ съ парованьемъ стиховъ положено начало куплетамъ: два равные стиха составляли сами по себѣ куплетъ, такъ что къ каждому стиху относилась половина музыкальнаго напѣва; два неровные стиха сочетавались съ такою же другою парою неровныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину напѣва приходилось по два стиха. Дальнѣйшее развитіе формъ куплетовъ принадлежитъ къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе припѣвовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплета, но и каждаго стиха и даже каждой стопы. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ сочетавались послѣдними своими звуками съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію рифмъ. Не льзя сказать, что рифма есть изобрѣтеніе новое: въ древнѣйшихъ пословицахъ Славянскихъ, сохранившихся у многихъ Славянъ въ одномъ и томъ

же неизмѣнномъ видѣ, видимъ рифмы; въ сказочныхъ присказкахъ, неизмѣняемыхъ по волѣ раскащика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются рифмы. Тѣмъ не менѣе рифмованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе Славяне до сихъ поръ или совсѣмъ незнаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсенъ рифмами, или употребляютъ рифмы очень рѣдко. У Великоруссовъ и у всѣхъ югозападныхъ Славянъ употребленіе рифмъ очень мало обычно; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ Лужичанъ, рифмы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ большая часть пѣсенъ обрядныхъ у всѣхъ народовъ Славянскихъ остается безъ рифмъ. — До какой степени въ древнее время имѣло участіе въ размѣрѣ употребленіе гласныхъ долгихъ, опредѣлить трудно; но сомнѣваться не льзя, что оно было издавна и въ послѣдствіи времени развилось очень сильно — и въ стихахъ, и еще болѣе въ мѣрной прозѣ. Это заключать можно по тому, что даже въ прежнихъ памятникахъ (напр. въ нѣкоторыхъ поэмахъ Чешской Краледворской рукописи) вмѣстѣ со стихами правильно десятисложными попадаются довольно часто стихи менѣе и болѣе чѣмъ въ десять слоговъ: стихи менѣе чѣмъ въ десять слоговъ, перемѣшанные съ десятисложными, показываютъ, что въ нихъ слоги долгіе получали значеніе двухъ или трехъ короткихъ; а стихи болѣе чѣмъ въ десять слоговъ вмѣстѣ съ десятисложными могли быть допускаемы только въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько слоговъ короткихъ можно было считать какъ бы

за одинъ слогъ. Мѣрная проза старинныхъ сказокъ у всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ столько же осязательное доказательство тому, что въ размѣрѣ у Славянъ издавна принято было въ расчетъ различіе слоговъ долгихъ и короткихъ; на основаніи возможности уравнивать по нѣсколько слоговъ короткихъ съ однимъ долгимъ, образовывались мѣрныя фразы сказочнаго разказа, равныя одна другой по размѣру, хоть и очень различныя по количеству слоговъ. Различеніе короткости и долготы слоговъ развилось мало по малу въ языкѣ такъ же какъ и въ музыкѣ, гдѣ одинъ и тотъ же отдѣльный звукъ можетъ имѣть значеніе и цѣлаго такта, и четверти его, и шестнадцатой доли, и болѣе. Такую мѣрную прозу, въ добавокъ еще и рифмованную и правильно подчиненную музыкальному напѣву, видимъ въ Малорусскихъ «думахъ», въ Сербскихъ «парицаньяхъ» надъ умершими, въ нѣкоторыхъ Хорутанскихъ «пѣваньяхъ» и пр.—Свобода несоблюдать въ стихахъ пѣсенъ опредѣленнаго количества слоговъ на опредѣленное количество ударенiй вмѣстѣ со свободой не соблюдать мѣрной рѣчи въ пересказѣ сказокъ, увеличивалась все болѣе, увеличивалась одновременно съ отдаленіемъ языка отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной словесности, удаляясь отъ древнихъ условій гармоніи, все болѣе сближался съ языкомъ простаго, обыденнаго разговора. Въ слѣдствіе этого сдѣлались возможными такія народныя пѣсни, которыя отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ, и въ которыхъ вы-

раженія по своей формѣ такъ мало зависятъ даже отъ напѣва, что одну и ту же пѣсню можно прилаживать къ напѣву и такъ и иначе, и вставляя слова и выпуская, и мѣняя ихъ порядокъ. У Хорутанъ между прочимъ нѣкоторыя «пѣванья» поются такъ произвольно, что самые напѣвы отъ этого теряютъ свою мѣрность: одинъ тактъ поется скорѣе, другой медленнѣе, иные такты опускаются, другіе прибавляются. Тоже самое видимъ и въ пѣсняхъ нашихъ Русскихъ слѣпцовъ: въ нѣкоторыхъ остаются едва замѣтные остатки прежней стройности напѣва; въ другихъ на память о ней осталось только то, что онѣ не просто говорятся, а напѣваются, между тѣмъ какъ въ этомъ напѣваньи нѣтъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ мелодіи.

— Подобное превращеніе замѣчаемъ и въ слогѣ произведеній народной словесности. Разсматривая ихъ, въ отношеніи къ слогу а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ содержанію, въ томъ видѣ, какъ они представляются теперь у разныхъ Славянскихъ народовъ, замѣчаемъ, что ихъ вообще два рода: одни отличаются эпической важностью изложенія, художественнымъ достоинствомъ образовъ и выраженій, другія напротивъ того — шутливостью, нерѣдко переходящею всѣ границы приличій, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, или даже безобразностью образовъ и выраженій. Тѣ первые остаются собственностью всего народа, обоихъ половъ, и повторяются или слушаются стариками всегда одинаково, съ такою же любовью, какъ и молодежью; эти вторые слышны болѣе тамъ, гдѣ народъ позволяетъ се-

бѣ не соблюдать привычныхъ условій приличій. У нѣкоторыхъ Славянъ болѣе первыхъ и менѣе послѣднихъ, у другихъ напротивъ; но не всегда такъ было. Чѣмъ гдѣ болѣе первыхъ, тѣмъ тамъ болѣе процвѣтаетъ народная словесность, все болѣе обогащаясь памятниками достойными вниманія образованныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе удержались вообще нравы и обычаи старой народности; а гдѣ ихъ менѣе, тамъ народъ менѣе любитъ свою народную словесность, бѣднѣе въ ней памятниками, не лишенными художественнаго смысла, и сохранилъ менѣе чертъ свой племенной обще-Славянской народности. Изъ этого одного можно заключать, что прежде, когда всюду у Славянъ народные нравы и обычаи не были подвержены вліянію чуженародности, всюду у Славянъ господствовало эпическое достоинство въ произведеніяхъ народной словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народная словесность была богаче, необходимѣе для народа. То же самое доказывается и уцѣлѣвшими древними памятниками народной словесности Славянской, и историческими напоминаніями о нихъ. Такъ изъ лѣтописей Чешскихъ и изъ памятниковъ Чешской письменности IX — XIII вѣка знаемъ, что Чехи были въ то время богаты народными эпопеями, въ которыхъ эпическое достоинство содержанія и изложенія своею художественностію во всякое время могло бы удовлетворить самому прихотливому требованію образованнаго художника; теперь же Чехи въ отношеніи къ народной словесности бѣднѣе всѣхъ другихъ Славянъ: Чехъ мало и поетъ, мало и разсказываетъ,

мало припоминаетъ и пословицъ, и тѣмъ, что поетъ и припоминаетъ въ расказѣ, рѣдко можетъ порадовать художественный смыслъ и свой и другаго Славянина. А между тѣмъ сѣверный сосѣдъ Чеха, Сербъ-Лужичанинъ, сохранившій болѣе народности, хотя и болѣе Чеха образованный, все еще любитъ свои поэтическіе напѣвы и разсказы, не можетъ жить безъ нихъ, и не смотря на то, что многое уже утратилъ изъ памятниковъ своей народной словесности, все еще богатъ ими, и дорожитъ въ нихъ эпическимъ достоинствомъ. Хорутанскій Словенецъ и Карпатскій Словакъ также доражатъ остатками своихъ старинныхъ эпопей; по этимъ остаткамъ можно судить, что ихъ эпопеи были столько же прекрасны, какъ и древнія Чешскія. У Поляка уже нѣтъ ихъ и въ остаткахъ; но изъ лѣтописцевъ знаемъ, что онѣ были, и что въ нихъ сохраняла память народа были отдаленной древности. Сербы богаты эпопеями еще и теперь, изумляя множествомъ ихъ и художественностью содержанія и слога всякаго, кто сколько нибудь привыкъ понимать значеніе народной словесности. Эпическая народная словесность Русская достойна неменьшаго вниманія: теперь она не такъ строго подчинена условіямъ мѣры стихотворной, богаче произведеніями сложенными мѣрной прозой, чѣмъ правильными стихами; но древній характеръ слога въ ней все еще виденъ, а содержаніемъ своимъ она обнимаетъ почти всѣ періоды исторіи народа. Какъ у Русскихъ такъ и у другихъ Славянъ, сохранившихъ менѣе или болѣе любовь къ народной эпопеѣ, сохра-

няется въ той же мѣрѣ достоинство эпическаго слога и въ другихъ пѣсняхъ. Напротивъ того, чѣмъ гдѣ менѣе любви къ эпопеѣ, тѣмъ менѣе тамъ въ народной словесности и того достоинства изложенія, той отчетливости въ выборѣ словъ и выраженій, которою дорожитъ народъ, любящій свою словесность, какъ одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ своей нравственной жизни. Удаленіе языка народной словесности отъ условій, сохраняющихъ въ немъ его эпическое достоинство, приближеніе къ обыкновенному простому разговору — такъ же важно, какъ и удаленіе языка ея отъ условій гармоніи, отъ правильности размѣра. Не льзя при этомъ не замѣтить факта, повторяющагося въ исторіи всѣхъ народовъ: народы, у которыхъ языки еще не пережили періода превращенія своихъ древнихъ формъ, сохраняютъ вмѣстѣ съ древними формами языка своего и мѣрность его, и важность изложенія даже въ простомъ разговорѣ. Въ послѣдствіи, съ утратами древнихъ формъ языка, тратятся постепенно и условія мѣрности, и тотъ важный слогъ, который, не смотря на различіе вліяній климата, народнаго темперамента и другихъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на развитіе народа, вездѣ видимъ въ древнихъ памятникахъ словесности народной. Такъ и въ древней Русской словесности народной должно было господствовать эпическое достоинство слога, гармонировавшее съ правильностію размѣра. Оно выражалось, какъ и въ древней словесности другихъ Славянскихъ народовъ, картинностью и отчетливою полнотою отдѣльныхъ выраженій и плавностью общаго

склада рѣчи. Свобода опущенія союзовъ, связывающихъ предложенія въ періоды, и свобода употребленія предложеній сокращенныхъ допускалась такъ же, какъ и передача словъ разныхъ лицъ, нестѣсняемая необходимостью обозначать, кто именно говоритъ то, что говорится; но и то и другое далеко не въ той мѣрѣ, какъ стало послѣ. Складъ рѣчи не представлялъ тѣхъ долгихъ періодовъ, которые потомъ вошли въ обычай въ языкѣ книгъ; но не было въ обычаѣ вести рѣчь тѣми отрывочными предложеніями, которыхъ употребленіе сдѣлалось такъ обще тогда, когда плавность эпическаго слога подчинилась вліянію слога разговорнаго. До насъ не дошло — сколько до сихъ поръ извѣстно — произведеній древней народной словесности нашей въ неизмѣненномъ видѣ; но и изъ тѣхъ сокращеній ихъ, которыя сохранились въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ, и изъ тѣхъ передѣлокъ ихъ, которыя сберегла память народная и старинные книжники, можемъ судить, что въ Русскомъ народѣ было умѣнье выбирать достойные предметы и содержаніе для народныхъ эпопей, и что въ нихъ было гдѣ развиться искуству слога. Что это древнее основаніе было прочно, это доказываютъ и созданія народной словесности послѣдующаго времени—XVI и XVII вѣка,—Великорусскія «былины» о временахъ Іоанна Грознаго и Самозванцевъ и Малорусскія «думы» о событіяхъ Уніятской войны. Менѣе художественности изложенія и слога видимъ въ созданіяхъ новыхъ, такъ же какъ менѣе и правильности размѣра.

Несомнѣннымъ считать можно, что въ то время, когда началась на Руси письменность христіанская и книжная литература, народная словесность Русская была столько же богата содержаніемъ и жизненной силой, сколько и языкъ—древними формами и силой выражать народныя думы и были словомъ мѣрнымъ и изящнымъ. И какъ не имѣла нужды письменность чуждаться формъ народнаго языка, такъ не имѣла она нужды чуждаться и формъ народнаго слога: слогъ и языкъ были одинаково сообразны съ требованіями ея приличій. Не только въ подлинныхъ произведеніяхъ Русскихъ книжниковъ, но и въ переводахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ болѣе видимъ народности въ выраженіи мыслей и образовъ. Менѣе всего была возможна народность слога въ переводахъ произведеній духовной литературы; но и въ нихъ встрѣчаются иногда покушенія сохранить ее. Болѣе народности слога видимъ въ поученіяхъ нашихъ древнихъ учителей—тамъ, гдѣ они не передавали дословно чужихъ мыслей и выраженій. Еще болѣе въ такихъ произведеніяхъ какъ Духовная Владимира Мономаха, Слово Даніила Заточника, Хожденіе Даніила Паломника и т. п. Всего болѣе въ лѣтописяхъ и повѣстяхъ. Въ лѣтописяхъ она тѣмъ болѣе сильна, чѣмъ подробнѣе пересказаны событія, чѣмъ болѣе могъ лѣтописецъ увлекаться своимъ расказомъ. Тою же народностью проникнуть слогъ и Слова о полку Игоревомъ, хотя на него и налегла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука книжника позднѣйшаго времени, какъ налегала она не разъ и на расказы лѣтописные. Въ повѣсти о побои-

щѣ Мамаевомъ видимъ уже борепіе народнаго слога съ искуственнымъ книжнымъ; въ повѣсти объ осадѣ Пскова — полную побѣду послѣдняго. Стараніе книжниковъ удержать въ книгѣ древній языкъ, поведшее за собою удаленіе книжнаго языка отъ народнаго, повело за собою и удаленіе отъ народнаго слога. А такъ какъ творепія отцевъ Церкви и Греческихъ богослововъ и ученыхъ не могли не цѣниться болѣе произведеній домашнихъ, такъ какъ образцовъ и языка и слога въ то время, когда языкъ книгъ отсталъ уже отъ народнаго, не могли не искать въ переводахъ этихъ творепій, такъ же слабо отразившихъ на себѣ древнюю народность слога какъ усильно передававшихъ слогъ подлинниковъ; то въ книжной литературѣ Русской не могъ не укорепяться все болѣе слогъ не-Русскій. Этимъ преобладаніемъ требованій литературы Греческой въ книжной литературѣ среднихъ вѣковъ, все болѣе утверждавшимся, объясняется и то отсутствіе въ ней стихотворнаго отдѣла, которымъ она такъ отличается отъ литературъ западныхъ того времени. Съ одной стороны, въ Византіи не цвѣло стихотворство, стихотворцевъ-художниковъ не было: не было ихъ между книжниками и тамъ, гдѣ господствовало вліяніе Византійской литературы. Какъ не было литераторовъ-стихотворцевъ на Руси, такъ не было ихъ и у Сербовъ православныхъ, и у Болгаръ, между тѣмъ какъ у Сербовъ въ приморьи Адріятическомъ разцвѣло стихотворство уже въ XV вѣкѣ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что и у Сербовъ и Болгаръ, и у насъ не было прежде любви къ сти-

хамъ въ народѣ: пѣсни пѣлись болѣе чѣмъ послѣ, въ нихъ повторялись и дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой, и событія современныя; но книжной литературѣ, организованной въ своемъ составѣ по мѣркѣ Византійской, до нихъ не было дѣла. Съ другой стороны, — между тѣмъ какъ размѣръ Русскаго народнаго стиха не могъ въ ней казаться приличнымъ, не могъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣлялся языкъ и слогъ этого стиха отъ языка и слога книжной прозы, — не могли утвердиться въ ней и размѣры стиха, допущенные піитикой Византійской: они были слишкомъ не народны, слишкомъ дики для смысла Русскаго человѣка. Какъ не могла Русская литература допустить изъ народной словесности ничего, что явно противорѣчило требованіямъ литературы Византійской; такъ не могла она допустить и изъ Византійской того, что явно противорѣчило народному вкусу. Были, правда, попытки подражать и Греческимъ стихамъ, но попытки слабыя, увлекшія очень немногихъ. До XVI—XVII вѣка литература Русская оставалась безъ стихотворнаго отдѣла. Только съ ослабленіемъ Византійскаго вліянія на нашу литературу, могло прекратиться въ ней отреченіе отъ стихотворнаго ладу; только въ слѣдствіе сближенія Русской литературы съ западной Европейской, гдѣ господствовали размѣры стиховъ болѣе сходные съ нашимъ народнымъ, и гдѣ болѣе было развито искуство пользоваться ими для произведеній поэзіи, могло возродиться стихотворное направленіе въ нашей литературѣ.

Непитаемая народной почвой, литература Русская, вмѣстѣ съ языкомъ своимъ, отчудилась отъ парода; удаленная отъ современности въ отношеніи къ развитію понятій о требованіяхъ вкуса, оставаясь неизмѣнно при однихъ и тѣхъ же образцахъ, и вмѣстѣ съ твореніями, которыя навсегда сохранятъ свое художественное достоинство, считая за образцы такія произведенія, въ которыхъ изложеніе и образъ выраженія только въ силу давней привычки могли казаться достойными подражанія, она остановилась въ своемъ развитіи. Такъ долженъ былъ окончиться для нея первый періодъ, вмѣстѣ съ первымъ періодомъ исторіи книжнаго языка...

И какъ для языка, такъ и для литературы, прежде окончанія этого періода, начался новый — періодъ ея возвратнаго сближенія съ народнымъ вкусомъ, съ условіями народной словесности. Между тѣмъ какъ въ народѣ все болѣе распространялась образованность, все болѣе пробуждалась и потребность литературы, которая была бы народу своя и по духу и по языку. Безсознательно стали нѣкоторые ученые вводить народный элементъ въ языкъ книжный; такъ же безсознательно вводили вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ въ литературу и народную мысль. Тому и другому мѣшало отчасти сближеніе съ западомъ... Вліяніе Византійское еще не окончилось, какъ началось вліяніе западной литературы: сначала новая Латинская, позже Нѣмецкая, еще позже Французская и Англійская литература подчинили нашу литературную дѣятельность своимъ требованіямъ до такой степени, что

не только въ XVII—XVIII вѣкѣ, но даже и позже, даже еще и недавно считалось у насъ необходимымъ слѣдовать имъ, какъ безусловнымъ законамъ и считать въ литературѣ позволеннымъ только то, что не нарушало ихъ, и все, что ими дозволяемо было. Какъ прежде не могло не казаться дикимъ и противузаконнымъ всякое нововведеніе, нарушавшее силу вѣками утвержденныхъ правилъ изложенія и выраженія; такъ послѣ дико и противозаконно стало — не измѣнять своихъ понятій объ искуствѣ писать, сообразно модѣ, на короткій срокъ утверждавшей свое господство на западѣ. Это пристрастіе къ модамъ литературнымъ, раждающимся и умирающимъ внѣ всякаго соотношенія съ развитіемъ нашихъ домашнихъ понятій о народности и условіяхъ вкуса или нашей народной образованности, это пристрастіе къ чужому западному въ литературѣ остается у насъ еще и теперь. Но и теперь, и прежде оно мѣшало развитію народнаго вкуса только до нѣкоторой степени. Во вліяніи запада и то уже было въ пользу развитія нашей литературы, что оно утверждало въ ней силу современности. При томъ же это не было вліяніе одного какого нибудь народа, а соединеніе нѣсколькихъ различныхъ вліяній, взаимно одно другое ослаблявшихъ. Съ развитіемъ образованности народной, каждое изъ нихъ все болѣе примѣняемо было ко вкусу народному и вызывало его коснѣвшую силу къ дѣятельности. Новая мода убивала силу вліянія, защищаемаго прежней модой, но убивало только силу пзчужа пришедшую, а не ту долю народнаго вкуса, которая пробуждена была ею

къ жизни. По этимъ частнымъ долямъ вкусъ народный проникалъ все болѣе въ литературу, такъ же какъ по частнымъ долямъ, медленно и однако все болѣе проникалъ въ книги языкъ народный. Усиленіе народности языка и слога, вкуса и понятій было въ литературѣ нашей одновременно. И какъ ни далеки другъ отъ друга кажутся вопросъ о развитіи литературы и вопросъ о развитіи языка, тутъ они сходятся въ одинъ нераздѣльный. Главныя эпохи нашей новой литературы, эпохи Прокоповича и Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, Державина и Фонъ-Визина, Карамзина и Крылова, Жуковскаго и Пушкина — это эпохи развитія народности въ книжномъ языкѣ болѣе даже чѣмъ эпохи усовершенствованія литературы по ея содержанію, эпохи развитія народности литературнаго языка въ отношеніи къ словамъ и оборотамъ, къ складу и слогу и т. п. Переходя съ одной изъ этихъ эпохъ на другую, наша литература восходила какъ по ступенямъ все выше къ своей цѣли. Цѣль еще впереди,—и далека, но видна. Увлеченіе западомъ остываетъ; сознаніе своихъ собственныхъ силъ зрѣетъ все болѣе. Подражать чужому, какъ прежде подражали, мы уже не можемъ, не умѣемъ. Наша ученость и наша беллетристика, наши взгляды на предметы науки и искуства похожи на западные, но отличаются отъ нихъ — такъ же какъ и народность наша отличается отъ западной. Часто противъ воли нашей, мы остаемся тѣмъ, чѣмъ созданы, безсильно стараясь быть инымъ, и возвышаемся къ самобытности, нимало не поддерживая себя подпорой, на которую ста-

раемся опираться. Еще народный Русскій складъ рѣчи не считается годнымъ для важныхъ истинъ науки, еще народный Русскій размѣръ слишкомъ простъ для высокой поэзіи; но и тотъ и другой уже получили законность въ литературѣ, уже стали необходимы. Достигнувши самобытности въ литературномъ языкѣ, мы достигнемъ самобытности и въ литературномъ вкусѣ, — и будемъ наконецъ имѣть свою Русскую литературу — не по одному звуку, но и по духу. Само собою разумѣется, что какъ странно, не возможно, не должно достигать въ книжномъ языкѣ полной простонародности словъ и оборотовъ, отвергая отъ него все, чего нѣтъ въ языкѣ простаго народа, и вводя все что въ немъ есть; такъ странно, не возможно, не должно ограничивать и кругъ литературныхъ идей только тѣмъ, что не чуждо въ этомъ отношеніи народу. Останется и вновь прибавится въ нашемъ книжномъ языкѣ, чего не было и не будетъ въ языкѣ простаго народа — и все таки онъ будетъ народнымъ по духу, вполнѣ Русскимъ; останется и вновь прибавится и въ содержаніи литературы нашей, чего не было и не будетъ въ изустной словесности простаго народа, — и все таки она будетъ народною по духу, вполнѣ Русскою — будетъ, когда языкъ ея сдѣлается народнымъ.

Теперь мы въ счастливой порѣ пути къ этой желанной цѣли. Нѣтъ въ литературѣ нашей дѣятелей геніяльныхъ, одинаково и сильно даровитыхъ, и образованныхъ, и неусыпныхъ къ труду, каковы были въ свое

время Прокоповичь, Ломоносовъ, Карамзинъ; но есть много дѣятелей, приготовляющихъ своею дѣятельностью поприще для преемника этихъ исполиновъ нашей литературы. Дѣятельность литературная все болѣе получаетъ характеръ отчетливости, сознательности, стройности. Стройности мѣшаетъ, конечно, съ одной стороны—вольное и невольное отрѣшеніе большей части ученыхъ литераторовъ отъ старанія привлекать къ себѣ общее вниманіе, съ другой стороны—вольное и невольное отрѣшеніе большей части литераторовъ-беллетристовъ отъ старанія писать не для одного дня, отъ увлеченія своимъ дѣломъ, какъ дѣломъ самаго тяжелаго изъ художествъ. Одни пишутъ менѣе и медленнѣе, чѣмъ бы должны были и могли, будто жалѣя разставаться съ трудомъ привычнымъ; другіе гораздо болѣе и скорѣе, торопясь оканчивать начатое и будто боясь не начать неначатаго. Стройности мѣшаетъ и недостатокъ критики: кто бы могъ быть судьею, часто молчитъ; кто, безъ обиды себѣ, самъ себя можетъ считать внѣ права судьи, часто судитъ съ полною рѣшимостью рѣшать дѣло своимъ приговоромъ. Все однако не льзя не видѣть стройности въ дѣятельности литературной. Произведенія долголѣтнихъ трудовъ выходятъ одни за другими постоянно и все чаще; принимаются иногда холодно, оцѣняются иногда легкомысленно, но это не ослабляетъ дѣятельности преданныхъ такимъ трудамъ. Произведенія легкія, какъ ни спѣшно пишутся, пишутся не рѣдко съ той внимательностью, которая не далека отъ художническаго навыка и старанія искать лучшаго. Пишутъ не

всѣ, кто можетъ, и не всякій можетъ, кто пишетъ; но иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ въ обществѣ литература сдѣлалась потребностью, и вмѣстѣ развились литературныя понятія: сила потребности не можетъ не возбуждать охоту трудиться въ непризванныхъ, а сила требованій не можетъ не отвлекать отъ труда и призванныхъ, если они не увѣрены въ своемъ умѣньи угодить этимъ требованіямъ. Съ каждымъ годомъ выступаютъ на поприще дѣятельности литературной новые ряды молодыхъ людей, у которыхъ дарованія подкрѣпляются основательной образованностью, знаніемъ языковъ и литературъ иностранныхъ.... Литературныя мнѣнія въ обществѣ упрочиваются... Всего утѣшительнѣе въ нашей современной литературѣ направленіе ученое, все болѣе въ ней укореняющееся, и помогающее развитію нашей народной науки Русской. Русская исторія, памятники Русской древности и старины, памятники Русской народности, народная Русская словесность. Исторія Русской литературы несравненно болѣе всего другаго обращаютъ на себя вниманіе и литераторовъ и слѣдящихъ за литературой. Не могъ внѣ этого вниманія остаться и Русскій языкъ — для однихъ какъ орудіе литературы, для другихъ какъ предметъ науки. Академія непапрасно поспѣшила изданіемъ словаря, въ которомъ всѣ нуждались, — и дѣятельно продолжаетъ свои труды, зная какъ они необходимы при современномъ состояніи литературы; а между тѣмъ постоянно появляются труды частные, обогащающіе новыми матеріялами и изслѣдованіями науку

Русскаго языка. Не забыта между прочимъ и Исторія Русскаго языка. Карамзинъ первый указалъ на эту часть Русской науки. Востоковъ, Калайдовичь, Гречь, Рейфъ, Павскій, Давыдовъ, Полевой, Надеждинъ, Погодинъ, Шевыревъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Бередниковъ, Катковъ, Буслаевъ, Аксаковъ и другіе содѣйствовали къ развитію понятій о ней—одни изданіемъ памятниковъ языка, другіе замѣчаніями о развитіи его строя и состава. Запасъ пособій для Исторіи Русскаго языка уже довольно великъ; онъ все болѣе увеличивается подъ покровомъ правительства, заботящагося объ изданіи памятниковъ отечественной старины; — и въ то время, когда вся Русская наука вызывается къ свѣту постоянно возрастающимъ къ ней сочувствіемъ общества, Исторія Рускаго языка, какъ необходимая часть Русской науки, не можетъ остаться въ тѣни. Время для ея обработки настало,— и не напрасны будутъ усилія всякаго, кто съ любовію посвятитъ ей свое время, знанія и дарованія. Не напрасны, потому что для однихъ предварительныхъ трудовъ по Исторіи Русскаго языка надо много времени и многихъ дарованій. Труды эти разнообразны и не для всякаго легки, требуютъ много навыка и терпѣнія, много внимательности и осторожности, много любви къ филологическимъ работамъ, хотя и важнымъ по повидимому мелочнымъ, скоро утомляющимъ того, кто за ними забываетъ о цѣли, къ которой ведутъ они. Для того, чтобы матеріялы для Исторіи Русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое...

— Каждый изъ старыхъ памятниковъ языка долженъ быть разобранъ отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ. По сличеніи лучшихъ списковъ, надобно составить для него особенный полный и подробный словарь, не пропуская ни одного слова, ни одного оттѣнка его значенія, и особенную полную и подробную грамматику, не пропуская ни одной формы, ни одной особенности формы. Въ томъ и другомъ должно быть отмѣчено вліяніе чужестранныхъ языковъ. То же вліяніе иностранныхъ элементовъ должно быть отмѣчено и при историко-литературномъ разборѣ памятника со стороны его содержанія, изложенія и слога.

— По каждому изъ нарѣчій Русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанію. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ. Вліяніе элементовъ иностранныхъ должно быть отличено въ каждомъ нарѣчіи и мѣстномъ говорѣ отдѣльно.

— Современный языкъ литературы и образованнаго общества должно разобрать также отдѣльно и подробно въ отношеніяхъ лексикальномъ, грамматическомъ, литературномъ, не забывая ни писателей

образцовыхъ, заботившихся о своемъ языкѣ и слогѣ, ни писателей небрежныхъ, безсознательно повторявшихъ худое и хорошее изъ привычекъ языка книгъ и общества, не забывая также вліянія иностраннаго, вольно и невольно проникавшаго въ составъ и формы языка, въ слогъ и т. д.

Только въ слѣдствіе такого отчетливаго монографическаго перебора памятниковъ языка стараго и современнаго, книжнаго и народнаго, возможно составленіе историческаго словаря и исторической грамматики, и только въ слѣдствіе соображенія матеріяловъ, собранныхъ въ такомъ словарѣ и въ такой грамматикѣ, возможно приступить къ полной и подробной Исторіи языка. Не помѣшаютъ, конечно, попытки написать Исторію языка и прежде полной обдѣлки всѣхъ этихъ матеріяловъ; но ранѣе или позже матеріялы должны быть приготовлены....

И всѣхъ этихъ матеріяловъ будетъ еще мало для того, кто займется Исторіею Русскаго языка какъ трудомъ достойнымъ своего предмета по исполненію. Русскій языкъ не можетъ быть разсматриваемъ исторически отдѣльно отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій и сродныхъ языковъ: не смотря на множество филологическихъ трудовъ иностранныхъ, которые облегчатъ сличенія Русскаго языка съ другими, придется трудиться и самимъ Русскимъ, дополняя массу собранныхъ матеріяловъ. Такъ, между прочимъ, по нѣкоторымъ изъ нарѣчій Славянскихъ еще нѣтъ словарей и грамматикъ, годныхъ для филолога, — и едва ли кто другой, кромѣ Русскихъ филологовъ, можетъ

за нихъ взяться. И общимъ сравнительнымъ словаремъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій заняться едва ли кому удобнѣе, какъ Русскому ученому, который всегда можетъ посвятить себя этому огромному труду подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства нашего, благодѣтельно споспѣшествующаго всякой добросовѣстной дѣятельности въ области Русской науки.

Разнообразны и огромны труды, безъ которыхъ не возможно написать полную исторію Русскаго языка; но и сама она такъ важна, такъ необходима, такъ достойна общаго вниманія, что для трудовъ этихъ всегда будутъ люди съ умѣньемъ и охотой за нихъ взяться... И раньше или позже изъ подъ пера писателя, овладѣвшаго совѣстливо и отчетливо вопросами Исторіи Русскаго языка и средствами для ихъ рѣшенія, она выйдетъ картиной, столько же богатой содержаніемъ, сколько и занимательной для всѣхъ насъ, любящихъ свое отечество и его прошедшее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

(стр. 20)

«Первыя страницы нашей исторіи остаются не написанными. Онѣ останутся бѣлыми до тѣхъ поръ, пока не приметъ въ этомъ участія Филологія» и пр.

Не имѣя возможности дать обширнаго объема опыту, здѣсь представляемому на судъ любителей отечественной Филологіи, я долженъ былъ ограничиться въ немъ только нѣкоторыми замѣчаніями объ измѣненіяхъ строя Русскаго языка, и не внесъ въ него никакихъ подробностей касательно состава языка, касательно исторіи словъ, а потому и мысль о необходимости участія Филологіи въ дѣлѣ древней исторіи народа осталась безъ всякихъ объясненій. Представляю здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Пользуясь матеріялами, которые доставить могутъ памятники Русскаго языка прежнихъ вѣковъ и современный языкъ народный, съ помощію сравненія наречій Славянскихъ и языковъ, съ ними сродныхъ, можно составить словарь древнѣйшаго, первобытнаго Русскаго языка, если не совершенно полный, то по крайней мѣрѣ достаточно обильный и словами всякаго рода и объясненіями ихъ смысла. Каждое слово есть представитель понятія, бывшаго въ народѣ: что было выражено словомъ, то было и въ жизни; чего не было въ

жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидѣтель, памятникъ, фактъ жизни народа, тѣмъ болѣе важный, чѣмъ важнѣе понятіе, имъ выражаемое. Дополняя одно другимъ, они всѣ вмѣстѣ представляютъ систему понятій народа, передаютъ быль о жизни народа—тѣмъ полнѣе, чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе ихъ собраніе, чѣмъ они подробнѣе объяснены филологически въ ихъ народномъ значеніи, чѣмъ разнообразнѣе сближены одни съ другими. Порядокъ азбучный или грамматическій въ такомъ словарѣ можетъ быть только вспомогательный. Порядокъ систематическій, по предметамъ, по связи и соподчиненности понятій, выражаемыхъ словами, ведетъ къ цѣли прямѣе. Съ нимъ долженъ быть соединенъ порядокъ хронологическій, указывающій на повременность появленія словъ въ языкѣ. Этотъ словарь не будетъ еще изображеніемъ народа, но, заключая въ себѣ всю лѣтопись своего времени, критическое сличеніе всѣхъ необходимыхъ матеріяловъ, можетъ до нѣкоторой степени замѣнять его. Пусть тогда пользуется имъ историкъ, какъ художникъ: чѣмъ лучше владѣетъ онъ своимъ искуствомъ, тѣмъ выразительнѣе будетъ образъ времени, о которомъ онъ безъ этого пособія не могъ бы сказать ни слова, образъ тѣмъ болѣе важный и занимательный, что стоя въ повременномъ порядкѣ на первомъ мѣстѣ, онъ долженъ открывать собою весь рядъ послѣдующихъ изображеній, и что всѣ они, должны быть только его видоизмѣненіями.... Счастливъ будетъ, кому удается овладѣть всѣмъ матеріяломъ для этой картины первобытнаго состоянія Русскаго народа и написать ее. Теперь пока понятна только возможность и важность этого труда и есть средства только начать его разборомъ частей матеріяла. Самая легкая часть этого разбора есть объясненіе словъ, до сихъ поръ очевидно общихъ всѣмъ Славянамъ; самая трудная — рѣшеніе вопроса, на сколько проникнутъ былъ древній языкъ Русскій элементами чужеземными. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ затруднительнѣе, что ему мѣшать можетъ не толь-

ко недостатокъ знанія и соображенія, но самое пристрастіе, желаніе доказать ту или другую любимую мечту, желаніе, которому иногда ничего не стоитъ защищать чистую неправду и оспаривать чистую правду. Такихъ пристрастныхъ взглядовъ на составъ древняго Русскаго языка появилось въ разное время уже довольно. Замѣчательнѣе другимъ взглядъ тѣхъ, которые въ древнемъ языкѣ Русскомъ искали доказательства вліянія на Русь Скандинавскихъ Варяговъ. Увѣренность, что это вліяніе непременно было и было сильно во всѣхъ отношеніяхъ, управляла взглядомъ, и позволяла подбирать докатательства часто въ противность всякому здравому смыслу, нелишенному Филологическаго образованія. Какъ необходимое предупрежденіе, считаю долгомъ сказать, что я не думаю ни мало оспаривать присутствіе Скандинавскаго элемента въ нашихъ Варягахъ; а только не вижу никакой возможности считать въ числѣ Скандинавскихъ бо́льшую часть тѣхъ словъ, которыми доказываютъ Скандинавское вліяніе на языкъ Русскій. За исключеніемъ очень немногихъ, эти такъ названныя Скандинавскія слова — или суть чисто Русскія, принадлежавшія къ составу Русскаго языка до прихода къ намъ Варяговъ Скандинавскихъ, принадлежавшія не однимъ Русскимъ, но и другимъ Славянамъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго происхожденія. Представляю на судъ читателей нѣсколько замѣчаній объ этихъ словахъ:

—*Боляринъ=бояринъ*. Въ древнѣйшей формѣ—*болрь=боляръ*, (*ь=ъ*) множ. *боляре=бояре*: такъ *христіанинъ*, *Русинъ*, *властелинъ*, *господинъ* въ древнѣйшей формѣ *христіанъ*, *Русь*, *властель*, *господь*. Этимъ словомъ играли многіе ученые: одни выводили его отъ *болѣть* или отъ *бой ярый*, — и сколько ни старались защитить свое мнѣніе, не убѣдили въ немъ никого: другіе выводили отъ *bauer = buri*, или отъ *bo* и *jarl*, *bol* и *jarl*, — и убѣдили всѣхъ, кому нужно было и это для защиты своего убѣжденія въ силу Скандинавскаго вліянія на древнюю

Русь. Что это слово не перешло отъ Скандинавовъ непосредственно къ Русскимъ, что первые наши бояре явились не изъ дружины Варяжской во второй половинѣ IX вѣка, это достаточно доказывается и тѣмъ, что бояре у Болгаръ были по крайней мѣрѣ за цѣлое столѣтіе до этого времени. О боярахъ Болгарскихъ упоминаетъ Ѳеофанъ подъ 764 годомъ («Paganus Bulgarorum dominus accepta fide ipse cum sius bojladis (μετα των βοϊλάδων αὐτου) et optimatibus ad imperatorem se contulit «(Стриттеръ. II. 525). Съ тѣхъ поръ осталось это слово извѣстнымъ при дворѣ Византійскомъ титуломъ вельможъ Болгарскихъ. Въ правила Церемоніяла вставленъ былъ между прочимъ вопросъ, который Логоѳетъ долженъ былъ предлагать посламъ Болгарскимъ, когда они являлись ко двору: «Quomodo valet princeps Bolgariae? quomodo sex magni *bojlades*? quomodo reliqui intus et extus *bojlades*? quomodo commune populi?» (Стр. 605—606). Позже видимъ съ такимъ же значеніемъ *боляръ* въ царствѣ Сербскомъ, подъ правленіемъ дома Немани — не только въ Законникѣ Стефана Душана, но и въ древнѣйшихъ грамотахъ Сербскихъ. Такъ Дубровничане, заключая миръ съ Королемъ Владиславомъ, обѣщали ему: «ако ти се згоди кое насиле и прибѣжиши у градъ нашъ к намъ, да те примемо яко господина съ всаковъ почьстию и съ всакимъ прыанiемъ съ всѣми твоими *болары* и съ iнѣми всѣми твоими... а зла да ти не учинимо ни котаре, ни тебѣ... ни *боларомъ* твоимъ» (Срб. Споменице. 5). У Сербовъ южныхъ, Хорватовъ и Хорутанъ слова *бојар* = *војар*, *бојарин* = *војарин*, *бојарник* = *војарник*, *војничар* живутъ до сихъ поръ въ смыслѣ господина вообще и военачальника; они повторяются въ пѣсняхъ и въ простомъ говорѣ. Изъ Славянскаго источника заняли титулъ *болярскій* Молдаване и Валахи издавна, употребляя и теперь *un boiarin* въ смыслѣ vir nobilis, а *boeritia*=*boerese*—какъ matrona nobilis. Отъ Славянъ же заняли его и Мадьяры, на языкѣ которыхъ *bojar* означаетъ героя. Отъ Славянъ заняли, конечно, слово *војар* и Албанцы, придавъ

ему смыслъ старѣйшины, сельскаго старосты и вообще всякаго богатаго человѣка, а новые Греки — μπογιάρος, называя этимъ словомъ не только вельможъ Румунскихъ, но и между своими каждаго знатнаго и богатаго человѣка. Въ послѣднемъ смыслѣ это слово довольно народно въ Пелопонесѣ, гдѣ оно, какъ особенный почетный титулъ прибавляется къ фамильнымъ именамъ. Изъ всего этого можно, кажется, безъ всякой натяжки заключать, что и у Русскихъ Славянъ могло существовать это слово прежде, чѣмъ ихъ языкъ подчинился вліянію Скандинавскому. Такое заключеніе тѣмъ позволительнѣе, что въ Германскихъ языкахъ нѣтъ ни одного слова, которое бы могло служить ему образцомъ: попытка производить *боярина* отъ buri = bauer, происшедшаго отъ bua=bauen, такъ же неудачна, какъ и мысль, что въ *боярынѣ* слились два корня *bo* или *bol* и *jarl*. Слово *боляринъ*, начиная съ самыхъ древнихъ памятниковъ, гдѣ оно встрѣчается, употреблялось какъ титулъ вельможи: только отъ однозвучнаго слова съ такимъ значеніемъ могло оно быть занято и въ Русскій языкъ, если бъ было занято; и между тѣмъ ни bauer = buri не употреблялся въ этомъ смыслѣ, ни bojarl или boljarl не существовало ни въ какомъ смыслѣ нигдѣ, кромѣ воображенія этимологовъ. Гораздо болѣе позволительно и возможно считать слово *боярѣ* = *боляръ* за чистое Славянское и искать корня его между Славянскими корнями. Такимъ оно и считается у Славянъ югозападныхъ: употребляя слово *боляр* = *воляр* = *войничар*, какъ однозначительныя, они (не Филологи и этимологи, а простые люди) идеи послѣдняго изъ этихъ словъ въ своемъ сознаніи не отдѣляютъ отъ идеи о войнѣ, боѣ, воеваньи. И дѣйствительно отъ раздвоившагося корня *бой* = *вой* легко могли съ прибавкой образовательнаго слога *арѣ*=*арь* произойти слово *бои-ар* (*и* = *ь*) = *вои-ар* (*и* = *ь*), такъ же какъ произошли слова писарь, лѣкарь, звонарь, бах(=*бай*)арь, знах(=знай)арь, ключарь, и т. д., или какъ воинъ = воянъ = боянъ = боецъ. Имя воина, члена военной дружины, не

у однихъ Славянъ обратилось въ титулъ людей высшаго сословія (ср. кшатри, шевалье, риттеръ, и пр). Но откуда же взялось *л*, которое съ давнихъ временъ слышно въ этомъ словѣ, начиная съ *болядѣ* Болгарскихъ? Не льзя утвердительно сказать, что оно заступило здѣсь мѣсто *j* (*боль*-ар вмѣсто *бој*-ар), какъ въ словѣ *ледва* вмѣсто і-*едва* и немногихъ подобныхъ. И невольно припоминается другой корень *боль* = *вель* (большой=великій): какъ Испанцы называютъ своихъ аристократовъ грандами, какъ Венгры—магнатами, какъ Сербы и Хорваты—великашами, какъ мы — вельможами, такъ въ древности всѣ Славяне или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ могли называть ихъ *болярами*. Это столько же правдоподобно, какъ и то, что они могли назвать ихъ *болярами*. И едва ли какому изъ этихъ двухъ разныхъ производствъ можно отдать преимущество. А если не льзя, то почему не льзя допустить, что оба корня—и *бой*= *вой*, и *боль* = *вель* одинаково участвовали въ образованіи слова, какъ названія первенствующаго сословія, что два слова, образованныя отъ двухъ разныхъ созвучныхъ корней, случайно совпались въ значеніи такъ же какъ и въ звукахъ? Такъ слово *жатва*, употребляемое у насъ только въ одномъ смыслѣ отъ корня *жать* — *жну*, произошло у Хорутанъ и Хорватовъ (по ихъ выговору *жетва*=*жетъв*) отъ двухъ корней (*жать* — *жну* и *жать* — *жму*), означая не только жатву, но и натискъ, давку хлѣба подъ жорновомъ, отъ чего произошло и слово *жетка* — шелуха. Такъ и нашъ *коноводъ* ведетъ свое начало отъ двухъ близкихъ по звукамъ, но очень разныхъ по значенію корней: *конъ* и *конь*, перемѣшавши въ себѣ ихъ значенія. Такъ и слова *боянъ* и *баянъ* можно считать за одно слово, хотя первое произошло отъ *бой*, а второе отъ *баять*. Такъ одно и тоже божество у Славянъ называлось и *Святовитъ* и *Свѣтовитъ*, именами очень близкими по звукамъ и совершенно различными по значенію (*свѧтъ* — sanctus, *свѣтъ* — lux). Такъ и слово *крестить* образовалось отъ двухъ различныхъ

словъ: какъ christianum facere отъ χριστός, а какъ осѣнять крѣстомъ отъ крестъ=крьстъ (Лат: crux, Нѣм. Kreuz, Kreis).

— *Безмѣнъ* напомнилъ своими звуками Скандинавскій besmer = bismer = besman, можетъ быть — и не напрасно; но не льзя спустить изъ виду, что не только въ Польскомъ есть bezmian = przezmian = przemian, гдѣ *a* правильно заступило мѣсто *ѣ*, но и въ Чешскомъ есть prezmĕn, употребляемое въ двухъ сходныхъ смыслахъ — какъ statera, Schnellwage, безмѣнъ, и какъ Wippgalgen (zločince na přezmĕn wyhoupnouti—преступника повѣсить).

— *Вервь = врьвь.* У Адама Бременскаго замѣчено, что commune populorum consilium a Sueonibus *warph*, a nobis thinc vocatur; слѣдовательно Свейская вервь была то же что у насъ въ старину вече; у Фризовъ словомъ *warf = werf* называлось мѣсто суда; Старо-Саксонское *huarab*, Англосаксонское *hvyrft* значитъ orbis, circuitus, ambitus, Исландское *hvarf*—discessus, refugium,—cumulus. Такихъ указаній можно было найти слишкомъ довольно, чтобы имѣть возможность и древнюю Русскую *вервь* отчислить къ словамъ, занятымъ отъ Германцевъ, принесеннымъ Скандинавскими Варягами. Тѣмъ не менѣе эта возможность представиться могла только тѣмъ, кто не хотѣлъ, или не могъ вникнуть въ данныя, возбуждающія мнѣнія противныя. Ни въ одномъ нарѣчіи Германскомъ нѣтъ однозвучнаго и вмѣстѣ однозначащаго слова съ нашимъ словомъ *врьвь=вервь:* гдѣ оно звучитъ сходно, тамъ не употребляется въ такомъ смыслѣ, а гдѣ близко по смыслу, тамъ иначе выговаривается; а между тѣмъ, если бы оно было занято, то, вѣрно, съ занятымъ смысломъ перенесло бы и свой выговоръ, на сколько могъ его выдержать безъ измѣненія Русскій языкъ. И между тѣмъ, какъ остается еще темно, гдѣ бы можно найти слово совершенно близкое по выговору и смыслу съ древнимъ Русскимъ *врьвь = вервь*, находимъ его

въ разныхъ смыслахъ и выговорахъ въ разныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: въ Сербскомъ *врѣва*—turbo, multitudo, concursus, frequentia, *врѣвом* (творительный отъ *врѣва*) — conglobatim, catervatim (*ходити врѣвом*), *врѣвив*—circumfluens (*војска врѣвива*); въ Хорватскомъ *врпа* — cumulus, acervus, congeries (*врпа дрва* и *врпа люди*); оттуда *врѣвити* = *врѣпити* — conglobo, concurro, proturbo, conturbo; *врѣвљети* — тоже; *врѣвљење* — turba properantium. Вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ вервью называется веревка, тесьма и т. п.: *врьвь* (virw) въ этомъ значеніи (reticula) находимъ въ Чешскихъ глоссахъ Вацерада (XII вѣка) къ Mater verborum. Такъ старую Русскую вервь по смыслу первообразному и его соотношенію съ первымъ переходнымъ смысломъ можно сравнить со словомъ *союзъ*, происходящимъ отъ *уже* — *узъ*, что значитъ тоже веревка. Въ древности назывались и родные *снузниками*, *ужиками*: въ Санскритскомъ тоже значитъ по смыслу и корню слово bandhu; въ Англосаксонскомъ wedding того же корня, значитъ бракъ; Нѣмецкое Verwandt того же корня—родственникъ. Такъ и *врѣвник* въ Сербскомъ значитъ родной а въ Хорутанскомъ—сватъ, *врѣвница* = *брѣвница* = *обрница*—сваха. Слѣдовательно, первая идея о верви въ отношеніи къ людямъ могла родиться еще въ семействѣ, такъ же какъ въ семействѣ родилась и первая идея о союзѣ; потомъ уже перешло слово *вервь* къ обозначенію общины; при третьемъ переходѣ смысла могло явиться со значеніемъ вѣча, народнаго собранія, при четвертомъ — съ понятіемъ о толпѣ, множествѣ вообще, и т. д. Такъ и *громада*, означая у Великоруссовъ множество чего бы то ни было, какъ у Хорватовъ *врпа*, у Малоруссовъ означаетъ только мирскую сходку. Почти въ такомъ же соотношеніи находятся значенія слова Германскаго dorf, thorf, thorp, thorpe, turf, Итальянскаго torba, Латинскаго turba, Кельтскаго torf, trev, treubh. Изъ всего этого скорѣе можно позволить себѣ заключеніе, что вервь занята Германцами у Славянъ, чѣмъ напротивъ.

— *Вира = вѣра*, откуда *вирникъ = вѣрникъ*: слова эти чаще встрѣчаются съ *и*, но есть довольно случаевъ, гдѣ мѣсто *и* стоитъ *ѣ*, такъ же какъ и въ словѣ *свидѣтель = свѣдѣтель* (свѣдокъ). Въ Польскомъ въ смыслѣ виры = вѣры употреблялось wargielt = wergielt: почему же ни у насъ, ни у другихъ Славянъ не было никогда этого Нѣмецкаго слова? Въ Сербскомъ и Болгарскомъ издавна и до сихъ поръ обычно *вергија*, какъ *порѣза* — дань. Въ Хорватскомъ *вира* значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ, а *завирити* — обязать задаткомъ или залогомъ къ покупкѣ и продажѣ, къ найму, къ исполненію обѣщанія и т. п. См. *вѣровати* — обвинять, въ Запискѣ о правахъ Дубровн. купцовъ.

— *Верста = врѣста* — по мнѣнію Шафарика произошло отъ Скандинав. и Готѳ. *rasta* — milliare. Не отвергая сходства звуковъ и значенія этихъ двухъ словъ, не льзя однако не сомнѣваться, что одно изъ нихъ, какое бы то ни было, явилось въ томъ или другомъ языкѣ въ слѣдствіе заимствованія изъ чужаго языка. Какъ у Готѳ. слова rasta есть свои сродныя въ языкахъ Германскихъ (Англійск. rest, Шведск. и Нѣмец. rast и пр.); такъ и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно всюду дома, всюду занимаетъ мѣсто между многими производными того же корня. Самое общее значеніе слова *верста* есть рядъ, порядокъ, связь частей однородныхъ, сходство, сродство и все сходное, сродное: оттуда *верстать*, *приверстать*, *наверстать*, *сверстникъ* (Болгар. Сербск. Хорват. Хорут.: *врѣстник = врѣсник*, Чешск: *врѣстевник*). Частныя значенія: — въ Сербск. Хорват: линія; въ Сербск. Хорват. Чешск.: родъ, племя; въ Хорут. и Чешск: стихъ; въ Польск. и Чешск.: слой дерева, породы земли; въ Рус. Словац. и Польск: мѣра пути. —

— *Господь = господинъ*. Слово это было производимо отъ Герм.: husfads = husbonda — Hausherr, хозяинъ. Сходство звуковъ разительно; но слово это такъ же разительно сходно и съ

Греческимъ δεσπότης — herus, dominus, possessor. Новые Греки называютъ и теперь Божію мать δεσποινα, какъ въ старину у насъ придавалось ей имя госпожа (откуда *госпожинъ день, госпожинки, спожинки;* по Сербски: *господја велика* и *мала,* по Хорутански: *gospodnica*). Въ старомъ Прусскомъ было *waispatti* — госпожа, а въ Санскритскомъ wiçampatti; въ Кельтскихъ нарѣчіяхъ до сихъ поръ сохранилось слово *dospa* въ смыслѣ хозяйства. Всѣ Славяне и всѣ сосѣди Славянъ имѣютъ слово *господь* или какое нибудь производное (*господ, господар, господа, госпа, госпон* и т. д.). Все это вмѣстѣ доказываетъ, что это слово столько же Греческое, Кельтское или Славянское, сколько и общее Индоевропейское и что оно менѣе всего Германское.

— *Гость* очень сходно съ Германскомъ gast. И между тѣмъ слово *гость* такъ же распространено во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, какъ gast въ Германскихъ. Въ смыслѣ купца слово это извѣстно въ Хорутанскомъ (gost, gostnik) и Чешскомъ (hosták). Въ смыслѣ большой проѣзжей дороги *гостинецъ* (см. Рус. Правду) употребляется въ Словацкомъ и Польскомъ. Слово *гость* повторяется во множествѣ древнихъ собственныхъ именъ напр. Гостомыслъ, Гостимиръ, Гостиславъ (Польск. Goslaw) и пр. Къ тому же и въ Латинскомъ есть hospes и hostis, въ ст. Французскомъ hoste, въ Ирландскомъ gazda, и т. д. Слово *газда* извѣстно также во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ въ смыслѣ хозяина дома.

— *Гридь—гридинъ—гринь.* Въ языкахъ Германскаго племени можно было найти нѣсколько различныхъ словъ, отъ которыхъ могло показаться удобнымъ производить это слово. Въ одномъ древнемъ Сѣверномъ есть *gridh*—миръ, волость,—и *grind*—чуланъ, затворы,—и *hird*—свита, дворъ, откуда *hirdir*—стражъ. Особенно послѣднее слово очень годилось по своему значенію. Не всѣмъ однако показалось возможнымъ произво-

дить нашу *гридь* отъ *hird*: мнѣнія раздѣлились,—и самое раздѣленіе мнѣній указываетъ на трудность доказать Германское происхожденіе *гридина*. Между тѣмъ не льзя сказать, чтобы не было совсѣмъ доказательствъ въ пользу Славянскаго происхожденія этого слова. Въ Малорусскомъ слово *громада* значитъ мирскую сходку, по Великорусски тоже можно сказать *громада людей*, такъ же какъ по Сербски *врѣна люди* (см. *Врѣвь*); *атаманъ зъ своей грамадой* — со своимъ народомъ, съ дружиной: тоже значеніе въ Хорутанскомъ имѣетъ слово *грида*, и какъ съ *громада* одного корня *громадить*, *сгромадить*, *скромадить*, такъ съ *грида* одного корня Хорутанское же *griniti*, *zgriniti*, Польское *grzonąć*: буква *д* тутъ опущена такъ же какъ въ словахъ прянуть, вянуть, стынуть, и т. п. Можетъ быть отъ этого корня происходитъ и *гридь=гридинъ* (ср: бояръ = боярипъ, господь = господинъ, людь = людинъ, и пр.).

— *Дума*, *Думецъ=думца*. Древнее Сѣверное *domr*, Готеское *doms*, Англійское *doom*, безспорно, очень сходны по смыслу такъ же какъ и по звукамъ съ нашей *думой*; легко было слѣдовательно сравнивать и *думцевъ* нашихъ съ Англійскими doomans. Но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что *дума* и *думецъ = думца* — слова занятыя, принесенныя къ намъ Скандинавами. Корень этихъ словъ, равно и самыя слова эти и другія подобныя — общая принадлежность всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ сохранилось и первоначальное значеніе корня: *думать* не только въ Болгарскомъ, но и въ Хорватскомъ, приморскомъ Сербскомъ, отчасти въ Хорутанскомъ (на сѣверъ Истріи) значитъ говорить, сказывать. Въ старыхъ Русскихъ памятникахъ *думати* тоже не встрѣчается въ смыслѣ судить, разсуждать, а только въ смыслѣ совѣтовать, совѣщаться, сговариваться, такъ какъ употребляется и теперь въ Сербскомъ. Только въ новомъ Русскомъ и въ Сѣверозападныхъ нарѣчіяхъ сохранилось оно въ

одномъ переходномъ смыслѣ, равносильномъ слову мыслить, разсуждать. Въ Польскомъ и Чешскомъ оно перешло даже еще одну степень: *дума* значитъ въ нихъ между прочимъ высокомѣріе, горделивость; *думца*—гордецъ. Въ переходныхъ смыслахъ сохранились слова этого корня и въ другихъ языкахъ Европейскихъ: Готоское *domian*—urtheilen, richten, κρίνειν. Литов. domóju, dumju — значитъ puto, consilior, Латин. damnare (срав. Рус. наказывать, отъ казать—говорить). *Дума* въ смыслѣ совѣта, сейма и *думецъ* = *думца* въ смыслѣ совѣтника такъ же произошли отъ корня *дум–ати* — говорить, какъ *вѣче* (совѣтъ, сеймъ) и *вѣтникъ* = *свѣтникъ* отъ корня *вѣт–ити* (= вѣщати)— говорить.

— *Князь=кънязь*. Славяне—говоритъ Кругъ — въ древнѣйшее время князей не имѣли, слѣдовательно не могли имѣть и особеннаго названія для нихъ, а заняли они его у Германцевъ, которые издревне имѣли Kong=King=Konung=Koning= König. Удивительно слышать это отъ Круга, всю жизнь свою занимавшагося однимъ древнимъ періодомъ Русской Исторіи. Говоря, что у Славянъ князей не было, Кругъ ссылается на Прокопія и Константина Порфиророднаго; но ни Прокопій, ни Константинъ П., не упоминая о *князьяхъ*, говорятъ, что у нихъ не было государей: для подтвержденія этого Кругъ могъ бы вмѣсто двухъ ссылокъ сдѣлать двадцать, и все таки не доказать, что у Славянъ не было *князей*. Не было у нихъ государей въ томъ смыслѣ какъ были они у Римлянъ, Византійцевъ, Арабовъ, Германцевъ времени Карла и послѣ, не было василевсовъ, цесарей, императоровъ, калифовъ — это ясно; но правители были, такіе же, какъ и на сѣверѣ Скандинавскомъ *конры* и *конунгры*, не важные по внѣшнему значенію, но съ правами власти въ своихъ волостяхъ, съ правомъ передавать свою власть по наслѣдству. Лѣтописи Византійскія, Арабскія, Латинскія называютъ ихъ по именамъ, приводятъ ихъ титулы въ переводѣ, пересказываютъ ихъ подвиги. Они

были и какъ нибуть титуловалъ же ихъ народъ, которымъ они правили. И почему-же не князьями? Потому ли что слово подобно звучащее есть въ языкѣ Германскомъ? Но оно есть и въ Кельтскомъ (cun = ceap съ значеніемъ вождя, воеводы), и въ Персидскомъ (keja = kej въ смыслѣ короля), и въ Осетинскомъ (кен-вельможа). И у Аваръ были *каганы*, и у татаръ *ханы*... Что же касается до Славянъ, то нѣтъ ни одной, самой малой отрасли ихъ, гдѣ бы слово *князь* не жило со своимъ особеннымъ смысломъ, узаконеннымъ издавна употребленіемъ народнымъ, гдѣ означая владѣтеля (Серб. Хорут.: knez, Чешск.: kniže, Польск.: książe), гдѣ господина вообще (Серб. кнез, Лужиц. knĕz), гдѣ сельскаго старосту (Серб. и Хорв. кнез), гдѣ священника (Чеш. knĕz, Польск. ksiądz), и т. д. Повсемѣстная народность слова въ цѣломъ племени, слова, притомъ выговариваюшагося вездѣ совершенно правильно, сообразно съ требованіями мѣстной фонетики, не можетъ быть причислено къ числу заимствованныхъ. Славяне Русскіе, если только вѣрить лѣтописи, имѣли своихъ *князей*, *княжескіе роды* и *княжества* гораздо прежде чѣмъ покорены были Козарами и Варягами, прежде перехода черезъ ихъ землю Болгаръ и Угровъ, прежде самовластія Обровъ. На правахъ древнихъ княжескихъ родовъ основано первое дѣленіе Руси на волости; въ родѣ Рюрика оно только повторилось, уже утвержденное древнимъ обычаемъ. То же самое видимъ и у другихъ Славянъ. Стараясь подтвердить свое мнѣніе о Германскомъ происхожденіи *князя*, Кругъ искалъ доказательства въ словѣ *княгиня*, по древнему выговору и правописанію — *кънагыни*: это слово, думалъ онъ, есть повтореніе Нѣмецкаго *Königin*. Безъ сомнѣнія, ему простительна такая ошибка: онъ не былъ ни Славянинъ, ни Филологъ; тѣмъ не менѣе это ошибка: *ыни* = *ыни* есть обыкновенное окончаніе для обозначенія лица женскаго рода, наприм. рабыни, господыни, чехыни, грькыни богыни, другыни и пр. Ему соотвѣтствующее окончаніе мужескаго рода есть *ъ*, *ь* или

инъ (напр. господъ = господь = господинъ). Если окончаніе муж. рода будетъ на *ь*, а это довольно часто бываетъ, то послѣдняя буква согласная должна смягчиться (государь — государыня, господь — господыня, гусь — гусыня), и если эта согласная будетъ гортанная, то смягченіе должно быть переходное (*г* въ *з*, *х* въ *с*, *к* въ *ц*): этотъ послѣдній случай представляется въ словѣ *князь*, гдѣ *з* замѣнило *г*, которое не могло опять не появиться, когда придано было слову женское окончаніе *ыня* = *ини* для образованія слова *княгыня* (мы теперь пишемъ княгиня по общему въ новомъ нашемъ языкѣ правилу замѣненія *ы* въ *и* послѣ *г*, *к*, *х*,). Окончанію *ыня* соотвѣтствуетъ въ Германскомъ *in*, и нѣтъ ничего страннаго, что отъ одного и того же корня, къ которому приданы въ двухъ языкахъ сходныя по звукамъ окончанія, произошли и въ томъ и въ другомъ языкѣ два слова очень похожія одно на другое: будь въ Нѣмецкомъ sudar, то и сударыня могла бы по Нѣмецки быть sudarin, какъ графиня—gräfin, танцорка—tänzerin. Впрочемъ не къ чему долго останавливаться на доказательствахъ Германскаго происхожденія *князя*. Увлекая пристрастныхъ и простодушныхъ, они не могутъ увлечь того, кто захочетъ вникнуть въ происхожденіе этого слова внимательнѣе. Замѣчено было, что словамъ *князь* = könig есть соотвѣтствующія по значенію и звукамъ въ другихъ языкахъ Индоевропейскихъ: этого одного достаточно чтобы позволить себѣ вопросъ, не принадлежатъ ли всѣ эти слова къ одному и тому же корню. И корень этотъ дѣйствительно найденъ. Въ древнемъ сѣверномъ слово konr = konungr значитъ не только король = könig, но и каждый благородный, и каждый потомокъ, а ему соотвѣтствуетъ женское *кона* = *qvan* = *quen*, Готеское: qens—со значеніемъ вообще женщины, жены, γυνη; *кун*—Готеское kuni—того же корня, значитъ родъ, сѣмья — γενος, genus; *kynd* — тоже родъ, сѣмья, потомство, и т. д. Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *княземъ* и *княгиней* — называются молодые мужъ и жена, *княжкомъ* (*кнежек*: въ Сербск.

примор. и Хорут.)— первородный сынъ, и пр. Не забудемъ при этомъ, что по древнему правописанію слова этого корня имѣли всегда *ѕ* между *к* и *п*: кънѧзь, кънѧгыни кънѧжьство и пр. Какъ въ Германскихъ нарѣчіяхъ, такъ и въ Славянскихъ *ґ=з=жє* суть звуки прибавочные: къ корню принадлежитъ только *кѣп*, что по новому выговору будетъ *коп*: это видно изъ нѣкоторыхъ словъ Германскихъ, это же видно изъ словъ Серболужицкихъ: *knĕnï* — madame, *knïnka*— малютка, ипр. Въ этой формѣ корень очень употребителенъ и не отступаетъ отъ древняго своего значенія: въ Германскомъ его древнѣйшая форма—*кап=коп*. Слово *конѕ* тоже что начало (*отъ кона суть*: Іоаннъ экз. 190; *коноводѕ*—зачинщикъ, слово совершенно отличное отъ *коневодѕ*) По соображенію словъ *поконѕ=почало, начало, зачало, зачинать, конать*, (т. е. *почѧло, начѧло, зачѧти* ипр.) видно, что корень *кѣп=кон* могъ имѣть другую мягкую форму—*чѧ*, въ которой носовой звукъ *ѧ*, упираясь въ гласную долженъ превращаться послѣ *ч* въ *ьн=ин*, такъ же какъ послѣ *к* въ *ѣп=он*. Какъ въ корняхъ *жѧ—ти, мѧ—ти, тѧ—ти* было *жьн—ж, мьн—ж, тьн—ж*, такъ и въ *чѧ—ти— чьн—ж*, и какъ отъ *жѧ=жьн* есть (по) *жин—аіж* и *ґѣп—ж*, такъ и отъ *чѧ=чьн* есть (по)*чин—аіж* и *кѣп—ж*. Отъ *чѧ—ти* произошло *чѧдо* такъ же какъ въ Германскомъ отъ *kan=kon— kynd, kind: чѧдо, чѧдь* и *kind, челѧдо, челѧдь* и *child* равносильны по звукамъ и по значенію. Отъ того же корня, съ удержаніемъ твердой формы, произошло и *конд=кънѧзь*, въ Германскомъ съ удержаніемъ окончательной согласной твердой, въ Славянскомъ со смягченіемъ ее въ *з* по случаю соединенія съ *ь*, т. е по случаю требованія очень обычнаго мягкаго окончанія для образованія мужескаго слова. Такимъ образомъ древнѣйшее значеніе слова *кънѧзь=конд* должно было быть родичь (въ древнемъ смыслѣ), происходящій отъ рода, и потомъ—первый въ родѣ, начальникъ рода. Слово *начальникѕ* собственно значитъ на-

чинающій,—и теперь приняло въ свое значеніе идею о правѣ, о владѣніи: такъ случилось и сословамъ *кънязь—kong*. Съ этимъ словомъ соединилась еще идея о благородствѣ: такъ точно въ югозападныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *племичь, племениташ*, происходя отъ *племя*—родъ, означаютъ благородныхъ, аристократовъ: такъ и Нѣмецк. *adel, edel*, ограничиваясь теперь при означеніи благородства, происходитъ отъ одного корня съ *edli*—родъ, племя, природа. —

Луда. У воеводы Варяжскаго, слѣпаго Якуна — «*луда* бѣ золотомъ истъкана», и онъ, послѣ неудачной битвы, бѣжа съ поля «отбѣже ту *луды* златое.» Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ о хитростяхъ бѣса, являвшагося» въ образѣ Ляха, въ лудѣ и носяща въ приполѣ цвѣтъкъ иже глаголеться лѣпокъ». Лука Жидята въ Поученіи говоритъ: «москолудство вамъ братія нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова.» Шафарикъ принимаетъ слово *луда* за Скандинавское и сравниваетъ съ lodhi, hlodha, lodha — sagum, chlamys. Но и въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ есть слова это корня: въ Чешскомъ есть *luden* — newalené sukno, въ Лужицкомъ есть *lejdo=lejdno* — Frauenjacke, въ Хорватскомъ *luda*—покровъ и *luditi* — покрывать: уже ли въ эти нарѣчія заняты слова отъ того же Скандинавскаго?

Людъ, людинъ, люди такъ сходно звучатъ съ древнимъ Сѣвернымъ *liodh=lyd=liud*, что не льзя было охотнику до подбора такихъ словъ отречься отъ удовольствія и ихъ причислить къ числу занесенныхъ къ намъ Варягами. И тѣмъ не менѣе слова эти и многія, отъ нихъ происшедшія, принадлежатъ къ числу народныхъ необходимыхъ словъ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ безъ исключенія. Сохранились даже остатки отъ употребленія слова *людъ* въ смыслѣ не собирательномъ, а единичномъ: *ludek* въ Польскомъ, *ludk* и *ludžik* въ Лужицкомъ значитъ человѣчекъ (маленькій, бѣдненькій, жал-

кій), карла; въ Польскомъ есть и *odludek*, *podludek*, и *ludkowie* (popellus). Собственныя имена: Людиша, Людмила, Людомиръ, Людмибора, Людевитъ и пр. принадлежатъ также къ доказательствамъ, что очень издревле слово *людъ* было собственностію Славянской. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Греческомъ есть λαος, λεος—народъ, λειτον—люди, λειτος—публично, мирски; въ Санскритскомъ *laukas*—homines, и т. д. Гораздо справедливѣе, слѣдовательно, причислить слово *людъ* къ словамъ общимъ Индоевропейскимъ, а не къ Германскимъ.

Мечь. На Полянѣ» найдоша Козаре и рѣша Козари: платите намъ дань. Съдумавше Поляне и въдаша отъ дыма *мечь*, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налезохомъ дань нову. Они же рѣша имъ: откуду? Они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою. Они же рѣша: что суть въдали? Они же показаша *мечь*. Рѣша старци Козарьстіи: не добра, княже, дань сп. Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною сторопою (рекше саблями), а сихъ оружье обоюду остро (рекше *мечь*); си имуть искати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбысться все» (Л. л. 7). Не смотря, что это преданіе отнесено лѣтописью къ временамъ до-Варяжскимъ, и его и *мечь* считали вывезенными къ намъ изъ за моря Варягами, и въ подверженіе своей догадки приводили слово Скандинавское *moekir*, какъ корень нашего меча. Впрочемъ, хотя это слово и распространено въ нарѣчіяхъ Германскихъ (срав. Ст. Сакс. mâki, Анг. Сакс. mêce=mêche=mexe, Гото. meki=mekeis=mycha=myha); однако оно встрѣчается и въ другихъ языкахъ: въ Литовскомъ есть *mẽczus*, въ Персидскомъ *mek* (a javelin, spear), въ Испанскомъ *machet* (сабля, кинжалъ), въ Латинскомъ *mucro*, въ Греческомъ μάχαιρα, въ Санскритскомъ *makha* (macellum). Находя одно и тоже слово въ первообразѣ и въ производномъ видѣ во многихъ языкахъ Индоевропейскихъ, не мудрено ожидать его и въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. И дѣйствительно мечи были

у Славянъ издавна. Они были въ обычаѣ у Славянъ Дунайскихъ, нападавшихъ на Византійскую Имперію въ VI—VII вѣкѣ, и Лаврета вождь Славянъ, не желая покориться Аварскому Хану, отвѣчалъ посламъ его: «мы привыкли у другихъ отнимать земли, а своихъ никому не позволимъ отнять, пока будутъ на свѣтѣ война и *мечи*.» Мечами вооружены были Славянскіе оруженосцы Калифовъ Кордуанскихъ (Conde, Hist. de la domination des Arabes en Espagne, I, 382), бывшіе у нихъ въ службѣ съ начала IX вѣка и вывезенные съ востока. Въ Старославянскомъ находимъ *мечь* въ древнемъ переводѣ Евангелія на мѣстѣ Греческаго μάχαιρα (Лук. XXII. 52). Мечь былъ въ употребленіи у древнихъ Чеховъ, Поляковъ, Балтійскихъ Славянъ: такъ напр. въ Чешской пѣснѣ (IX—X вѣка) о судѣ Любуши упоминается *meč* kriwdy karajuci, какъ орудіе суда. Лужицкіе Сербы до сихъ поръ поютъ въ своихъ пѣсняхъ о *мечѣ*, какъ орудіи казни и повторяютъ ту же пословицу, что и мы: «повинную голову *мечь* не сѣчетъ.» У Словаковъ, такъ же какъ у Русскихъ, расказываютъ въ сказкахъ о чудесахъ *меча-кладенца*.

— *Мыто*, такъ хорошо подошло къ Готѳскому mota, древне-Нѣмецкому *muta*, Нов. mauth, и *мытарь* къ Готѳскому *motareis*, что и ихъ трудно было выкинуть изъ числа Германскихъ. И однако эти слова распространены по всему пространству земель, занятыхъ Славянами, и вовсе не съ тѣми только значеніями, которыя бы можно было ожидать отъ нихъ, какъ отъ занятыхъ изъ чужаго языка. Въ однихъ Старославянскихъ рукописяхъ *мыто* встрѣчается какъ синонимъ словъ: имѣніе, пріобрѣтель, жита, мьзда, мышелъ, даръ; въ Сербскомъ и Болгарскомъ оно употребляется въ смыслѣ дара, поклона; въ Хорутанскомъ въ смыслѣ займа; въ Чешскомъ и Словацкомъ въ смыслѣ вознагражденія, процента и въ смыслѣ засѣки лѣсной границы; въ Лужицкомъ—въ смыслѣ вынужденнаго дара, пошлины, и т. д. Въ словѣ *мыто* соединились зна-

ченія и древ. Германскаго *mota*=*muta*, и Греческаго μισθος= Готѳскато mirdo, и Шведскаго muta, и Халдейскаго middah (tributum), и Санскритскаго mitis (limen). Замѣчательно при этомъ, что вездѣ въ этомъ словѣ удержалось *ы* (или *и*, его замѣнившее), и что коегдѣ, напр. въ нарѣчіяхъ Хорутанскомъ, Хорватскомъ, Лужицкомъ, вмѣстѣ съ этимъ словомъ есть и Нѣмецкое muta= mota въ смыслѣ Mauth, Zoll. Замѣчательно также, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, напр. въ Сербскомъ и Чешскомъ, отличаются *мытъ* и *мыто*. Въ Хорутанскомъ *мытарь* — наемный пастухъ; въ Словацкомъ и Чешскомъ *мытникъ*—сторожъ. Въ Литовскомъ есть также слово *muitas*, въ Летскомъ *muita* и *metteklis*; въ Латинскомъ—mutagium=muticulum; и т. д. Нѣтъ почти ни однаго народа Индоевропейскаго, въ которомъ бы не было корня слова *мыто* хоть съ однимъ изъ значеній, съ которыми оно попадается въ Славянскомъ, Напрасно слѣдовательно относить это слово къ числу Германскихъ.

— *Навь, Навье.* «Приведе Янка митрополита Іоанна скопьчину, его же видѣвше людье вси рекоша: се *навье* (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре. (Лавр. Л. 89.) Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутьнъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси: аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ явою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя... тѣмъ и человѣци глаголаху, яко *навье* бьють Полочаны (Л Л. 92). Яко и *навь* изъ гроба исходящи (Іоаннъ Экзархъ 137.)» Въ Готѳскомъ есть *naus* pl. *navcis*—мертвецъ, трупъ, *navis*—мертвый, *navistr*—могила, *ganavistron*—погребать: слѣдовательно, заключено было, наши *навь* и *навье* взяты изъ Германскаго. Но и Германскіе филологи оканчивали до сихъ поръ свои изысканія о *naus* и пр, вопросами и сомнѣніями,—и въ

Летскомъ есть *nahwe* — mors, *nahwigs* — mortiferus, venenosus, *nahvet* — necare, — и т. д. Въ Чешскомъ нынѣшнемъ очень употребительно *unawiti se* — устать; въ древнемъ Чешскомъ *unawiti* значило умертвить (mlatem unawi: Star. Sklad. II. 225), а *nawa* и *naw* смерть: — *jiti do nawy* или *do nawi* — умереть (oba odešli do nawy a pohřebeni jsou: Hajek, 23; potom Krok jide do nawi: Dalimil, 3). И *naw*, *nawa* значило тоже что lod'—ладья, корабль, (сравн. Санскритское nâus, Греческое ναῦς, Латинское navis, Французское nef, Готеское nota, Кельтское nawf,) такъ что jiti do nawy—умирать употреблялось какъ будто въ переносномъ значеніи. Кстати вспомнить Русскій обычай погребенія, описанный Ибнъ-Фодляномъ: обрядъ сожженія мертваго, столь общій и у Славянъ, и на всемъ сѣверѣ, происходилъ въ лодкѣ.

— *Нети*. «Слуды (сълъ) Игоревъ *нети* Игоревъ... Прастѣнъ (сълъ) Акунь *нети* Игоревъ» т. е. Слуды посолъ Игоря, нетія князя Игоря... Прастѣнъ посолъ Акуна, нетія князя Игоря. (Дог. Игоря): первый нетій, Игорь, поставленъ на четвертомъ мѣстѣ, послѣ В. К. Игоря, сына его Святослава и жены его Ольги; второй — на одинадцатомъ, послѣ нетія Игоря, и какихъ то Володислава, Передъславы, Сфандры, Турдуви, Фаста и Сфирька. Въ Никоновской лѣтописи объясненъ смыслъ слова: «Волкъ же служи царю Мусулемаку съ *нетіи* своими, рекше съ сестреничи», по нынѣшнему съ племянниками. Въ Нѣмецкомъ племянникъ—Neffe; слѣдовательно, оставалось вѣрить, что *нети* есть слово, занесенное къ намъ съ Германскаго сѣвера. О томъ, что въ древнемъ Сѣверномъ слову *нети* соотвѣтствуетъ *nefi* со смысломъ frater, ramus familiae и *nift* — съ значеніемъ soror, sponsa, nuper nupta, nympha, не было думано. И между тѣмъ стоило подумать, а вмѣстѣ и о томъ, что нѣмецкимъ *Neffe*, *Nichte*, соотвѣтствуютъ Французскія *neveu*, *niece*, Латинскія *nepos*, *neptis*, Греческія ἀνεψιός, ἀνεψία, Санскритскія *naptar*, *naptri*, Русскія *нева*, *невѣста*,

невѣстка. Не надобно было также забыть, что слово *нетякъ* живетъ до сихъ поръ на всемъ югозападѣ Славянскомъ, у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Хорутанъ, означая племянника. Можно было также замѣтить, что *нети=петерь* (срав. мати=матерь, дочь—дочерь) въ женскомъ родѣ, какъ filiola, записано въ Чешскія глоссы Вацерада (XII вѣка), и т. д. Сообразя все это, не льзя было бы, кажется, не отрѣчься отъ мысли, что *нетіи* зашли къ намъ съ Варягами, если бъ даже и не помогло другое соображеніе, что въ языкѣ, издревле богатомъ названіями разныхъ родственныхъ отношеній, еще не утратившемъ своего древняго богатства, не могло не быть слова для выраженія понятія о племянникѣ.

— *Обелъ = обльлъ*, *обель = обль*, *обельный = объльный*. Слова эти встрѣчаются въ Русской правдѣ: »аже закупъ (наемный слуга) бѣжить отъ господы (отъ хозяйки), то *обель* (=*обелъ*— прилагательное). Продастъ ли господинъ закупа *обель* (нарѣчіе), то наймиту (т. е. закупу) свобода во всѣхъ кунахъ». Для объясненія значенія важно мѣсто объ обельномъ холопствѣ: «Холопство *обелное* трое: (1) Иже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть передъ самимъ холопомъ. (2) А второе холопьство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стопть. (3) А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду, или привяжеть ключь къ себѣ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить.» Не трудно догадаться, что *обелъ=обльлъ*, *обельный холопъ* значитъ полный, безусловный невольникъ. Слово *облый* и до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ круглый и въ Русскомъ и въ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ: по Хорватски слово *obel* значитъ не только круглый, но цѣлый, полный; въ Польскомъ *obel* есть нарѣчіе, означающее тоже что zupełnie, całkiem — вполнѣ, совершенно. Смѣшеніе понятій о круглотѣ и цѣлости, полнотѣ очень естественно: такъ въ Русскомъ говорится и теперь *круглый си*

рота — вмѣсто совершенный, полный сирота, *кругомъ виноватъ* — вмѣсто вполнѣ виноватъ; такъ и въ Нѣмецкомъ *rund heraussagen* — высказать все вполнѣ. Тотъ же корень съ тѣмъ смысломъ повторяется въ древнемъ Фризскомъ: *beil, bele* = нов. Фриз. *bel*.

— *Огнищанинъ* сравнивали съ сѣвернымъ Германскимъ Eigingandin, Eingandin—possessor, тогда какъ уже Карамзинъ замѣтилъ Русское слово, отъ котораго оно произошло: «Имя огнищанъ, сказалъ онъ, произошло въ глубокой древности отъ слова огнище или очагъ, знаменовало гражданъ домовитыхъ, и наконецъ образовалось въ названіе житыхъ людей (II. прим. 67.). Слово *огнище=огниско* обще всѣмъ Славянамъ безъ исключенія: въ Польскомъ и Лужицкомъ оно значитъ между прочимъ домъ, жилище, какъ во Французскомъ foyer, въ Нѣмецкомъ Rauch (срав. *дымъ* вмѣсто домъ, хозяйство: вдаша Поляне Козаромъ отъ *дыма* мечь). Въ Чешскомъ древнемъ было и слово *огнищанинъ* — *ohniščenin*: Вацерадъ, въ своихъ глоссахъ на mater verborum (XII вѣка), объясняетъ его такъ: libertus, cui post servicium accedit libertas. Не то значеніе имѣлъ огнищанинъ въ древней Руси: въ Русской Правдѣ Ярославичей ему дано мѣсто рядомъ съ тѣми, за смерть которыхъ платилась полная вира 80 гривенъ, рядомъ съ княжимъ тивуномъ, старымъ конюшимъ и т. п.; во всякомъ случаѣ это былъ свободный человѣкъ, владѣтель дома, хозяинъ (срав. Чеш. *chasa*, Итал. *casa*, Нѣм. Haus), тоже что Сербскій старый *кутянинъ* (кутя=ст. Слав. куща—домъ) и *доматинъ* (отъ домъ).

— *Оружіе* производилъ Шафарикъ отъ Англо-Саксонскаго arhvus; но неправильность этого производства замѣтилъ даже Нѣмецъ Дифенбахъ, полагая что скорѣе arhvus есть Славянское, занятое Саксонами, чѣмъ напротивъ, и что для этого слова вѣрнѣе всего искать корня въ Славянскомъ ржд = ржд:

рядить, орудовать, сооружать и т. д. См. Vergleich. Wörterbuch der Goth. Sprache. I. 72. Происходя отъ этого корня, оружіе (Поль. oręż) могло прежде означать всякой инструментъ вообще, всякое снадобье въ домашнемъ быту: такъ и *посуда*, выражая это общее понятіе, въ Бѣлорусскомъ употребляется въ смыслѣ ружья.

— *Смердъ = смрьдъ* — нашло себѣ подобное на сѣверѣ въ *smaerd*—homo nauci: *smár* значитъ малый, *smaerri*—меньшій; а *smiör*—жаръ, масло, сало. Въ среднемъ Латинскомъ извѣстны *smirdones*, *smerdones*. Въ Кельтскомъ нарѣчіи Валисскомъ *smirt* и *smilt* — нищій, попрошайка. Во Фріульскомъ *smarda smardina* — лѣнивая, неуклюжая служанка. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всюду извѣстенъ корень *смрьд*: между прочими словами отъ него произошло—въ Польскомъ Кашубскомъ *smird*—бѣдный селянинъ, въ Чешскомъ *smrdoch=smrad'och* — скряга, въ Сербскомъ и Хорватскомъ *смрьдель*—homo inurbanus, rudis.

— *Теремъ*. Подъ 945 годомъ (во время Ольги) читаемъ въ лѣтописи: «бѣ внѣ града (Кіевскаго) дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою *дворъ теремный*, бѣ бо ту *теремъ* каменъ «(Л. л. 23). Подъ 980 (во время Владимира) упоминается о дворѣ теремномъ Святослава: «Владимиръ вошедъ въ *дворъ теремный* отень, о немъ же преже сказахомъ, сѣдѣ ту съ дружиною своею «(Л. л. 33) и пр. Инымъ казалось, что терема занесены къ намъ Варягами, что теремъ тоже что *thurm, turn, torn, tower*. Что корень этихъ словъ одинъ и тотъ же, это допустить еще было возможно: его же встрѣчаемъ и въ Греко-Латинскомъ *turris=tursis*, и въ Романскомъ *torre=tour*, и въ Кельтскомъ *tor=twr*; но изъ этого еще не льзя заключать, что куда бы то ни было занесли его Нѣмцы. Въ Русскомъ отъ Нѣмецкаго *thurm* произошла *тюрьма* а не *теремъ*. Что же касается до слова *теремъ*, то, мнѣ кажется, оно должно быть отнесено къ

числу самыхъ древнихъ принадлежностей языка Русскаго вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями. Въ западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слово теремъ должно звучать *трьмъ=тримъ*, *тремъ=трьмъ*, по общему правилу равенства двухъ Русскихъ *е*, обставляющихъ *р* или *л*, одному западному *ъ=и=е=ѣ*. И въ Сербскомъ нарѣчіи, въ самомъ дѣлѣ, находимъ *треме од сламе* — tuguria paleis tecta, у Сербскихъ писателей *трьмке у три реда високе* — trichora, трехъярусные домики. Кто усумнится въ томъ, что у древнихъ Славянъ были зданія болѣе чѣмъ въ одинъ ярусъ, тотъ можетъ заглянуть въ лѣтопись Саксона Грамматика, современника разрушенія языческихъ храмовъ на островѣ Руянѣ, что нынѣ Рюгенъ, и тамъ найдетъ, что въ городѣ Кореницѣ, пустынномъ во время мира и наполнявшемся во время нападенія враговъ множествомъ народа, строимы были на скорую руку домы въ нѣсколько ярусовъ, такъ что они выглядывали изъ за городскихъ укрѣпленій. Теперь для насъ слово *теремъ* не раздѣльно съ воспоминаніемъ о жизни нашихъ Царей въ Москвѣ Бѣлокаменной; но и теперь простой народъ еще строитъ свои *теремки* надъ клѣтями, никакъ не мечтая о Нѣмецкихъ турмахъ, такъ же какъ не мечталъ о нихъ и Владимиръ Мономахъ, желая поставить надъ мощами Бориса и Глѣба среди церкви «теремъ серебренъ» (Ипат. Лѣт. 6), или Архіепископъ Новгородскій Іоаннъ, поставя *теремецъ* надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно освящали воду (Новг. II-я Лѣт. стр. 135).

— *Якорь*. Слово это считали перенесеннымъ къ намъ Варягами Скандинавскими, потому что въ Германскихъ нарѣчіяхъ есть *akkeri=ancor=oncr=ankar*, и т. п. Но почему же заняли мы его не у Грековъ, которымъ ἄγκορα была не менѣе извѣстна, или не у Римлянъ, у которыхъ также dente tenace *ancora* fundabat naves (Virg. VI. 3), или не у Литовцевъ, которыхъ боги сами себѣ ковали *encuris*?.. Правда, что у Славянъ западныхъ слово *якорь* замѣнено теперь другими, каковы

на пр. котва, мача, мачка, сидра = шидро; впрочемъ не совсѣмъ забыто. Такъ между прочимъ въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ оно произносится съ призвукомъ *л*: *lender*. У Сербовъ *јакра* отдалилась отъ кореннаго смысла, означая лотъ для удержанія глубины; но въ пѣснѣхъ еще повторяется и *јекар*, въ смыслѣ якоря:

Паде магла у приморје равно;
А кад пала, ладју вила спрема,
Ладју спрема и *јекар* извади,
И напина једра од мараме,
Те на море синје одкрепула.

Слово *јекар* употребляется Сербскими и Хорватскими моряками еще въ смыслѣ каната для привязки суденъ на берегу. —

Кромѣ словъ, здѣсь разобранныхъ, въ число занятыхъ отъ Варяговъ Скандинавскихъ ставили еще *городъ* (Срав. Западн. Слав. *градъ*, *гродъ*, Готѳ. *gards*, Греч. χορτος, Лат. *hortus*, Армян. *kert*), *грузъ* (Западн. Слав. *гржз*=*гржз*=*грез*...), *дружина* (будто бы буквальной переводъ Норманскаго слова fellag, и между тѣмъ общее почти всѣмъ Славянамъ въ томъ же смыслѣ), *колоколъ* (отъ корня *клак* = *клык*: срав, Серб. *клецати*, *клекало*— tabula campanae loco, Чеш. *klekani* — звонъ, и пр.). *котьлъ* (общее всѣмъ Славянамъ; срав. Греч. κοτύλη, Лат. catillus), *купецъ* (общее всѣмъ Славянамъ, срав. Греч. κάπηλος, Лат. caupo), *лодья*=*ладья* (общее всѣмъ Славянамъ), *мужь* (Старослав. *мжжь*, Польск *mąż* Хорут. *mož*, Болгар. *мъж* въ тѣхъ же смыслахъ что и по Русски), *стягъ* (въ Западныхъ Слав. наръчіяхъ *стѧгъ*, *стегъ* тоже что и по Русски хоругвь, знамя; *холопъ* (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ *хлапъ* = *хлопъ* и т. п. срав. Лит. *kalps* слуга, *klapas* — парень; а въ древнемъ Сѣверномъ *kalfr* то же что теперешнее Нѣмецкое *kalb* — теленокъ), *цьжь* (общее всѣмъ Славянамъ въ формахъ *цед*=*цид*=*цад* и пр.), *челядь* (общее всѣмъ Славянамъ),

и т. п. Я позволилъ себѣ не останавливаться на нихъ, какъ на не требующихъ объясненій въ защиту ихъ не Германскаго происхожденія. За исключеніемъ всѣхъ этихъ словъ, остается около *десятка* словъ, происхожденія сомнительнаго, или дѣйствительно Германскаго, каковы напр. *тивунъ*, *шильникъ*, *ябетникъ*, и если по нимъ однимъ судить о степени вліянія Скандинавскаго на нашъ языкъ, то не льзя не сознаться, что это вліяніе было очень слабо, почти ничтожно. Да если бы принять въ расчетъ и всѣ слова ставимыя въ число Скандинавскихъ, то и тогда бы не льзя было назвать этого вліянія важнымъ: *полъ сотни* словъ въ языкѣ, гдѣ было ихъ по крайней мѣрѣ десять тысячъ, такая небольшая доля, которая можетъ перейти отъ одного народа къ другому даже и безъ непосредственныхъ ихъ связей, а черезъ постороннихъ сосѣдей...

II.

(стр. 32).

«Особенно поучительны для Русскаго филолога памятники Чешскіе, Хорватскіе и Сербскіе XIII—XIV вѣка, какъ памятники нарѣчій до сихъ поръ живущихъ и уже однако во многомъ измѣнившихся: изъ нихъ ясно видно, что значитъ смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ и постепенное угасаніе первыхъ. Сравните формы этихъ памятниковъ съ формами памятниковъ позднѣйшихъ, — и увидите, какъ наконецъ многія древнія формъ совершенно угасли» и пр.

Представляю здѣсь нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого замѣчанія.

A. Памятники Чешскіе.

I. *Отрывокъ изъ Чешскаго Евангелія* (по Сгорѣльскому списку IX—X вѣка) — *въ подлинникѣ и въ чтеніи, сравнительно съ Старославянскимъ переводомъ* (по Остромировскому списку XI вѣка) *и съ позднѣйшими Чешскими переводами: a) XIII—XIV вѣка* (по Дрезденскому списку) и *b) XVI вѣка* (по Библіи Чешскихъ братій, 1593 года). — *Іоанна XII: 19 — 28.*

— 19. Parisẹi se rehu c zobezim uidite iaco nice ne sprinihom ai mir uez po nem ide.

Парисеи же рѣху к собѣ-симъ: видите, іако ничє не прочинихомъ, аи миръ весь по ніемъ иде.	Фарисеи рекошѧ къ себѣ: видите, іако никаіа же польза іесть, се вьсьмиръ по ніемъ иде.

a) Tehdy duchownyci mluwiechu sami k sobie: widyte ze nycze ne prospiegem, tot sie gest wesskeri swiet po nem obratil.

b) Tedy Farýzeowé prawili mezy sebau: widite, że nic ne prospjwáte: ay wšecken swět postaupil po něm.

— 20. Behu bo pogane neteri iz nih ise ustupihu abihu ze poclonili u den zlavē.

Бѣху бо погане нѣтери изъ нихъ, иже вступихху, абыхху сіе поклонили въ день славенъ.	Бѧахж же елини нѣцыи отъ въшьдъшихъ, да поклонѧться въ праздьникъ.

a) Y biechu tu nyekterzy pohansscz z tyech gessto biechu przissli na den slawni poklonu.

b) Byli pak některj R'ekowé z těch, kteřjž přichnazývali, aby se modlili w swátek.

— 21. Zi se pristupihu c pilippu ien se be ot bethsaini Galiled i prozihu iei recuce pē hcemi ihs uideti.

Си же приступи*ху* къ Пилиппу, *іенъ* же *бѣ* отъ Беѳсаиды Галилее, и проси*ху* іей рекуце: пане, хцем*ы* Іесусъ видѣти.	Си же пристѫпишѧ къ Филиппу, иже бѣ отъ Видъсаиды Галилеискыѩ, и молıахѫ и глаголıѫще: Господи, хощемъ Иıса видѣти.

a) Protož ty przistupichu k Philipowi *genz* biesse z Bethzaydy Galileyske, y prosiechu geho rzkuce: Pane rady bychom Gyezyssie widyeli.

b) Ti také přistaupili k Filipowi, kterýz byl od Betsaidy Galilegské, a prosili ho řkauce: Pane, chtěli bychom Gežjše widěti.

— 22. Jde Pilipp i rece Andreiu. Andrei paki i Pilipp recosta Jhu.

Иде Пилиппъ и ре*че* Андрею, Андрей *пакы и* Пилиппъ реко*ста* Іесусу.	Приде Филипъ и глагола Аньдреови, и пакы Аньдреıа и Филипъ глаголаста Иісови.

a) Przissed Philip powiedye Ondrzeegewi. Pak Ondrzyey y Philip powiedy*essta* Gezyssowi.

b) Přišel Filip a powěděl Ondřegowi, Ondřeg pak a Filip powěděli Gežjšowi.

23. Ihs otuece ima reca pride godina at ozlaui zę zin chlouech.

Іесусъ отвѣц*е* им*а* *река*: *приде* година ать ослави сıе сынъ чловѣ*чь*.	Иісъ же отвѣща има глаголѧ: приде година да прославитьсѧ сынъ чловѣчьскыи.

a) Tehdi Gezyss otpowiedyc gym rzka: przissla gest hodyna aby byl ozraczen syn czlowieczy.

b) A Gežjš odpowědel gim řka: Přišlať gest hodina, aby oslawen byl syn člowěka.

— 24. Ueru ueru prauu uam ach zreno sitno padse u zemu umorelo bude ze zamo ostanet ach li umrelo bude uele ploda prineze.

Вѣру, вѣру, правю вамъ, ачь зрьно житно падше въ землю умрьло (не) буде, се само останеть; ачь ли умрьло буде, веле плода принесе.

Аминъ, аминъ, глаголиж вамъ, аще зьрьно пьшеничьно падъ въ земли не оумьреть, то единно пребываеть; аще ли оумьреть мъногъ плодъ сътворить.

a) Wiernye, wiernye, prawi wam, gedyne acz zrno obilne padna w zemi ne umrze samo gedyne ostane, a pakli umrze mnohy uzytek przinese.

b) Amen, amen, prawjm wam, zrno pšenicné padna w zemi ne umře li, ono ť samo zustane; a pak li ť umře, mnohy užitek přinese.

— 25. Cto lubi dusu zuoiu preda iu i cto ne nauidi dusę zuoie u zemzuete u siuot uecen strese iu.

Кто люби душу свою, предаю, и кто ненавиди душе своіе въ семъ свѣтѣ, въ животъ вѣченъ стрѣже ю.

Любѧи доушж своіж погоубить іж, и ненавидѧи доушѧ своіеіѧ въ мирѣ семь, въ животѣ вѣчьнѣемъ съхранить ю.

a) Kto swu dussi miluge, ztraty gi, a kto nenawidy swe dussie na tomto swietye, na wieczni zywot ostrzyeha gye.

b) Kdo ż miluge duši swau, ztrati ť gi; a kdoż nenáwidi dušé na tomto swětě, k żiwotu wěćnému ostřjha gi.

— 26. Ach cto mne zlusi mene zledui i idese iezū iaz tut i zluga moi bude, ach cto mne pozlusi pocesti iei otec moi.

Ачь кто мнѣ служи, мене слѣдуй, и идежеіесъмъіазъ, туть и слуга мой буде; ачь кто мнѣ послужи, почьсти іей отецъ мой.

Аще къто мънѣ слоужить, по мънѣ да ходить, и иде же азъ іесмь, тѫ и слоуга мои бѫдеть; аще къто мънѣ слоужить, почьтеть и отьць.

a) Ktoż mnye posluchuge nasleduy mne, a kde gsem ya tudyez bude y moy sluha, ktoż mnye posluhuge uczty gey moy otecz.

b) Slaużi li mi kdo, následug ż mne, a kdeż gsem gá, tut' y mug służebnik bude, a budeli mi kdo slaużiti, poctjt' ho otec mug.

— 27. Nine dusa moia zmucena iesti i ce recu: otce zpazi mę iz tei godini a proto prideh u tu godinu.

Нынѣ душа моіа смуцена іести, и че реку: Отче, спаси ми изъ тей годины? А прото придехъ въ ту годину.

Нынѣ доуша моіа възмѫтисѧ и чьто реку: Отьче спаси мѧ отъ годины сеіѧ? Нъ сего ради придохъ на годинѫ сиіѫ.

a) Gyz ma dusse zarmutila sie gest a czso rzku: otcze spas mie z teto hodyni, a proto gsem przissel w tuto hodynu.

b) Nynj duše má zkormaucena gest, a coż djm: Otče, wyswobod' mne z této hodiny? Ale proto sem prišel k hodině této.

— 28. Otce, ozlaui zuoie ime pride se glaz z nebe i ozlauih i opeti ozlauu.

Отче, ослави своіе имıе. Приде же гласъ съ небе: и ославихъ и опıети ославю.	Отьче, прослави имѧ твоіе. Приде же гласъ съ небесе: и прославихъ, и пакы прославлю.

a) Otcze ozracz swe gmie. Tehdi przygyde hlas z nebie: u ozraczil gsem y gesscze ozraczi.

b) Otče, oslawiż gméno swé. Tedy prišel hlas s nebe, řkaucy: y oslawil sem, y ješte oslawjm.

II. *Чешская пѣсня «O pobiti Sasikow»* (изъ Краледворской рукописи XIV вѣка), *сравнительно съ новымъ переводомъ В. В. Ганки.*

— Aj ty slunce, aj slunečko! ty lisi źalostiwo!
Ćemu ty swětis na *ny*, na bědne l*ju*di?

Aj ty slunce, aj slunečko, ty li jsi žalostiwo!
Ćemu ty switiš na nas na bidné lidi.

—Kdě jest kněz, kdě ljud naš branny? K Otě daleko zajel.
K*to ny* wrahom wytře, *sira* wlastice!

Kde jest kníže, kde lid naš branny? k Otě daleko zajel.
Kdo tě nam od wrahuw wytrhne, osiřela wlast.

— Dl*u*hym tahem Němci tah*u*, a *su* Němci Sasici,
O*t* Zhořelskych dřewnych hor w naše krajiny.

Dlauhym tahem Němci tahnou a jsou Němci Sasici,
Ot Zhořelskych dřewnych hor w naše krajiny.

— Dajte, nebožatka, dajte střebro, zlato, zbožice,
Pa*ky* wam *wyżehaju* dwory, *chyżice*.

Dejte nebožatka dejte, stříbro, zlato, zbožice,
A pak wám wypaleji dwory, chalupy.

— A wšecko nam *wyžehachu*, stříbro, zlato pobr*achu*,
Howědce otehn*achu*; dale k Troskam *idu*.

A wšecko nám wypálili, stříbro, zlato pobrali,
Howada odehnali; dale k Troskám šli.

—Ne tužte, kmetě ne tužte! *już* wam trawička wstawa,
Tako dl*u*ho stupana c*u*zim kopytem.

Ne tužte, kmeti, ne tužte, již wám trawička wstawá,
Tak dlouho stupaná cizim kopytem.

— Wijte wěnce z polskych kwet*ow* swemu wyprostitel*ju*!
Osenje sje zelena, proměn*je sje* w*sje*.

Wijte wěnce z polnich kwetuw swému wyprostiteli.
Oseni se zelená; promeni se wšecko.

— *Ruce* sje (wsje) proměnišе. *Ajta* Beneš Hermanow
Tamo *ljud* w hromadu zwe proti*w* Sasikom.

Rychle se wšecko proměnilo. Ai tu Beneš Hermanuw
Tamo lid w hromadu zwe proti Sasikum.

— Shlučech*u sje kmetsti ljude* w lěse pod hrub*u* skal*u*.
Wsjak za *oružje* imě cep proti*wo* wrahom.

Shlukli se tu sedlšti lide w lese pod Hrubou skalou.
Každy za zbraní jal cep proti wrahum.

— Beneš, Beneš w předu jede. Za njem wes *lud* dražliwy
Pomstu, pomstu wola w*sje*m Sas*o*m plen*ju*cim.

Beneš, Beneš, w předu jede. Za nim wes lid dražliwý,
Pomstu, pomstu wola wšem Sasum plenicim.

— A*jta* hnewi uchwati*chu* krutost*ju* obě straně,
Wzbu*řichu sje* w utrobach rozezlenych muž.

Ajtu hněwy uchwátili krutosti obě strany,
Wzbouřili se w wnitřnostech rozezlených mužu(w).

— Rozohnichu zraky jeju protiw sobě strašiwo.
Wstanu kyji nad kyje, kopje nad kopje.

Rozohnili oči jejch proti sobě strašliwě.
Wstanou kyje nad kyje, kopí nad kopí.

— Srazistě tu obě straně, jakż by lěs w lěs sje walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk mečew.

Srazili tu obě strany, jakż by les se walil.
Jak blesk hromu po nebi, tako blesk meču(w).

— Wzezwuče skřek hrozonosny. Poplaši wes zwěř lěsky,
Wsě nebeska letadla aż po třeti wrch.

Zezwučel křik hrozonosny. Poplašil wši zwěř lesni,
Všecko nebeské ptactwo aż po třetí wrch.

— Rozleha sje po uwalech ot Skalnatych hor —
Tu raz kyjew tu mečew, jak kot wetchych dřew.

Rozleha se po udolích ad Skalnatých hor —
Tu raz kyju(w), tu meču(w), jak kot starých dřew.

— Tako stasta obě straně protiw sobě bez hnutja
Na zasazenu patu, na pewnu litku.

Takto staly obě strany proti sobě bez hnutí
Na zasazených patách, na pewnych lejtkach.

— Obrati sje Beneš wzhoru, kynu mečem na prawo,
tamo sje sila hrnu,
Kynu na lěwo, i w lěwo buři še sila.

Obratil se Beneš wzhuru, kynul mečem na prawo, tam se
síla hrnula.
Kynul na lewo, i w lewo bouřila síla.

— O*t* zad na skalnaly lom,
Jz loma wsě kamen*je* na Němce wrh*u*.

Odzad na skalnaty lom.
A z lomu wše kamení na Němci wrhou.

Jde potka s chluma w rown*ju*, i *by* Němc*em* upjěti,
Bylo Němcem prn*u*ti — i pobit*je* jim.

Jde potka s chlumu w rowni, i bylo Němcum upěti,
Bylo Němcum prchnouti — i pobiti jim.

Б. Памятники Хорутанскіе и Хорватскіе.

— *Отрывокъ изъ Хорутанскаго Евангелія* (по Люблянскому глаголическому списку XIV вѣка) и *Хорватскаго* (по Задрскому списку XIV вѣка) *сравнительно съ двумя переводами Трубера*: a) *Хорватскимъ* Кирилловскимъ (Тюбинген. печати 1553 г.) и b) *Хорутанскимъ* (Тюбинген. печати 1557 г.) *и съ двумя новыми:* 1) *Хорутанскимъ Япеля* и *Кумердея* и 2) *Хорватскимъ Миклошича*: Луки, XXIV: 13—35.

— 13. Два ихъ вь оны *дьнь* грѣьста въ каштель, *ки* бѣ шестдесеть стадій *вздалѣ* отъ 'Ерусалима, *ему же* име Емаусь.

— Д'ва ученика исоусова бѣста идоуща в'*дьнь ть* в'вьсь отстоечу стадии 60 *вздаль* от Еросолима, *еи же* име Емаоусь.

a) Да ѡдь н'ихь гредн*хота* ѡнь исті дан' в каштель, ки б*иште* далеко стадии шестдесеть ѡ іер8солима, именомъ Емма8сь.

b) Dua is-sh nich gresta na ta isti dan u en cashtel, kir se imenuie Emaus, kateri je bil od Jerusalema shestdeset moshkih wshtrizhtekou delezh.

— 1) Dva is njih sta ravnu ta isti dan shla v'en tèrg s'imęnam Emaus, kateri je bil shęstdeset tekovnih ogradov od Jerusalema delezh.

— 2) Dva zmed vuchenikov Jesusseveh issli szu ov iszti den vu kastel, koi na ssesztdeszet techajev dalko bil je od Jerusalema, imenom Emaus.

— 14 Ино она говорѣста медь себѣ о вьсемъ, карь се ıе съгодило.

— И она глаголахота мею собоѣ о вьсемь, ча се ıе припетило.

a) И ѡна говорахота меѭ собомъ ота всихъ ка се бѣхоу згодила.

b) Jnu sta ymei sebo pergouedala od vseh tich rizhi, kir so se bile sgudile.

— Jnu ona sta med sabo govorila od vsiga tęga, kar se je bilú sgodilu.

— 2) Y oni pripovedali szu jeden drugomu od oneh vszeh, koja szu sze pripetila bila.

— 15. И би, да кадарь она се себѣ говорѣста, ино се прѣпираста, самъ Исъ приближѣсе шь нима грѣде.

— И бисть, съговараючема се има мею собоѣ, самъ Исъ приближѣсе има иде ш нима.

a) И згодисе зговáрающисе тере мею собомъ ищ8hi, да самь JC8c приближавшисе гредıше ш'нима заедино.

b) Jnu pergudilu se ie, kadar sta taku marunouala, inu eden drusiga isuprashouala, Jesus se tudi k nima perblisha, inu gre sh nima.

— 1) Jnu pèrgodilu se je, kadar sta se pogovarjala, inu isproshovala, se je tudi Jęsus k'njima pèrblishal, inu je s'njima shàl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi sze spomenykuvali, ter med szobum szpitavali, y szam Jesus priblisavajuchi issel je z s-nyimi.

— 16. Очи ст*а* іею по́слѣпи да га не спозн*аста*.

— Очи же іею дрьж*аста* се, да 'го не позна*ста*.

a) И очи н'ихъ д'ржани *бѣхоу*, да га не позна*та*.

b) Ampag nyu ozhi so bile dershane, de ga ne sta sposnala.

— 1) Niju ozhy pak so bilę sadèrshane, de go nista sposnala.

— 2) A ochi nyihove zdersane szu bile, dabi ga ne poznali.

17. И ре*че* има: киіе суть бесѣде ва*ю*, че имата *медь* себѣ грѣдѣчи, ино ста жалостна?

И рь*че* им*а*: чь соу*ть* бесѣде си, ими же стезаіе*та* се мею собо*вь* и іест*а* дрѣсьл*а*?

a) И ре*че* к н'имь: что с8 ові зговорі, ке мею собомь складат*а* ходещи, и іеста жалостна?

b) Jnu on prau*i* k nima, kakoui so le ty *vayu* sguuory, katere vmei sebo gredozh skladata, inu sta shalostna?

— 1) Jnu on je rękàl k'njima: kakùshni so ti pogôvori, katęre imata med sabo na pôti, inu sta shalostna?

— 2) Y reche nyim: kakove szu to rechi, koje med vami imate, hodechi, ter szte shalosztni?

— 18. Отговоривъ іедънъ, ки се зовеше Клеопа, ре*че* іему: Іесили ты ту*дыець* въ 'Ерусалими, имъ не *чу*, че се іе въ ніемъ те дни гсодило?

— И отьвѣчь іедьнъ, іемоуже име Кліопа, рьче іему: ти ли пришльць іеси вь Ерусалими и не чулъ іеси о *бившемь* в немь в сиіе дьни?

a) И ѡдговорившї іедань ки се зовише именомь Клеофась, рече ніем8: ти самь іеси прищ'лць вь іер8солимь, и ниси познал ѡна, ка 8чиніена іес8 ѡндѣ ва овихь днехь?

b) Jnu ta eden odgovori, katerimu je bilu ime Cleofas, inu praui k nemu: Ti si sam vmei teimi ptuimi u tim Jerusalemi, kir ne isi ueidel, kakoue rizhi so se u tih dneh u nim sturile?

1) Edèn pak, katęrimu je bilú imę Kleophas, je odgovòril, inu djal njemu: si ti sam en ptuj v' Jerusalimi, inu ni si slishal, kaj se je tę dny notri sgódilu?

— 2) Y odgovorivssi jeden, komu ime je ¦bilo Kleofas, rekel je nyemu: Ti szi szam prihodnik vu Jerusalemu, y ne szi zvedel, koja szu vu nyem vchinyena ove dneve?

— 19. Рече има: че? И рѣста іему: О Исусѣ Назарѣнинѣ, *иже би* прѣрокъ *сильнъ* дѣломь и *словомь* прѣдь богомь и прѣдь всѣмь людьствомь.

— Рьче има: чьто? Она же рѣста, ѣже о Исусѣ Назарѣнинѣ, *иже бисть* моужь пророкь, сильнь дѣломь и словомъ пред богомь и пред' чки.

a) Кимь ѡнь рече: каіа? и рекоше ніему: ѡдь Іс8са Назаранина, ки бише м8щь пророкь, мог8щь дѣломь и ричью прѣдь богомь и предь всимь пл'комь.

b) Jnu on praui nima: kakoue? Jnu ona nemu prauila: Od Jesusa Nazarenskiga, kateri ie bil en mosh prerok, mogozh s teim dianem inu s to bessedo, pred Bogem inu pred usemi ludmi.

— 1) On je rękàl k'njima: kaj? Jnu ona sta djala: od Jęsusa Nazarenskiga, katęri je bil en prerok, mogozhèn v'djanju inu v'bessędi pred Bogam inu vsim ludstvam.

— 2) Kojem je on rekel: koja? Y rekli szu: od Jesussa Nazarenszkoga, koj je bil chlovek prorok zmosen vu chineh y recheh pred Bogom y vszem lyudztvom.

— 20. Како га прѣдаше архиіереи и *владици* наши на осадыеньи на сьмрьть и пропеше га.

— Како и прѣдаше архиіереи и кнези наши на осујеные сьмрьти и пропете и.

a) И како га предаше архиіереи и владавци наши на осȣіеные см'рти, и пропеше го.

b) Jnu koku so nega ty nashy visshi fari inu regenti isdali u tu ferdamnene te smerti inu so ga krysshali.

— 1) Jnu kakú njega vishi farji inu nashi oblastníki v' obsojenje k' smèrti isdali, inu so jega krishali.

— 2) Y ka szu nyega prodali veliki popi y poglavuiki nassi na szkvarjenye szmerti, y raszpeli szu nyega.

— 21. Мы же упьва*хомь*, *ѣко* онъ іе*сть*, ки избави Израилѣ. Нь за вьсемь семь трети вечь *дьнь* іе *дьньсь*, карь се іе то съгодило.

— Ми *же* надѣ*ѣхомь* се, *ѣко* ть іе*сть* хотеи *избавити* Израилѣ. *Нъ* нинѣ надь вьсѣмь третин юрь дьнь іесть чь се іе било.

a) А ми се надиі*ахомо*, да іе ѡнь ки имиі*аше* ѡдкоупити Изъраела. А сада св'рхȣ всихъ ѡвихь треті дань іе данась, да сȣ ѡ*ва* ȣчиніе*на*.

b) Mi smo pag se sauupali, de ie on ta, kir bi imel ta Jsrael odreshiti. Jnu zhes letu use ie, danas ta trety dan, kar so le te rizhi sturiene.

— 1) My pak smo vupanje imęli, de bú on Israel odręshil: ali zhes vse tô je vshę danàs ta trętji den, ker se jetó sgodilu.

— 2) A mi szmo sze vufali, da bi on imel bil oszloboditi Jzraela. Y vezda obèrh vszh oveeh treti je den denesz, da szu ova vchinyena.

— 22. И жене *ніетере* нась вьсплашише ни, бив*ше утрь* рано при гробу.

— Ну и жене *іетериіе* ужасише ни, бивьше рано оу гроба-

a) Да и нике жене ѡдь пашихь омамиле сȣ нась, ке су биле вь ютро рано при гробȣ.

b) Nas so tudi nekatere shene od tih nashih omamyle, katere so danas usgudobile per tim grobu.

— 1) So nass pak tudi ene shenę is nashih vstrashile, katęre so pèr grôbi pred dnęvam bilę.

— 2) Da pache y nekoje sene zmed nassich jeszu nasz presztrassile, koje szu pred szvetom bile pri grobu.

— 23. И не нашь*дше* тѣлесе ніеговьга, придо*ше* говорѣ*ще*, *ѣко* и видѣные аньель видѣ*ше*, ки говоре да живь іесть.

— И не обрѣт*ьше* тѣлесе ніеговьго придȣ говоре*ще*, *ѣко* и видѣные аньіель видѣ*ше*, *иже* и говоре*ть*, да живь іес*ть*.

a) И не нашад*ши* тѣло ніегово, придо*ше* говоре*щи*, да сȣ и ангелско виденые виде*лѣ*, ки говоре да іе ѡн живь.

b) Jnu ne sso neshle nega tele*ssa*, te pride*io* inu prau*io*, de so one tudi enu videne tih angelou vidile, kateri so diali, de ie on shiu.

— 1) Jnu kęr ni so njegóvu telú neshle, so prishlê inu rekle, de so tudi eno pèrkasèn tih angelov vidile, katęri pravio, de on shiwy.

— 2) Y ne nayduche tela nyegovoga dossle szu govoreche, da szu y angyelszko vidyenye videle, koi szu ga povedali da sive.

— 24. Идоше ѥтери нась при гробу и наидоше тако, *ꙗко* и жене рѣше, *ѥго* пакь не видѣше.

— Идоше *же ѥтерии* нась кь гробоу, и обрѣту тако *ꙗко* и жене рѣше, *ѥго же* не видѣше.

a) И поидоше ники ѡдь нашихь ки с нами бѣхѫ ка гробѫ, тако ѥсѫ и ѡни нашли, како жене *бѣхѫ* рекле, дали ниега ни сѫ видели.

b) inu nekateri kir so s nami bili, ty so bili shli kiakai h timu grobu, inu so neshli, koker so te shene prauile, ampag nega ne so vidili.

— 1) Jnu eni od nashih so h' grobu shli, inu so rawnu takò neshli, kakor so shene pravile, njega pak niso neshli.

— 2) Y odissli szu nekoi zmed nasseh do groba, y onak szu nassli kak szu sene povedale, a nyega ne szu nassli.

— 25. И ть рече има: О луда кьсьносрьчне вѣрѫѥче вь вьсе, че говоре прѣроци.

— И ть рьче к нима: О неспаметна и срцемь лѣна за вѣровати вь вьсе, чь глаголеть пророци.

a) А ѡнь рече к н'имь: О ви безѫмни и лена с'рдца на вѣрованые ва всихь, ка сѫ пророци говорили.

b) Tedai on k nima rezhe: O ui neumni inu kasniga serza k uerouanu usimu timu, kar so ty preroki gouurili.

— 1) Jnu on je djal knjima: O vy nespametni, inu kàsniga serzá k' verùvanju v vsem tem, kar so preroki govorili.

— 2) On pak rekel je nyim: o norczi y kesznoga szerdcza na veruvanye vu vszeh oneh, koja szu govorili proroki.

— 26. Не ли бьло *подобьно*, да утрьпи Хсъ, и да тако *вьзниде* вь слава своıа?

— Не тако ли подоба*ше*, да пострадье Хсъ, нъ да тако въниде вь славоу свою?

a) Не бише ли потребно, да Кристоусь ѡва трпи, тере в своıе кралıевство вниде?

b) Nei li moral Christus terpeti lete rizhi, inu puiti noter u tu suie gospostuu?

— 1) Ali ny bily potrębnu, de je Christus to tèrp.l, inu taku v' svojo zhast shal?

— 2) Ne li bilo potrebno oya terpeti Kristussu. ter onak yleszti yu diku szyoju?

— 28. И придоше вь каштель, каморе *идѣѣста*, а ть се чинѣ*ше*, да далеко иде,

— И прид*оше* вь *вь*сь, вь нюже идѣ*хота* и ть творѣ*ше*, да даль иде.

a) И приближа*ше*се х каштел8, х кому гред*иху*. А ѡн се чинıа*ше* далıе поити.

b) Jnu oni se perblisha*io* h timu cashtelu, kamer so shli, inu on se ie zhinil de hozhe dale poiti.

— 1) Jnu so se pèrblishali k'tèrgu, kamer so shli. Jnu on je dèrshal, kakór de bi hotel dálej jiti.

— 2) Y prihadyali szu blizu k kastelu, kam szu issli, á on sze je ychinil dalye iti.

— 29. И просили ст*а* га говоречи: Остани сь нам*и* *яко* при вечери *ти* ıесть, ино *дьнь* се вечь *н*изиде. И вьни*де* Хсъ да шь нима оста*де*.

— И ноудјахота и говоречи: *Взлези* сь нама, *ѣко* при вечери іесть, и прѣклониль се *іесть* дьнь. И вьниде Хсъ да сь нима *взлежи*.

a) И присилише га говорещи: пребиваи с нами, іере се вечерь чини, и начн8тъ іесть дань. И ѡнь вниде да ш н'има б8де.

b) Jnu ona sta nega permorala, inu djala: ostani per nama, sakai ushe na uezher gre, inu ta dan se ie naklunil. Jnu on gre noter de bi ostal per nima.

— 1) Jnu ona sta njega pèrmorala, rekozh: Ostani s'nama, kęr se mrazhy, inu se je vshę dan nanil. Jnu on je s'njima notèr shàl.

— 2) Y primorali szu ga govorechi: osztani z nami, ar vecher nasztaje, y den sze je vre nagnul. Y issel je nuter s-nyimi.

— 30. И *би*, кьда шь нима сѣдѣ, въземь хлѣбь, благослови, и прѣломивь даѣше нима.

— И *бисть*, іегда взлеже сь нима, вьземь хлѣбь, благослови и прѣломивь даѣше има.

a) И пригоди се, да за столомь ш н'има сидещі, вазе кр8хь, и благослови га, разломі, и даваше н'има.

b) Juu pergudilu se ie, kadar ie on per misi sh nima sidel, vsame ta kruh, inu sahuali, potle ga reslomi, inu ga nima poda.

— 1) Jnu pergodilu se je, kadar je on s' njima per mysi bil, je kruh vsęl inu ga je posvętil, inu slomil, inu njima dâl.

— 2) Y vchinyeno je, gda bi szedel s nyimi, vzel je kruha y blagoszlavil, y prelomil ga.

— 31. И се отврьзета се очи іею, и познаста шего, ть же иштезе съ очию іею.

— И отврьзета се очи има, и познаста и, ть же ищезе оть очию іею.

a) И отворише се очи н'ихь, тере познаше шего в разломлiенью круха, и ѡнь ищезнȣ оть очию н'ихъ.

b) Jnu nyu ozhi so bile odperte, inu ga sposnata, inu on pogine prozh od nyu.

— 1) Takrat so se niju ozhy odpérle, inu ona sta njega sposnala, inu on je ispred niju ozhy sginil.

— 2) Y odperle szu ochi nyihove, y poznali szu nyega; à nyega je ne sztalo zpred ochih nyihovih.

— 32 Инъ рѣста медь себѣ: Не ли бише нама срьдца гореча вь наю, кьда говорѣше кь нама на поту и кьда ськазоваше намь письма?

— И рѣста медь собовь: срьце наю не взгараше ли се вь наю, іегда глаголаше кь нама на поути, и іегда сказаше намь письма?

a) И рекоше мею собомь: не згараше ли с'рдце наше в наю, кад нам' говораше на пȣтȣ, и писма намъ отвараше?

b) Jnu ona prauita umei sebo: Nei li nashe serze notri u nayu gorelu, kadar ie on s nama na tim potu gouuril, inu ie nama tu pismu odpiral?

— 1) Tedaj sta rekla med sabo: Ali ny bilú naju sèrzę gorezhe v' nama, kadar je na pôti govôril, inu nama pisma ràskladal?

— 2) Y rekli szu jeden drugomu: ne li goruche bilo szerdcze nasse vu nasz, gda je govoril na putu, ter nam je piszma odpiral?

— 33. И вь ть чась вьставьша, вьзвратистасе вь 'Ерусалимь, и обрѣста іедьнадесьть вькупѣ сьбрани, инь бивьши сь ними.

— И *въ* тъ часъ въставьше вьзвратиста се вь Ероусолимь и обрѣста сьвкоупльшесе 11 и иже *бьхоу* сь ними.

a) И вставши се ва онои 8рѣ, вратиста се вь Іерусолимь, и наидоста ск8пленихь iедандѣсте, и ѡнихь ки ш н'ими бѣх8.

b) Jnu ona ustan*eta* gori to isto uro, inu se pouer*neta* spet u tu Jerusalem, inu nai*deta* te ainaist u kupe sbrane, inu te kir so sh nimi bili.

— 1) Jnu sta ob tę jisti uri ostala, inu v' Jerusalem nasaj shla, ina sta neshla tę enaist inu tę, kateri so s'njimi bily, vkup sbrane.

— 2) Y gori sztavssi onu isztu vuru povernuli szu sze vu Jerusalem, y nassli szu jedenaizt szkupa szpavlyeneh, y one kosi szu s nyimi bili.

— 34. Говорече: рѣсьно вьскресе Хсъ, и *пьви* се Симону.

— Глаголюще: вь истиноу вьскрьсе Господь, и *пьви* се Симоуноу.

a) Говорещи: в истин8 вск'рсн8ль iесть Господинь, и приказал се iесть Симоуноу.

b) Kateri so diali: ta Gospud ie risnizhnu gori ustal, inu se ie timu Simonu prikasal.

1) Kateri so rekli: Gospod je resnizhnu vstal, inu je 'Simonu pèrkasal.

— 2) Govoreche, da je gori sztal Goszpon do isztine, y szkazal sze je Simunu.

— 35. Та *ти повьдаста, че би* на поту, и како познаста га вь прѣломленьи *хльба*.

— Та *те* повѣдашета, *пже бьше* на поути, и како позната *и* вь прѣломленьи *хльба*.

a) А ѡна правла*хота*, ка бѣ*хоу* 8чинiена на п8т8, и како га позна*ста* в разломлени кр8ха.

b) Jnu ona sta tudi nim prauila, kai se ie bihu sgudilu na tim potu, inu koku ie bil od nih sposnan is tiga kruha lomlenia.

— 1) Jnu ona sta pravila, kaj se je bilú na pôti sgodilu, kakú sta njega v' lomlenji kruha sposnala.

— 2) Y oni povedali szu, koja bila szu vchinyena na putu, y kak szu nyega poznali vu lamanyu kruha.

В. Памятники Сербскiе.

I. *Грамота Бана Босенскаго Кулина 1189 года*, (по подлинку, напечатанному въ книгѣ: Сербски споменици) съ *Латинскимъ переводомъ, приложеннымъ къ подлиннику*).

У име ѡца и сна и ст*аго* дха, ѣ бань Босьньски Кулинь. присеза*ю* тебѣ, кнеже крьваш8, и *вьсѣмь* граh*амь* Д8бровьч*амь* правы приѣтель быти вамь ѡдьселѣ и до вѣка, и правь *гои* дрьжати сь вам*и* и праву вѣру, докола сьмь живь. *Вьси* Д8бровьчане (да ходе) и преходе по моем8 владанию, трьг8юке, гьдѣ си кто хоке крѣвати годѣ си кто мине, право*вь* вѣро*вь* и правымь срьдьцомь дрьжати е безь *вса*кое *зледи*, развѣ що ми кто да *всевь* воло*вь* поклонь. И да имь не б8де ѡдь моихь *чьстниковь* силе. И доколѣ 8 мне б8д8. дати имь сьвѣть и помокь, какоре и себѣ, коликоре мо*ге*, безь вьсега зьлога примысла. Тако ми, Бже, помагаи и сие сто еваньгелие. Ѣ Радое диѣкъ бань писахь сию книг8 повел*овь* бан*овь*, ѡдь рожьства хва тис8ка и сьто и ѡсмь десеть и деветь *лѣть*, мѣсеца

авьгȣста ȣ дьвадесети и девети днь, усѣчение главе Иωвана крьстителя.

(Jn nomine patris et filij et spiritus sancti amen. Ego banus Culinus Bosnae juro Comiti Gervacio et omnibus Raguseis rectus amicus fore perpetuo et rectam vobiscum pacem manutenere et amicitiam veram. Et omnes Raguseos terram nostram ambulantes, mercantes, seu habitantes, vel transeuntes recta fide et conscientia vera recipere absque ulla datione, nisi quis suam per voluntatem mi donum dare voluerit. Et apud nos dum fueritis manutenere et consilium eis praebere, ut nostrae personae adñr' posse absque fraude et malo ingenio. Sic me Deus adiuvet et haec sancta evangelia.)

II. *Договоръ 1253 года общины Дубровницкой съ Царемъ Болгарскимъ Михаиломъ Асѣнемъ* (по подлиннику напечатанному въ Сербскихъ Споменицахъ).

Вь име Га Ба нашего Ис Ха. Аминь. Лѣта *вь*пльщинѣ Га нашего Ис. Ха тисȣ*ща* с н г, мца июнѣ, на днь стого Вита ен. аі. Сего бω ради да бȣдеть чистое приѣтельство и свьрьшение чистою любьве, еже било исьпрьва *междȣ* сто и прѣславьнога царства *вь*се земле Бльгарьске и Грьчьке Пωваномь Осѣномь и *междȣ* ωпькиномь славьнога града нашега Дюбровьника. Ѣко сȣ жили *вь* правьдȣ и любь*вь* и *вь* истинȣ, да повеке расте*ть* и плодь исьнесе*ть*. Исьдавьна *жльдающе* тебе стомȣ и вѣрномȣ вь Ха Ба царȣ самдрьжавьцȣ *вьсеи* земле Бльгарьске гднȣ Михаилȣ Асѣню, роженомȣ ωдь благовѣрнихь и стѣ*ихь* цари, азь Марьсили Геωрьги, повеленьемъ славьнога дȣжа Бенетьчкога кнезь града Дюбровьника, и *вьсе* сȣдие и векьници, опькин*а вьса* прѣславьнога града нашега Дюбровьника мали и велици, вѣрни приѣтеле стого ти царства исьдавьна врѣмене, любовь царства ти имѣти *жльдающе* вь Ба

и вь стое еваньглие Бжье и вь свѣтȣю девȣю Марию мати іего и вь честни животворещи крьсть, и вь стȣю аплу Петра и Павьла, и блаженȣю четири еваньгелисте-Марька, Матеѣ, Лȣкȣ, Иωвана, и вь стȣю мȣченике гдне-Власиѣ, Ловрѣньтьѣ, Петра и Аньдрию, нашихь свѣтитель, и *вьсемь* стиимь, вьгодивьше Богȣ Гдну кльнемь се. Обещамо се твомȣ великомȣ стомȣ царствȣ, дрьжа(ти) врхȣ злотворенье невѣрьного крала ȣроша, и врьху братью его и рода его, и врьхȣ *вьсехь* живȣщихь вь земле іеговѣ, и на техь, кои на ихъ земле биху дрьжали некое владанье, ако бȣдȣ невѣрници ни приѣтеле твоемȣ стомȣ царствȣ, такожде да бȣде невѣрьници и враговѣ нашемȣ градȣ Дюбровьникȣ; ако ли *кьто* ωдь сихь прѣписанихь или вьси ωбратетьсе стму ти царствȣ, и прѣславьно ти царство приметь ихь вь приѣтельство, а ми да е имамо за приѣтеле. Ако ли ȣрошь али некто ωдь прѣписанихь рода его бȣдеть врагь нашемȣ градȣ Дюбровьникȣ, бȣдешь врагь стомȣ ти црству; ако ли кьто ωдь прѣписанехь бȣдешь приѣтель градȣ Дȣбровьчкомȣ, високо твое царство да га има за приѣтела. И *аще* Богъ поможеть стомȣ ти царствȣ исьпȣдити врага твога и нашега ȣроша ись Срьпьске земле и брата его Владислава и родь ихь, или дрȣзи властеле и прибѣгьнȣ градȣ Дюбровникȣ, ми да ихь не примемо, ни *речи* ихь; нь те да имь пакостимо, колико можемо. И сто ти царство да не створить мирь безь нась сь ȣрошемь, и нась сьш нимь не пустити безь мира. И *паче* да бȣдемо сь стимь сь твоимь царствомь врьхȣ ȣроша, врага твога и нашега, и вьрхȣ *вьсега* свога рода, и врьхȣ ωнога, кои би биль после на еговь столь. И рать и мирь да *имо* сьш ними наедьно вь *животь* стого ти царства и нашь, и стомȣ твомȣ царству дамо помокь *проквь* мочи нашеи по поморью, по морȣ и по сȣхȣ. И ако Богъ поможе твоемȣ стомȣ царствȣ, и примешь Рашькȣ землȣ с ȣсвми придели, и намь Богь да помокь приети вьсе граде или костеле, ере сȣ приморьске, и пристое Рашькомȣ *столȣ*, да ихь придамо стомȣ твомȣ царствȣ добромь

веровь, безь *пропаства*, или ѡномѫ чловѣкѫ, кои би послань *стого* ти царства *проквь* мочи нашеи. И кьда ми *вь*вемо, ере твое сто царство *вь*лезе *вь* Срьпьскѫ землѫ, а ми да се *вь*готовимо, напвече за *дь*вѣ неделе ѡдькова ми чѫемо, с ѫсомь нашомь силомь и мокыю, и да поидемо по морѫ врьхѫ граде поморьске и земле, се ѡнеми лѫдьи, кои се ѡбрѣту то време вь градь Дюбровьчки, расьвѣ да ѡставимо толико зи лѫдьи, колико да могѫ чѫвати града Дюбровькога. И ако ѫрошь, или брать его Владиславь, или *кьто* ѡдь рода того, или властелинь би хьтель *хабити* или би *исхабиль* намь, а твое сто царство да ни помага *проквь* свою мокь врьхь ихь, и да имь *исьхабишь*. Людье и кѫпьци ѡдь стога свѣтога ти царства и ѡдь Зета ти стого царства Петра севастократора сь добитькимь, ако придеть *вь* нашь градь Дюбровьникь: да бѫдѫть *сп'сени* и варовани вь Дюбровьникь и въ прѣдель его, ѣко и сами Дюбровькане. и да стоеть вь Дюбровьникь на свою си волѫ, и ствреть (сьтвореть) свои трьгь, продаваюке и кѫпѫюке безь *вь*сакое данье и безь вьсакое пакости. И да имь се не *везьметь* никоре данье ни на вратехь, ни на мосте, ни на броде, ни на пѫти, и *паче* да си кѫпѫю *вь*сяки трьгь, ко'имь ie на потребѫ: злато, сребро, свите и златьне поставѣ, или ино що имь ie *годь*, расьвѣ пьшенице, кою да не исьносеть нсь града Дюбровьчкога безь повеленьѣ кнеза, кои би биль повръмене, вь кнежьство Дюбровьчко. Такоде и лѫдые и кѫпьци прѣславьнога града Дюбровьника, еже приходеть вь земле ст'аго ти царства и вь земле Зете ст'ого ти царства Петра севастократора, да си кѫпѫють и продають свободьно вь прѣписанехь землѣхь, безь пакости, *вь*сакѫ кѫпью на волѫ ихь. И да имь се не везметь кѫмерекь ни никире данье ни вь граде, ни на сьборе, ни вь селѣхь кѫпьцемь, ни на мосте, ни на рѣкахь, ни на пѫтехь, кьте (кьде) да бѫдѫ свободьни на вьсако место, и стоеть, и поидѫть на ихь хьтенье, и да се ѡбрате. И да бѫдѫ спасени и стрежени вь телахь и вь добитькь ихь. И аще кѫчить сьмрьть неком ѫ чловѣкѫ, или кѫпьцу ѡдь твоего

стого ти царства, или чловѣку или кѫпьцѫ Петра высокого севастократора, вь кнежьство Дюбровьчьско, или сь *езикомь* или безь *езика*. И да бѫдеть безь *дрѫжине* да *весь* добит'кь ѡнога *мьрьца* чинимо написати, и скьда твое сто царство за ихь пошлеть свое книге, да дамо, а добиткь ѡнога *мьрьца* ѡдь нась да не погибьне *пищоре*. Такожде людемь и кѫпьцьмь Дюбровьчькимь годить се сьмьрьть или сь *езикомь* или безь *езика* вь земл*ахь* стога ти царства и вь зем*ахь* високого севастократора гдна Петра, а дрѫжинѫ си не бихѫ имели, добитке ѡнога *мьрьца* бѫдѫть *спасена* за твое стое царство, да се прѣдаде ономѫ, кои за добиткь прѣписань *мьрьца* сь кни*гами* гдна кнеза Дюбровьчькога би биль послань. И ако людье стого ти царства или Петрови високого севастократора имѫть искати некою *правинѫ* врьхь кога годе чловѣка кнежьства Дюбровчькога, да ми бѫдемо *дрьжани* ѡ немь чинити *правинѫ*, безь *сѫдьбине*, и безь данье, по законѫ нашемѫ, сьвьршенѫ правдѫ; и такоде правьда да бѫде нашимь людьмь вь зем*ахь* стого ти царства и Петров*ехь* севастократора, по ваше сто царство и по високого севастократора безь никире данье и безь *сѫтьбине*. Никоре *емьство* да *не* медѫ стомѫ царствѫ и нась, докьде се не сѫди вь правьдѫ. И ѣко Богь поможеть стомѫ ти царствѫ, и приметь земле Срьньске, да си мамо ѡньзи стари законь сьш ньми, коп е имель и нашь градь Дюбровьникь. И да сгоимо с ѫсеми земл*и* и град*и* Срьньске и поморьске вь ѡнех*ь* законех*ь*, кое смо имели сьшь ними прѣжде *годищь* петьнадесете, кои сѫ исьшьли *досева*. И ако Богъ поможеть стомѫ ти царствѫ, и бѫдешь гдньвосеи земле Срьньске, да не кьто зли людье медѫ стому ти царству и медѫ нашь градь ѫложе злеть (зледь); паче да любовь *вьсеге* ѡдь добро *напобольше* расти. Земле и села, и државѣ ѡдь земле и сь сѫха, ѡдь села, и дрьжавѣ ѡдь ѡнех*ь* земле, и ѡдь ѡнех*ь* сель, и дрьжавѣ, кое господь Богь помогаеть те брьзо хоте бити прѣдане твомѫ велиству, хокемо е бележити. А прѣписане дедпиѣ наше земле и села и дрьжавѣ начинаю*ть*

ѡдь цркве стого Георьгиѣ врьхь стари градь Епитаврь, *иже* ид8*ть* до цркве стого Петра, а ѡдь цркве стого Петра ид8*ть* до цркви стого Пократа, а ѡдь цркви стого Пократа како дрьже Горьре врьхь Бѣлома и слез8*ть* до Млин*ехь*, а ѡдь Млин*ехь*, како дрьж8*ть* Горьре, кое гред8*ть* врьхь Жьрьновьницѣ дери до Влащице, а ѡдь Влащице, како дрьже*ть* Горьре, кое с8ть врьхь шуме–ть, и гред8*ть* до Ока, а ѡдь оне стране Ока, како дрьжеть Горьре, кое су врьхь рѣке, и сьтегьну*ть* се дери до Горьре, кое с8 врьхь Корила, а ѡдь Корила, како дрьже Горьре, кое с8 врьхь Затонъ и врьхь Полице и врьхь Орашьць, *и* сьтегьн8*ть* се до цркви сте Текле. И *вьсе* медье ѡдь прѣписан*ехь* земле и села и дрьжавѣ ѡдь врьхе ѡдь *вьсе* прѣписанѣ Горьре слез8ть до мора, *вьсе* с8 наше дедине. И ѡноньзи законь, коие есть ѡдь *к8мерекь* сольски мед8 краль Српьски и градь Дюбровьчки, да дрьжи сто ти царство; а вѣдомо де ѡдь *вьсе* соли, коѣ се продае не вече л8дьмь Рашькимь половина ѡдь добитьѣ да има сто ти царство, а др8г8 половин8 да има ѡпькина Дюбровьчька, како било вь стари законь; и сто ти царство да дрьжи намь стари законь а вѣдомо ѡдь рѣке Дриньске до Неретьвѣ *к8мерекъ* сольски да *несть* на ино место расьвѣ вь Дюбровьникь. И ако Богъ поможе стом8 ти царств8 приети вьсе граде поморьске, наша мати стаѣ цркви, мати *вьсемь* наш*имь* црк*вамь*, да си дрьжи то, що е дрьжала, по *вьсехь* градов*ѣхь* или по с8х8, или писк8пье или манастире или цркви или поп*оеи* или ин8 некою *правьд8*, кою е имела ѡдь стрихь врѣмен*ехь*, да си има своботьно, ѣко е писано вь стар*ихь* книг*ахь* брѣвѣлеги. А ми *вьса* ѡпькина града нашега Дюбровьника мали и велици да смо *дрьжаки* чинити клети вьсе кнезовѣ, ки б8д8*ть* по врѣмен*ехь* вь Дюбровьникь, по хьтепю славьнога д8жа Бенетекькога, дрьжати си ѡбѣть вь врѣме свога кнежьства, ки да се кльне вь кнежьство Дюбровьчько; и ако ми прѣст8пимо сию клетьв8 и си ѡбѣть, да ни с8ди Богъ и сиѣ клетьва и на *семь* свѣте и на ѡномь. И ми и дѣтьца наша да *имо*

везанье и гневь ѡдь високога папѣ Римьскога 8 веки 8се сие приписанье, да имамо и хокемо дрьжати спасающе клетвѣ и *почеть* и сл8жбе, кое смо дрьжани чинити гдн8 Д8ж8 и ѡпькинѣ Бенетчкои, докл8 б8де сто ти царство и ми. И да сие ѡбьтьтованье и сие писанье дрьжить повещ8 потверьденье, запечакено іесть печатью ѡпькиньскомь и славьнога Марьсилиѣ Геѡрьгиѣ кнеза нашега града Дюбровника. А сиѣ с8ть имена ѡнехь, ки се с8 клели, да б8де ѡбьтьтованье твьрьдо и крепько. Прьвославьни властелинь гдпь Марьсили Геѡрьги Кнезь Дюбровьчки. (За тѣмь подписаны *судье*: 5, *Вѣкьници* ѡдь малога *веча*: 6, ѡдь *вѣка* 8молени: 7, *Висьѣрье* ѡпькиньски: 8, Прьци градьци: 2, Ки дрьже добитекь сте Боце: 2, *Векьници* ѡдь вельега *веча*: 70). И врьхь вьсе ѡво писанье Марьтоль Г8леривикь *бань* ѡдь кнеза Дюбровчькога и ѡд вьсе ѡпькине града Дюбровьчькога с хотеньемь гдна кнеза Дюбровькога и вьсехь властель Дюбровь: сьвономь (звономь) звонивьше на сьборе, ѣко е по закон8 Дюбровьком8 врьхь д8ше свое и вьсе ѡпькине Дюбровьчьке си ѡбьть потверьдиль дрьжати и клель се.

III. *Записка о правахъ купцовъ и поселенцевъ Дубровницкихъ* (списана съ пергаменнаго списка XIII—XIV вѣка).

Писано іесть вь старихь книгахь, какьвь іесть стари законь трьговьцемь Дубровьчамь, да путове си и трьгове веду вь тудьи земли и каку заклетьвь даше за тьи дльгь кнеземь и властелемь и вьсеи ѡбьчинѣ градьсцѣ—цари и крали Рашьки и Бани Босьньски и ино владальци Зетьски и Хльмѣски и Трѣв8ньски и ини владальци Срьбски и Влашьки и ини на с8сѣ и на мору, сь своиовь воловь, сь правовь вѣровь, да стоимо сьшь ними у любьвь и у вечьни и твьрди мирь у вьсацѣ правьдѣ, у си вѣкь у б8д8чи.—Вьсакь Дубровьчань да іесть добьрь гость. Да да доходи и преходи по градохь и трьгохь, путуи

и трьгȣ*и*, кьде си кьто хоке по *вьсеи* области свободьно и *пространо* сь своими си рѣчьми и трьги. Да іесу*ть* отворене землıе и море колȣ имь и *дрѣвȣ* и товарȣ. Да *нѣ* имь зледи никѣре, нь да властелиıе и кьметиıе и людье да ихь хране*ть* оть зьла и да имь даде*ть* помочь *прѣкювь гусе* и *всакое* пакости. Да имь се даıе*ть* *срѣга* и проводь оть *вьси* и у *вьсь*, да ихь людиıе проводе, какоре приходе, и да тамо товарь растоваре, кьдѣ имь *трѣбѣ* іе*сть* или но кьдѣ хоке. Да имь се царина не вьзьмле*ть* ни одь мала ни до велıа: да се царина и вьсѣка правьда плати*ть* ѡдь ѡпькине; а трьговьцȣ свобода. Ако ли да да кои поклонь кому іе любо, да то *нѣсть* по закону, нь добро*вь* воло*вь*: ако не хоче не да, и тако да иде. Де не вьспрашае*ть* га ни*кьто*, кии онь трьгь има и камо иде, и да *нѣ* мȣ забаве на пȣтȣ никоıере. У кои*овь* ли *вьси* забаве*ть* га на пȣтȣ и ȣ трьгȣ, та *вьсь* да оправи мȣ кривьдȣ по законȣ. Биль би бȣде*ть* кривь трьговьць, да мȣ се *вь*земе кȣплıа и добитькь сȣдомь, докȣ *же* не оправди да *нѣ* свободьнь; брѣзь сȣда да то нѣ*сть*.—А за преселице Дȣбровьчьки, да іесть имь свобода по закону: како гьдѣ се посели у краи коıемь, тако да пребываıе*ть* своботьно, тькьмо да даıе доходькь господьски, каıа іе*сть* *сока* и *даниıа* по законȣ; нь да дьржи*ть* ниве и трѣвы и шȣме, винограды пуди, куки зида, люди сели, млины стави, по законȣ, жито и вокье и вино продавае*ть* свободьно, тькьмо да плати десе*щин*ȣ стомȣ Власию. И ако се обрѣте кои *дльгь* медȣ Влахомь и Срьблиномь, за мани *дльгь* да има іе сȣдь *поротьнь*: да іе*сть* сȣдьца іединь Срьблинь, а дрȣгин Дȣбровьчань, и що да ȣсȣ*дита* то зи да іе сьврьшено. А за велии *дльгь* да иде*та* прѣдь Кралıа, ако ли *вѣр*ȣıе*ть* Влахъ Срьблина; ако ли *вѣр*ȣıе*ть* Срьблинь Влаха, да се иде*та* прѣдь кьнеза Дȣбровьчькога, и да се оправи кривьда потомь, *кьто* іе кривь:

Сославшись на эту записку выше (стр. 137) по поводу слова *вѣровати*, привожу это же слово здѣсь и изъ другихъ дре-

внихъ памятниковъ Сербскихъ: — Грам. 1239. И съ ѡще: ако *вѣрѣіе* Серблинь Влаха, да се при предь кнезем Дѣбровьчькимь; и ıако *вѣрѣіе* Влахъ Серблина, да се при предь Баномь.»— Грам. 1280 г. «Коде *вѣрѣіе* да се кльне у стари законь, како ıе било за старихъ кнезь; коде пе ıе клель да пѣсть мѣ дѣла ѡдь присѣда и *вѣрованьа*».

III.

(стр. 32 и 30).

«Тако переходное состояніе было и въ языкѣ Русскомъ, и, кажется, въ то же время какъ и въ западныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ — въ XIII—XIV вѣкѣ.»

«Древнее мѣшалось въ немъ съ новымъ; формы древнія и новыя употреблялись все болѣе безразлично — новыя формы какъ выраженіе того направленія, которое языкъ долженъ былъ принять въ послѣдствіи, а древнія какъ голосъ еще не умершаго прошедшаго.»

Доказательства этому представляются во всякомъ изъ памятниковъ Русскаго языка этого времени. Для примѣра выбираю нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Изъ лѣтописей.

(*По Лаврентьевскому списку XIV вѣка, изд. Проф. Тимковскаго, М. 1824*).

Формы Старославянскія отмѣчены *косыми буквами*; подъ формами Русскими, замѣнившими формы древнѣйшія, помѣщено чтеніе, которое считаю болѣе сообразнымъ съ характеромъ древняго Русскаго языка.

— Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья
имааху заморіа
на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кри-
Словѣнѣхъ вьсѣхъ
вичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ
имааху
и на Вятичѣхъ; имаху по бѣлѣи вѣверицѣ.
имааху бѣлии

Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша
изъгънаша Варіагы дашіа
имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ
почашіа
в нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша в нихъ
въ превьды бышіа въ
усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ
усобиціа цочашіа рѣшіа
себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и
къніазіа
судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ к Руси:
идошіа къ
сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зо-
зъваахуть тьи зъ-
вутся Свое, друзии же Урмане, Анъгляне, друзіи Гьте;
вуться Свеіе гьте
тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи вся:
рѣшіа вьси:
земля наша велика и обилна, а паряда в неи нѣтъ,
наша обильна въ нѣси нѣсть
да поидѣте княжитъ и володѣти нами. И изъбраша ся
къніажитъ володѣтъ изъбьрашіа
3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и
братіа съ поіашіа вьсю
придоша: старѣишии Рюрикъ (сѣде в Новѣградѣ,) а
придошіа старѣи —
другии Синеѫсъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изъборь-
стѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозва ся Руская земля Нову-
прозъва рускаіа

городьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Ва-
людиe
ряжьска, преже бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту
бѣша дъву
Синеусъ 8мре, и братъ его Труворъ; и прия власть
iего
Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому По-
По-
лотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро. И по
лотьскъ
тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии на-
находьници прьвии
сельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи,
— Полотьстѣ
в Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ озерѣ Весь, въ Муромѣ Му-
— — —
рома. И тѣми всѣми облаdаше Рюрикъ. И бяста 8
вьсѣми оболодааше бѣяста
него 2 мужа не племени его, ни боярина, и та испро-
него мужia iего
систа ся ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста
къ съ родъмь своимь
по Днѣпру, и идуче мимо и 8зрѣста на горѣ градокъ
Дънѣпьру узьрѣста
и упращаста, рѣста: чии се градокъ? Они же рѣша:
въпрашааста, рѣшia
была суть 3 братья—Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣ-
братиа съдѣ-
лаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче
ласта городокъ сь изъгыбошia
дань родомъ ихъ Козаромъ. Асколъдо же и Диръ о-
Асколдъ
стаста въ градѣ семь, и многи Варяги совокуписта, и
мъногы Варягы съвъкуписта
начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же кня-
начаста кънiа-
жащу въ Новѣгородѣ.
жiачю —

— Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть кня-
Умьршю кънга-
женье свое Олгови отъ рода ему суща, въдавъ ему
женіе свое Ольгови
сынъ свои на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.
дѣтьскъ

Въ лѣто 6389. Поиде Олегъ, поимъ воя многи Ва-
мъногы Ва-
ряги, Словѣни, Мерю, и всѣ Кривичи, и приде къ Смо-
рягы Словѣны вьсга — Смо-
леньску съ Кривичи, и прия градъ, и посади мужь
льньску
свои. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець и посади
своихъ отътуда вънизъ възга Любьчь
мужь свои. Придоста къ горамъ хъ Киевскимъ, и 8ви-
Кыевьскымъ
дѣ Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, похорони
Ольгъ Асколдъ къпіажита
вои в лодьяхъ, а другия позади остави, а самъ при-
воіа въ лодіахъ другыа
де нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское по-

хоронивъ вои своя и присла ко Асколду и Дирови,
воіа присъла къ
глаголя, яко: гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга
Грькы Ольга
и отъ Игоря Княжича, да придѣта к намъ к родомъ
Къпіажичіа, къ къ
своимъ. Асколдъ же и Диръ придоста; выскакав же
выскакавъ
вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дире-
лодіга Ольгъ
ви: вы нѣста Князя, ни рода Княжа, но азъ есмь роду
Къпіазга Къпіажіа
Княжа,—вынесоша Игоря—и се есть сынъ Рюриковъ
Къпіажіа вынесошіа сь

И оубиша Асколда и Дира, несоша на гору, и погре-
убишіа несошіа погрь-
боша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, кде
бошіа нынѣ зъветь кдѣ
нынѣ Ольминъ дворъ; на тои могилѣ постави Ольма
нынѣ Ольминъ могылѣ
церковь святаго Николу; а Дирова могыла за святою
црькъвь сѣатааго могыла
Ориною. Сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ:
Ольгъ кънпажіа рьче Ольгъ
се буди мати градомъ Рускимъ.
Русьскынмъ.

— Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина
Въ рькошіа
Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ
Свѣнелжи оружіемь
и порты, а мы нази; поиди, Княже, с нами в дань,
кънпаже съ въ
да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде
послушіа
въ Дерева в дань, и примышляше къ первои дани,
въ примышлѧаше рьвои
насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ
насилѧаше възъіемавъ
градъ свои. Идуще же ему въспять, размысливъ рече
идущу възъпіать разъмысливъ рьче
дружинѣ своеи: идѣте съ данью домови, а я возвра-
данню іазъ възъворо-
щюся, похожю и еще. Пусти дружину свою домови,
чюсіа
съ маломь же дружины возъвратися, желая больша
малъмь възъворотисіа большіа
имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть,
имѣніпіа слышавъше
сдумавше со Княземъ своимъ Маломъ: аще ся въва-
съдумавъше съ кънпазьмь своимь малъмь

дить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не
влъкъ въ овьца вьсе
убьють его; тако и се: аще не 8бьемъ его, то вся ны
убьють такъ убиемъ вьсіа
погубить. Послаша къ нему глаголюще: почто идеши
посълаша къ нѣму почьто
опять? попмалъ еси всю дань. И не послуша ихъ
вьсю
Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Дере-
вышьдъше Изъкоростѣня
вляне 8биша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало.
убиша
И погребенъ бысть Игорь: есть могила его оу Искоръ-
погрьбенъ могыла Изъкоро-
стѣня града в Деревѣхъ и до сего дне.
стѣня въ дьне

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ
Ольга бѣаше въ сынъмь своимь
дѣтьскомъ Святославомъ. и кормилець его Асмудъ, во-
дѣтьскъмь Свіатъславъмь кръмильць
евода бѣ Свѣнелдъ, тоже отець Мистишинъ. Рѣша же
свѣнельдъ, тъже отьць Мьстишинъ
Деревляне: се князя оубихомъ Рускаго; поймемъ жену
къняза Русьскаго
его Вольгу за князь свои Малъ, и Святослава, и ство-
Ольгу къпязь Свіатъслава сътво-
римъ ему, яко же хощемъ. И послаша Деревляне
римъ посълаша
лучьшие мужи числомъ 20 въ лодьи къ Ользѣ, и
лучьшіа мужіа чисьлъмь лодии
приставша подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода
приставша въ лодии тъгъда
текущи возлѣ горы Киевския, и на Подольи не сѣдя-
възъдолѣ Кыевьскыіа подолии сѣдяа-
ху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ иде же
ху людие нъ Кыевъ идѣ

есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никовъ, а дворъ княжь
гръдіатинъ кьпіажь
бяше в городѣ, иде же есть дворъ Демьстиковъ, за
бѣ въ идѣ
святою Богородицею надъ горою, дворъ теремныи, бѣ
теремьныи
бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Дере-
каменьнъ повѣдашіа
вляне придоша. И возва е Ольга к собѣ, (и рьче имъ):
придошіа възъзва іа къ
добри гостье придоша? И рѣша Деревляне: придохомъ,
гостиіе придошіа рѣшіа
Княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради прндо-
Кънігьше рьче глаголѣте чьто
сте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Деревьска земля,
рѣшіа
рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твои
бѣаше
аки волкъ восхищая и грабя, а наши Князи добри суть,
вълкъ възъхычаіа къпіази
иже распасли суть Деревьску землю; да поиди за Князь
оже разъпасли къпіязь
нашь Малъ. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь
рьче
ваша; 8же мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы
ваша мьнѣ пъ
почтити на 8трия предъ людьми своими, а нынѣ идѣ-
почьтити нынѣ
те в лодью свою, и лязите в лоды величающеся; азъ
въ лодию въ лодіи
8тро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на ко-
посълю ѣдемъ
нѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и
пъ въ лодіи
възнесуть вы в лодьи. И отпусти я в лодью. Ольга
възънесуть въ лодіи въ лодию
же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ

теремьстѣмь внѣ града. И заѳтра Волга, сѣдящи в
вънѣ Ольга въ
теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще:
посъла придошіа къ
зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не
зъветь чьсть
едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи.
ѣдемъ конѣхъ въ лодии
Рѣша же Кияне: намъ не воля, Князь нашь ѳбьенъ,
Кыпане Къпязь 1есть убиенъ
а Княгини паша хоче за вашь Князь. И понесоша я
Къпагыни паша хочеть Къпязь
въ лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣхъ въ великихъ
лодии сѣдѣаху въ великыихъ
сустугахъ гордящееся; и принесоша я на дворъ к Оль-
гръдіачесіа къ
зѣ; несъше вринуша я въ яму и съ лодьею. Приникъ-
вринушіа — лодиіею
ши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша:
рьче чьсть рѣшіа
пущи ны Игоревы смерти. И повелѣ засыпати я живы;
смьрьти
и посыпаша я. Послави Ольга къ Деревляномъ,
посълавъши
рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите
рьче пришьлите
мужа парочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь,
мужіа въ чьсти кьпязь
еда не пустять мене людье Киевьстии. Се слышавше Де-
— людиіе Кыевьстии слышавъше
ревляне, собраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревь-
събьрашіа мужіа дрьжааху
ску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъ-
посълашіа пришьлъ-
шимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: из-
шемъ съгворити рькучи изъ-
мывшеся придите ко мнѣ. Они же пережьгоша истоп-
мывъшесіа къ мьнѣ истьбъ-

ку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запро-
ку влѣзошіа начашіа запьро-
ша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ дверии;
ша истьбъку ю
ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи
изгорѣшіа вьси посъла
сице: се 8же иду к вамъ, да пристроите меды многи
мъногы
въ градѣ, иде же 8бисте мужа моего, да поплачюся
идѣ мужіа
надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему.
гробъмь сътворю
Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло,
слышіавъше мъногы
възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко
поимъши льгъко
идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ,
своіемь
и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику; яко
могылу
соспоша, и повелѣ трызну творити. По семь сѣдоша
съсъпоша сѣдошіа
Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ слу-
жити предъ ними; рѣша Деревляне к Ользѣ: кдѣ суть
рѣша къ кдѣ
дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? Она же рече:
наша посъла*а*хомъ рьче
идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко 8пиша ся
мьнѣ мужіа упишіа
Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити па ня, а
сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи Дере-
Дере-
вляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возъвратися Кие-
вляны изъсѣкошіа Кыіе-
ву и пристрои вои на прокъ ихъ.
ву воіа

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святосла-
сыпъмь свіатъслава-
вомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску
въмь събра воіа мъногы хоробьры
землю. Изидоша Деревляне противу. Съпемъшемъся
пзъидошіа съпьмъшема
обѣма полкома паскупь, суну копьемъ Святославъ
плъкома пасъкупь копиемь Свіатъславъ
на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ 8ши коневи, 8да-
копіе
ри в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ
въ ногы дѣтьскъ рьче
и Асмолдъ: Князь 8же почалъ; потягнѣте, дружина,
Кънязь почіа дружіно
по Князѣ. И побѣдиша Деревляны. Деревляне же
Кънязи
побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга
же 8стреми ся съ сыномъ своимь, а Деревляне затво-
устрьми сыпъмь
ришася въ градѣ и боряху ся крѣпко изъ града, вѣдѣ-
борѣаху крѣпько вѣдѣ-
ху бо, яко сами 8били Князя, и на что ся предати.
шіа убили суть Кънязя чѣто передашіа
И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града, и 8мыслі
можѣаше възяти
сице: посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣ-
посъла къ чьто
ти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань,
вьси передашіасіа мьнѣ
и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъ-
земліа
мерети гладомъ, не имучеся по дань. Деревляне же
рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши
рькошіа
мьщати мужа своего. Рече же имъ Ольга, яко — азъ
мужіа рьче

мьстіла уже обиду мужа своего, когда придоша Кие-
мужіа къгъда придоша Кые-
ву, второе... и третьее, когда творихъ трызну мужеви
ву третиеіе къгъда
своему: а 8же не хощю мьщати, но хощю дань имати
ıъ
помалу, смирившіи ся с вами поиду опять. Рекоша же
смирившіи съ рькошіа
Деревляне: што хощеши 8 насъ? ради даемъ медомь
чьто медьмь
и скорою. Она же рече имъ: ныпѣ 8 васъ нѣсть меду
рьче
ни скоры; но мало 8 васъ прошю: дайте ми отъ дво-
ра по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хощю
воробіи
тяжьки дани възложити, якоже и мужь мои; сего
тіажькы
(дѣлга) прошю 8 васъ мало, вы бо есте изъпемогли
въ осадѣ, да сего (дѣлга) 8 васъ прошю мала. Деревляне
же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби
бывъше събьрашіа
и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ.
воробіи посълашіа къ съ поклонъмь
Вольга же рече имъ: се 8же есть покорилися мнѣ и
Ольга рьче іесте мьпѣ
моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, (азъ за8тра отъст8-
плю отъ града) и поиду въ градъ. И Деревляне же
ради бывше впидоша въ градъ. и повѣдаша людемъ,
бывъше въпидоша повѣдашіа
и обрадоваша ся людье въ градѣ. Волга же раздая
обърадовашіа людіне Ольга
воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и
воробіеви

повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати
— воробиеви
цѣрь, обертывающе въ платки малы питъкою, повер-
объвертываюче платъкы поврь-
зывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смер-
зываюче смрь-
че ся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби
че воробии
же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ го-
воробиеве го-
лубники, врабьѣве же подъ стрѣхи, и тако възгара-
лубьникы воробиеве стрѣхы такъ
ху ся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли о-
вѣжіа
дрины. И не бѣ двора, иде же не горяще, и не бѣ льзѣ
идѣ горіаше
гасити, вси бо двори възгорѣша ся, и побѣгоша людье
вьси възгорѣшіа людіе
изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко
іа.
взя градъ и пожьже и, старѣишины же града изъ-
вьзіа
нима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ
изъби другыіа
предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити
дань. И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани
възъложишіа чіасти
идета Киеву а третья Вышгороду к Ользѣ, бѣ бо Выше-
Кыеву третіаіа Вышьгороду — Вышь-
городъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Деревь-
Ользинъ Ольга
стѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, 8ста-
сынъмь своимь
вляющи 8ставы и 8роки, суть становища еѣ и лови-
урокы, гъдѣ суть іеіа

ща. И приде въ градъ свои Киевъ съ сыномъ своимъ
Кыевъ сынъмь своимь
Святославомъ.
Святъславъмь.

Изъ грамотъ.

Ограничиваюсь на этотъ разъ только нѣкоторыми грамотами XIII–XIV вѣка, и для того, чтобы не могло быть сомнѣнія къ выводамъ, беру только тѣ грамоты, въ которыхъ ясно выражаетъ себя фонетика Русская, а не Старославянская.

1. *Вкладная грамота преподоб. Варлама Хутынскому монастырю*, 1192—1207. (См. Дополненія къ Акт. Истор. № 5, гдѣ она перепечатана, съ подлинника, хранящагося въ Новогородскомъ Хутынскомъ монастырѣ, по увѣренію издателей, буква въ букву, т. е. конечно, съ примѣненіемъ къ современному правописанію, замѣняющему *и* передъ согласной посредствомъ *і*, *оу* посредствомъ *у*, и т. п.)

— Се въдалъ Варламе святому Спасу землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная, и пожни: 1, рьль противу села за Волховомъ, 2. на Волхевьци коле, 3 корь, 4. лоза, 5, Волмина, 6. на островѣ и съ нивами. Въху же ту землю Хутинскую въдалъ святому Спасу и съ челядію и съ скотиною, а се.... 1. отрокъ съ женою, 2. Вълесъ, 3. дѣвъка Февронія съ двѣма сы...., 4. Недачь; а конь шестеро и корова. Се другое село на Слудици за... бнею вьдалъ святому Спасу, и божница въ немъ святого Георгія, и ниви и пожни и ловища и еже въ немъ. Се же все далъ Варламъ Михалевъ сынъ святому Спасу. Аще кто дiяволемъ .... ченъ и злыми человѣки наваженъ цъто хочетъ отъяти, отъ нивъ ли, отъ пожень ли, или отъ ловищь, а буди ему противъ святыи Спасъ и въ сь вѣкъ и въ будущіи.

Во всей этой грамотѣ случилось только два слова съ фонической формой Старославянской; это — *аще* и послѣднее слово: *будущіи*.

Въ правописаніи видимъ смѣшеніе *ѣ, ь, о, е, ъ*. Вмѣсто *ѣ* употреблено *е* и *ъ*: въдале, въдалъ, Варламе, Волхевьци; вмѣсто *е* употреблены *ѣ* и *ь*: Вѣлесъ; рьль; вмѣсто *о* употреблено *е*: Михалевъ, діяволемъ; вмѣсто *ь* стоитъ *ѣ*: вѣху. Такихъ случаевъ очень много въ грамотѣ 1228 года, (см. ниже: II.), и потому при ней удобнѣе говорить о причинахъ этого смѣшенія. Кромѣ того замѣчательны въ фонетическомъ отношеніи: отличеніе согласныхъ мягкихъ отъ твердыхъ (ловищя, божниця), въ слѣдствіе котораго и въ*ху* стоитъ вмѣсто вьсю (*ѫ* и *с* противоположны какъ твердый звукъ и мягкій); употребленіе *и* вмѣсто *ы* (нивы), и вмѣсто Старосл. *ѧ* (пожни); неопущеніе *и* (челядию), и т. д.

Въ отношеніи грамматическомъ замѣчательны: употребленіе двойственнаго числа (съ двѣма сы(нома); отличеніе средняго рода во множеств. числѣ (ловища рыбьная и гоголиная); краткій родительный муж. во множ. числѣ (конѣ шестеро), и т. п.

II. *Договорная грамота Смолен. Князя Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1228 года.* (Собр. Госуд. Гр. II. № 1).

Въ грамотѣ этой нѣтъ ни одного случая, который бы могъ подать поводъ думать, что она писана подъ вліяніемъ языка церковныхъ книгъ Старославянскихъ: фонетика вездѣ Русская.

— Что ся дѣетъ по вѣремьнемь, то видето по вѣрьмьнемь; приказано боудѣть добрымъ людѣмъ, а любо грамотою уотвѣрдять како, то боудѣте всемъ вѣдомъ, и ли кто посль живыи останѣться. Того лѣта, коли Алъбрахтъ, влдка Ризнии оумьрлъ, вздоумалъ Князь Смольнескыи Мьстиславъ Двдвъ снъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Іерьмеіа и съ

нимь оумьна моужа Пантелья и—своего горда Смольнеска. Та два была послѣмь оу Ризѣ, из Ригы ѣхали на Гочкыи берьго тамо твердити миръ.

И этихъ начальныхъ строкъ достаточно что бы составить понятіе о правописаніи грамоты. Прочетши всю грамоту можно только увѣриться, что особенности ея правописанія не могли не находиться въ связи съ особенностями выговора.

Между прочимъ это правописаніе допускало безразличность въ употребленіи *ь, е, ѣ* и *ѣ, о*. Такъ: *е* и *ѣ* очень часто употреблены одно вмѣсто другаго: боудѣте, вѣремьнѣмь, останѣться, Смолѣнеске, — ѣхали, Ризе, березе, Немчину; вмѣсто *ь* стоитъ *е*: боудѣте, оударите, оумрете, поуте, Тоумаше, Латинескомоу, Готескомь, доконечано; вмѣсто *ь* стоитъ *ѣ*: дѣсѣтъ, свободѣныи, языкомъ, князъ; вмѣсто *е* стоитъ *ь*: вѣрьмьнемь, Іерьмея, Пантелья, берьго, берьгомь, серьбра, пьрьпрети; вмѣсто *ѣ* стоитъ *ь*: посль, мьсто, тьхъ, старость, оу Смольнескь; вмѣсто *ѣ* стоитъ *о*: ѿидето, берьго, миро, дълго, Ролфо, оустоко; вмѣсто *о* стоитъ *ѣ*: вѣломь, дѣ вѣка, дѣбрии, голѣвоу, нѣга, холѣпъ, хѣлопоу, сѣрмъ, женѣю. Если можно было смѣшивать на письмѣ *ь* съ *е* = *ѣ* и *ѣ* съ *о*, значитъ и самые звуки, ими изображенныя смѣшивались въ произношеніи, т. е. что *ь* и *ѣ* произносились какъ гласные звуки—*ь* сходно съ *е* = *ѣ*, а *ѣ* съ *о*. А что они выговарпвались только сходно, но не всегда совершенно одинаково, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто ихъ заступать могли *ь* и *ѣ*: горда, сербра, смрти, написати и пр вмѣсто города, серебра, смьрти, написати.

Отличены очень рѣзко *ь* и *ѣ* (*е* = *ѣ* и *о*); но есть уже случаи смѣшенія, замѣненія одного другимъ въ противность древнему употребленію: ѿидето вмѣсто отъидеть, Смольнѣскь вмѣсто Смольньскѣ.

Отличены также рѣзко *е* и *и*, *о* и *ы*; но есть и тутъ случаи смѣшенія: Іерьмеіа, Пантелья, оу Роусе, соудиіаміе, людьи — и вмѣстѣ съ тѣмъ: людіи, дніи, Божіи — и постоянно

въ прилагательныхъ *ыи* вмѣсто *ои:* жив*ыи*, свободѣн*ыи*, котор*ыи*, прав*ыи* и пр.

Смѣшивались *и* съ *ы*: Ризк*и*и, Княг*и*ни, Ризѣск*и*ми, хотя впрочемъ случаи правильнаго употребленія *ы* гораздо чаще: Смольнеск*ы*и, Гочк*ы*и, Готск*ы*мь, Латинеск*ы*мъ, всяк*ы*и, Риг*ы*, пороук*ы*, ног*ы*неть, и пр.

Равнымъ образомъ вмѣстѣ съ случаями несоблюденія правила смягчаемости согласныхъ (моу*жа*, бири*ца*, Смолѣнеск*е* и т. п.), стоятъ часто случаи ихъ правильнаго смягченія (оу Ри*зѣ*, бере*зѣ*=берь*зѣ*, послоу*си*, послоу*сѣ*хъ, плате*жя*, кня*жю* вѣс*цю*, Воло*цѣ*, Немчи*цю* и пр.

Изъ числа другихъ случаевъ употребленія согласныхъ можно замѣтить постоянное удержаніе *лъ* въ окончаніи причастій прошедшихъ тамъ, гдѣ потомъ звукъ этотъ долженъ былъ исчезнуть: оумьр*лъ*, нальз*лъ*, потоп*лъ*, перевьз*лъ* и пр.

Разсматривая языкъ грамоты въ отношеніи къ склоненіямъ и спряженіямъ видимъ, что хотя древнія формы языка въ ней уже не всѣ вполнѣ всегда соблюдены, но многія употреблены совершенно правильно, однѣ всегда, другія очень часто.

Такъ употребленіе двойственнаго числа можно было видѣть и въ вышеприведенномъ отрывкѣ: *та* два был*а* послъмь оу Ризѣ. Такихъ примѣровъ грамота представляетъ нѣсколько: Роусиноу не оупирати Латинина ѡднемь послухомь, аже не боудѣтѣ *двою* послоух*оу*, ѡдиного Немчича, а дроугого Роусина; — Латинескомоу дати ѿ *двою* кап*ию* въску вѣсцю коуна Смольнеская; — *та* два была изъ Жата; *та* два был*а* изъ Мюньстьря, и пр.

Въ склоненіи единственнаго числа, кромѣ отмѣченнаго уже обычая смягченія согласныхъ (*г*, *к*, *х*) передъ *ѣ* и *и*, можно замѣтить еще родительный и винительный женскаго: родительный на *е* вмѣсто Старославянскаго ѫ: воль, земль (вмѣсто: вол*іе*, земл*іе*), Бц*е*, сто*е*, ино*е*, се*іе*; винительный сравненный въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ именительнымъ: — дати

емоу гривна серебра; такова правда оузяти; дати емоу ѕ гривны серебра коуна Смольнеская, и пр.

Въ склоненіи множественнаго числа ясно выказывается отличеніе мужскихъ окончаній отъ женскихъ. Въ мужескомъ именительный не на *ы*, а на *и*, дательный на *емъ* и *омъ*, а не на *амъ*, предложный на *ѣхъ*, а не на *ахъ*: послоуси, коупчи, дъбри, — вѣремьнемь, коупчемъ, людьмъ, Рижанѣмъ, Вълъчанѣмъ,—послоусѣхъ; родительный на *ъ* и *ь*: дворянъ, купьць= купьчь=куцьче; творительный на *ы*: Смолняны, колы, купци.

Въ спряженіи: — въ настоящемъ времени 3-е лицо и един. и множ. числа оканчивается на *ѣ* (или на *ѥ* = *ѣ* вмѣсто *ь*) почти безъ исключенія: дѣть, боудѣте, останѣться, оутвѣрдять, оубіють, боудоуть, и пр. Есть однако: ѿидето. Очень часто употреблено прошедшее сложное (даже сокращенное безъ *есть* или *суть*) тамъ, гдѣ бы можно было ожидать простаго; но и прошедшее простое было, напр. аж *быхъмъ* что тако оучинили.

Неопредѣленное наклоненіе почти постоянно на *и*, но есть уже и на *ь*: оусадить, оузяте, биться; и вмѣстѣ съ этимъ есть случай соблюденія достигательнаго на *ѣ*: — Латинину не звати Роусина на полѣ битося оу Ризѣ.

Причастіе еще не превратилось въ дѣепричастіе; но въ муж. родѣ можно было сказать и заплативъ и явивъще.

Въ отношеніи къ словосочиненію грамота представляетъ 1) очень много случаевъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія вмѣсто повелительнаго (Роуснноу не звати Латина на полѣ биться—вмѣсто ать не зоветь Роусинъ), хотя есть случаи употребленія и повелительнаго (ѡже самъ вьсхочете, тъ *ть* идѣть; *ате* промьжю събою оурядятеся; ѡже надобъ емоу болше помочи, то *ть* наймоуи при послоусѣхъ; что имъ посулишь то даи, а болѣ не даи). 2) Не менѣе случаевъ опущенія союзовъ (по оухоу оударите, 3 четвѣрти серебра—вмѣсто: аже по оухоу..., ино...; аже тиоунъ оуслышить, Латинескыи гость пришелъ — вмѣсто: оуслышить, оже пришелъ; приказано боу-

дѣть добрымъ людѣмъ – вмѣсто: оже приказано боудеть). 3) Мѣстоименіе *сл* употребляется отдѣльно отъ глагола и передъ нимъ (что *сл* дѣетѣ; оу кого *сл* избиеть оучанъ. И т. д.

III. *Таже грамота 1229 года.* (См. Тобина, Die ältesten Tractate Russlands стр. 55 и слѣд.).

Языкъ этой грамоты – Русскій. Случаевъ Старославянскаго употребленія звуковъ очень мало: боудоущии, ходящимъ, нѣсколько разъ: *аще.* Изъ выраженій напоминаютъ церковныя книги развѣ эти: *аще князь възвержеть гнѣвъ*, что въ первой грамотѣ: *аже розгнѣваеться князь*; *аже возлюбить самъ*, что въ первой грамотѣ: *аже самъ вѣсхочете.*

— Что ся въ которое (в кое) вѣремя (врем) нячнеть дѣяти то оутвьржаютъ (оутверживаите) грамотою; а (да) быша ся не забыли (забывали), познаите на (и) память пынѣшнии и по сѣмъ времени боудоучи (боудущии), къ комоу си грамота придеть. Того лѣта, коли епнъ (пнъ) Алъбрахтъ Рижьскыи мьртвъ (мртвъ), князь Мьстиславъ Двдчь (Двдвиць) послалъ свое моуже (свои моужи): Геремеіа (іеремѣіа) попа, Пантелеіа (Пянтелѣя) сотьского ѿ Смолнянъ въ (в) Ригоу, а из Ригы на Готьскыи берегъ оутвьрживати миръ.

По самому началу грамоты этой сравнительно съ грамотой 1228 года, можно судить о различіи ихъ правописанія. Впрочемъ это различіе болѣе кажется, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ: главное различіе заключается въ томъ, что *ѣ* и *ъ* здѣсь гораздо чаще на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать ихъ, чѣмъ *о* и *е*, и не употреблены тамъ, гдѣ должны стоять *о* и *е*. Другіе случаи употребленія буквъ, обозначенныя въ обозрѣніи первой грамоты, повторяются и здѣсь, хоть и не всегда на тѣхъ мѣстахъ. Такъ: *е* и *и* употреблены смѣшано (Геремеіа, Пантелеіа, – жеребии, людии); есть случаи, гдѣ стоитъ *и* вмѣсто *ы* (Нмецькии, детьскии), но болѣе случаевъ, гдѣ удержано *ы* (Рижьскыи, Русскымъ, Немецьскымъ, Княгыни, всякыи); есть случаи несмягченія *г*, *к*, *х* передъ *ь* (Смоленьскь

нѣсколько разъ), но болѣе случаевъ, гдѣ *г*, *к*, *х* смягчены правильно въ *з*, *ц*, *с* (въ Ризѣ, на березѣ, на Волоцѣ); есть случаи, гдѣ *ж*, *ч*, *ш* и *з*, *ц*, *с* написаны такъ, какъ будто уже они утратили мягкій выговоръ (Немчица, роубежа, тяжа), но такихъ случаевъ менѣе, чѣмъ случаевъ противныхъ (межю, Немчичю, лицю, истцю, вѣсцю), и между тѣмъ однако почти постоянно послѣ *ж*, *ч*, *ш* стоитъ не *е*, а *о* (оутвьржонъ, тажо, ожо, должонъ, жоны, съ жоною, соужона, разроушонъ, купцомъ, Немцомъ и пр.). Въ причастіяхъ не опущенъ *лъ* (понесль).

Случаевъ правильнаго отличенія двойственнаго числа очень мало: по большей части употреблено множественное вмѣсто двойственнаго (дати тивоуноу Волочьскому роукавицѣ пьрстаты готьские); но иногда удержано и двойственное (отъ двою капью).

Въ склоненіи повторяются тѣже случаи, что и въ первой грамотѣ: Старославянское *ѧ* замѣнено посредствомъ *е*, иногда впрочемъ и посредствомъ *и* (Бце и Бци), а въ винительномъ женскаго посредствомъ *а* съ удержаніемъ именительной формы для прилагательнаго (дати емоу коуна Смоленьская). Замѣчателенъ дательный гостьи вмѣсто гостю, повторенный нѣсколько разъ (таже правда боуди немецьскомоу гостьи Смоленьскѣ). Другой дательный муж. на *ови* (послови, попови, Богови). Во множественномъ отличенъ мужескій родъ отъ женскаго (послоуси, добрии, Смольняномъ, купцомъ, моужихъ, коупцихъ) творительный множ. муж. на *ы* и *и* (Смолняны, Немци, ценязи, мечи).

Въ спряженіи: — Настоящее въ третьемъ лицѣ удерживаетъ *ть* (боудеть, придеть, соуть, дадять); случаевъ несоблюденія этого очень мало (купитъ, оутвьржаютъ).

Прошедшее сложное очень часто и сокращенно (безъ *есть*, *суть*), такъ что причастіе *мьртвъ* съ подрозумѣваемымъ *есть* употреблено вмѣсто: *умре;* но есть и случаи употребленія формы простой: а (да) *быша* ся не забыли; и добросердье абы въ

вѣкы столло и Князю любо *бы* и всѣмъ Смолняномъ; а *быша ся* той правде дьржали въ вѣкы; а си грамота написана *бысть*.

Изъ формъ условнаго сложнаго употреблена и съ *будеть—будуть* (боудеть соулилъ, оурядили боудоуть).

Въ отношеніи къ формамъ будущаго сложнаго замѣчательны выраженія: или Немѣчьскыи гость иметь ся бити межи собою мечи; аще кѣторый Роусинъ или Немчичь противити въсхочеть сеи правде, да ть противенъ Богу и сѣи правдѣ; никтоже (не)иметь имъ пакостити.

Неопрэдѣленное наклоненіе постоянно на *и*.

Причастіе употреблено въ видѣ дѣепричастія: возма, изверяче, извершивши.

Въ отношеніи къ словосочиненію представляются тѣже случаи, что и въ первой грамотѣ: есть случаи употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ смыслѣ повелительнаго (аще иныи боудеть гость роускыи, тому поити позадоу); часто впрочемъ, гораздо чаще чѣмъ въ первой грамотѣ, употреблено повелительное (напр. та же правда *боуди* Смольньскѣ и въ Ризѣ, — а въ первой: оу Смольнѣскь тако пла*тити* и оу Ризе; та же правда и Русиноу боуди въ Ризѣ,—а въ первой: тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ); есть и случаи опущенія союзовъ, но не столь свободнаго, какъ въ первой грамотѣ, только передъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ; есть и случаи свободнаго употребленія *сл* (аще ся вощный судъ исказить; и ли гость иметь ся бити). И т. д. Замѣчательны случаи употребленія предложнаго безъ предлога (та же правда боуди Немцомъ Смоленскѣ; Роусиноу же не лзѣ позвати Немчича на поле Смоленьске), хотя несравненно чаще предложный употребленъ съ предлогомъ (въ Ризѣ, на Волоцѣ и пр.) Также значительны случаи опущенія втораго отрицанія (никако же его въсадити въ дыбоу — вмѣсто: не въсадити; а никто же иметь имъ пакостити — вмѣсто: никто же не иметь).

IV—VI. *Три договорныхъ грамоты Новгородскихъ. 1. 2. Д. грамоты Новгорода съ В. К. Тверскимъ Ярославомъ, 1265 года, 3. Д. грамота Новгорода съ В. К. Т. Ярославомъ, 1270 года.* (Собраніе Госуд. Грам. и Дог. I. № 1–3)

Выписываю первую изъ этихъ грамотъ:

— Благословленіе отъ Владыкы, покланяние отъ Посадника Михаила и отъ тысяцскаго Кондрата и отъ всѣго Новагорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу. На семь же, Княже, цѣлуй крестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отецъ твой Ярославъ. Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостии всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскими; а даръ имати тобъ отъ техъ волостий. А бесъ посадника тобѣ волостий не раздавати; а кому роздалъ волости братъ твой Александръ или Дмитрий съ Повгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, Княже, пошло по Торожку и по Волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржати; а Новьгородьць на своей чясти дьржати. А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тьржькъ, Бежицъ, городьць Палицъ, а есме дали Иванкови; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отця своего Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати. А изъ Бѣжицъ, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоеи, ни Бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ – ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти мужа

волости не лишити; а грамотъ ти, Княже, не посуживати. А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, не надобъ. А что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи, Дворяномъ твоимъ и тивуниимъ, погонъ имати, како то пошло. А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, безъ перевода, при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, господине Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по твоей земли и по иной волости, и по всей Суждальской земли, а то, Княже, имати по 2 векши отъ лодье и отъ воза и отъ лну; и отъ хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. Тако, Княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.

Признаковъ Старославянскаго вліянія нѣтъ на этихъ грамотахъ.

Въ отношеніи фонетическомъ замѣчательны слѣдующіе случаи: — *ь* довольно часто употребленъ по древнему обычаю (*семь*, *цѣмь*, *дьржати*, *городьць*, *осетрьникъ*, *правдьа*, *Новгородьци*, *почнеть*), но часто и замѣненъ посредствомъ *е* (*меньшихъ*, *отець*, *держати*=*дѣржати*, *смерда*), а коегдѣ и пропущенъ (*лну*, *хмелна*). *ѣ* также коегдѣ удержанъ (*Тѣржькъ*, *нѣ*, *любѣви*), а коегдѣ замѣненъ посредствомъ *о* (*Торожку*, *озвадо*). *ы* удержано послѣ *г*, *к*, *х* (*Княгыни*, *Владыкы*, *Руськыи*, *Соцьскыхъ*, *Новгородьскыхъ*). Удержаніе *и* почти постоянно (*Дмитрии*. *волостии*, *людии*, *судий*, *третиюю*, *третиее*, *братиею*, *насилие*); есть впрочемъ случаи опущенія (*нелюбье*, *свиньи*). *е* вмѣсто Старославянскаго *ѣ* (*лодье*, *судье*, *пожне*, *купче*). Смягченіе согласныхъ представляетъ случаи довольно разнообразные (*Волоцьк*, *отьче*, *отця*=*отчя*, *Новгородця*, *Новоторжця*, *Бежиць*, *Бежичяномъ*, *чясти*), хотя и не постоянны (*Бежицахъ*, *отча*, *мужа*).

Изъ формъ склоненія замѣтимъ: — Имен. муж. прилагатель-

ныхъ на *ыи* (Русьскыи, Новгородьскыи, тысяцькыи) и соотвѣтственный ему родительный на *аго* т. е. *ааго* (Тысяцьскаго), — Дательный муж. на *ови* (Иванкови), — винительный женскаго на *а* (а та грамота дати ти назадъ. III), — звательный на *е* (господине, Княже, отьче), — предложный на *ѣ* (Волоцѣ = Волочѣ). — именительный множ. муж. на *и* (дѣди), — родительный множ. муж. на *ъ* и *ь* (дѣдъ, Волочанъ, отець, мужь), дательный множ. муж. на *омъ* и *емъ*, и предложный на *ѣхъ* (Боромъ, селомъ, мужемъ, Новгородьцемъ, — послѣхъ).

Въ отношеніи къ формамъ спряженія въ грамотахъ было не много случаевъ выказаться древнимъ формамъ. Неопредѣленное оканчивается постоянно на *и*. Есть и достигательное: ездити на озвадо звѣри гонитъ. Формы сложныя: отступился есмь, посудилъ еси, далъ еси, пошло, далъ, есме дали, цѣловали, — былъ отъялъ, — еси отъимъ, — позорованъ будеть.

Неопредѣленное наклоненіе постоянно вмѣсто повелительнаго. Мѣстоименіе *ся* употреблено отдѣльно: а мы ти ся кланяемъ. И т. п.

VII — IX. *Двѣ грамоты Князя Владимирскаго на Волыни Владимира, 1286 года, и грамота Князя Владимирскаго на Волыни Луцкаго Мстислава, 1289 года.* (Собр. Госуд. Грам. II. 4–5, 6).

— Во имя Отца и Сна и стго Дха молитвами стыа Бдца и присдвца Мрья и стхъ Агглъ. Се язъ Князь Владимерь снъ Василковъ, вноукъ Романовъ, даю землю свою всю и городы по своемъ животѣ братоу своемоу Мьстиславоу и столныи свои городъ Володимиръ.

— Въ имя Отца и Сна и стго Дха мятвами стыа Бдца и Присдвца Мрья, стхъ Англъ. Се язъ Князь Володимѣръ, снъ Василковъ, вноукъ Романовъ, пишоу грамотоу. Далъ есмь Княгинѣ своеи, по своемъ животѣ городъ свои Кобрынь и с людми и з данью; како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать

дають Княгинѣ; иже далъ есмь еи село свое Городелъ с мытомъ, а людье како то на мя страдалѣ, тако и на Княгиню мою по моемь животѣ. Аже боудетъ Князю городъ роубити ини к городу; а побором и тотарьщиною ко Князю. А садовое си Сомино же далъ есмь Княгинѣ своеи, манастырь свои Апслы же создахъ и своею силою. А село есмь коупилъ Березовичѣ оу (Ю)рьевича оу Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немь 50 гривенъ коунъ, а 5 локотъ скорлата, да бронѣ дощатые, а тое далъ есмь ко Апсламъ же. А Княгини моа, по моемъ животѣ, оже восхочеть в черницѣ поити, поидетъ; аже не восхочетъ ити, а како еи любо: мнѣ не воставши смотрить, что кто иметь чинити по моемъ животѣ.

— Се азъ Князь Мьстиславъ снъ Королевъ, вноукъ Романовъ, оставляю ловчее на Берестьаны и в вѣкы за ихъ коромолоу, со ста по двѣ лоукнѣ медоу, а по двѣ овцы, а по пятидцать десяткъвъ лноу, а цо стоу хлѣба, а по пяти цебровъ овса и по пяти цебровъ ржи, и по 20 коуръ, а по толькоу со всякого ста; а на горожанахъ 4 гривны коунъ. А кто мое слово пороушить, а станеть со мною передь Бгмъ.

Вліянія парѣчія Церковнзго на этихъ грамотахъ не замѣтно.

Въ правописаніи явно смѣшеніе формъ старыхъ и новыхъ. Такъ *ь* часто стоитъ и на ожидаемомъ древнемъ мѣстѣ (своемь, на немь, тотарьщиною, пороушить, станеть); но есть и не на мѣстѣ (Володимерь), и опущено (Василковъ), столныи, людми, по толкоу); такъ и *ъ* часто на мѣстѣ (напр. десяткъвъ); но иногда и противно требованію древняго языка, (напр. боудетъ вмѣсто боудетъ); есть и *о* вмѣсто *ъ* (мытомъ, поборомъ). Есть случай употребленія *ы* послѣ *к*: вѣкы, но вмѣстѣ съ тѣмъ *и* вмѣсто *ы* послѣ *г*: Княгини. Опущеніе *и* очень часто: Марья, данью, людье. Есть случаи употребленія *ѣ* вмѣсто *и*: страдалѣ, Береговичѣ; въ словахъ: бронѣ дощатые (винит. мн.) и въ черницѣ (имен. множест.) *ѣ* употреблено вмѣсто Старослав. *ѧ*. Согласныя шипящія и свистящія употреблены безъ смягченія: Давыдовича, овса, овцы.

Въ отношеніи къ склоненіямъ замѣтить можно: — Именительный женскій на *и*: Княгини; родительный женскій на *а*: стыа Бдца и приснодѣвица Марья; Родительный муж. множ. на *овъ* или *евъ*: цебровъ, десяткевъ, и вмѣстѣ на *ъ*: агглъ, локотъ; предложный муж. множ. на *ахъ* вмѣсто *ьхъ*: горожанахъ. Есть примѣръ двойственнаго: по двѣ лоукнѣ. — Есть *азъ*, *язъ* и *мя*.

О формахъ глагольныхъ можно замѣтить слѣд: — Есть неопредѣленное наклоненіе на *ь* и на *и*: смотрить, чинити. Есть прошедшее сложное; *далъ есмь*, *есмь коупилъ*, и вмѣстъ простое: *создахъ*. Есть повелительное съ *ать* и безъ *ать*: *ать даютъ* и *поидеть* вмѣсто *ать поидеть*. Есть будущее съ *иму*: *иметь инити*. Есть условное съ *боудетъ*: аже *боудетъ чинити*.

Есть опущенія союзовъ: а поборомъ.. ко Князю — вмѣсто: аже поборомъ, ино ко Князю; поидеть — вмѣсто: ать поидеть. Неопредѣленное: мнѣ не воставши смотрить — вмѣсто: язъ не востану смотрѣти.

X. *Пространная Новгородская грамота Газейскимъ купцамъ 1294–1303*. (Дополненія къ Историч. Актамъ. I. № 6).

— Отъ великаго князя Анъдреа, отъ посадника Смена, отъ тысячкого Машка, отъ всего Новагорода. Се приѣха Иванъ Бѣлын изъ Любка, Адамъ съ Гочкого берега Инчя Олчять из Ригы отъ своеи братии отъ своихъ коупѣчь Латиньского языка. И дахомъ имъ 3 поути горьнии по своіеи волости, а чѣтвѣртыи в рѣчкахъ: гости ѣхати бесъ пакости на божии роучѣ и на княжи и на вьсего Новагорода. Оже боудеть нечистъ поуть в рѣчкахъ, Князь велить своимъ моужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ подати.

Въ отношеніи фонетическомъ эта грамота представляетъ слѣдующее: — *ь* (велить, Латиньскаго) смѣшавшійся съ *е* до того, что и *е*, выговариваясь глухо, могло быть спускаемо (Сменъ); *ъ* (анъдрѣа); *ы* передъ гортанными (Ригы); *и* удерживаемое

(*братии*) и не перешедшее въ *е* (*сии*); смягченіе согласныхъ гортанныхъ (роучъ).

Въ отношеніи къ склоненію: — Именительный муж. на *ыи* (Бѣлыи, чѣтвѣртыи); родительный множ. муж. на *ь* (коупѣчь); дательный множ. муж. на *емъ* (мужемъ).

Въ отношеніи къ спряженію замѣчательно употребленіе прошедшаго простаго: Се приѣха Иванъ; и дахомъ имъ.

Опущены союзы: князь велить — вмѣсто: ино князь велить. Неопредѣленное вмѣсто повелительнаго: гости ѣхати.

Привожу еще нѣсколько выписокъ изъ памятниковъ XIV вѣка, дошедшихъ въ подлинникахъ, ограничиваясь при этомъ отрывками болѣе любопытными въ филологическомъ отношеніи. Обозначаю новыя формы просто *курсивомъ*, а древнія *курсивомъ* же, но для отличія повторяя ихъ въ скобкахъ, равнымъ образомъ ставя въ скобкахъ и опущенныя слова.

XI. *Договорная грамота Новагорода съ В. Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, 1317 года.* (Собраніе Госуд. Грам. I. № 13),

— Отъ посадника отъ Михаила, отъ тысячкого отъ Матѳья, отъ бояръ, и отъ житьихъ людьй и отъ чорныхъ людьй, и отъ всего Новагорода, послаше (*аше*) Новъгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михаилъ на Тфѣрь, а велѣлъ (*сутъ*) миръ имати на семъ. Аже братью нашю (*шю*) попущати безъ окупа, Новгородскихъ бояръ, житьихъ людьй и чорныхъ людьй и сиротъ Новгородской волости и Новоторьской (*рь* вмѣсто *рѣжь*) волости, или хто далъ на порукѣ Новгородѣчь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю; или кого къ челованью привелъ (*есть*), а съ тыхъ челованье на землю; и ли грамоты дерноватыи на кого написалъ, а тѣ грамотѣ (*ать*) подереть. А что князь Михаило товара порубилъ братьи нашей до Новоторьского взятья, атого товари весь Новъгородъ велѣлъ (*есть*) Юрью и Якиму

отступитися; а что товаръ Новгородскъй и Новоторьскый въ Торѣшку (ѣ) взятъ (*есть*) въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ (*есть*) Юрью и Якиму отступится. А землъ и водъ старый (ы) рубежъ по старымъ грамотамъ. А намѣстникы свои съ Торѣшку (ѣ) (*ать*) сведетъ. А на семъ повелѣше (*ѣше*) весь Новъгородъ Юрью и Якиму взяти (*и*) съ Княземъ (ь) съ Михаиломъ; а повелѣша (*ѣша*) печати приложити изо всихъ пяти кончевъ къ сей грамотѣ. Аже князь Михаила почне(*ть*) пословъ (*ове*) свои слати въ Повъгородъ, Новъгородъ повелѣ (*ѣ*) Юрью и Якиму пословъ (*ове*) Михаиловъ (*ове*) поняти въ Новгородъ.

XII. *Новгородская рядная 1314–1322 г.* (Акты Юридич. № 257. 1).

– Се *би* (*и*) чоломъ староста Азика и Хорашинецъ и Ровда и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи (къ) Князю Ѳеонасью на Василья на Матѳеева..... А на то и рядци (*и*) и послуси (*и*): Леонтей Остафьевичь, Еремѣй Кривцевъ..... А кто наступитъ на сій (*і*) рядъ, дастъ Князю и посаднику двадцать гривенъ золота.

XIII. *Духовная В. Князя Ивана Даниловича Калиты* 1-я (Собр. Госуд. Грам. I. № 21).

– Се *язъ* (*язъ*) грѣшный (ы) худый (ы) рабъ Божии Иванъ пишу душевную грамоту, ида (*а*) въ Орду ни кимъ (ь) не нуженъ, цѣлымъ (ь) своимъ (ь) умомъ, въ своемъ (ь) здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ (ь) животѣ, даю рядъ сыномъ (*омъ*) своимъ и княгини своей.... Се далъ *есмь* (далъ *есмь*) сыну своему болшему Семену: Можаескъ,... село на Сѣверьсцѣ (*рьсцѣ*) Похранъскомъ уѣздѣ (*і*)..... А къ тому еще далъ *есмь* (*есмь*) ему два чума золота большая (*а–а–ая*)..... А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ,..... Окатьева слободка (*а*),..... Тростна (*а*), Нѣгуча (*а* вмѣсто *я*)... А се далъ *всмь* (*есмь*)

сыну своему Андрѣю: Лопастну и пр. А изъ золота далъ *есмь* (*есмь*)... 2 чумка золота меньшая (*а—а—я*)... А се даю Княгини своей... 2 *селѣ* (*ѣ*) Коломеньскии... А по моимъ грѣхомъ (*омъ*) ци имуть (*ь*) искати (*и*) Татарове (*ове*) которыхъ волости (*ии*), а отыимуться вамъ сыномъ (*омъ*) моимъ и Княгини моей, подѣлити вы *ся* (*ся* отдѣльно) опять тыми волостми на-то-мѣсь... А что мои люди куплении (*ии*) въ великомъ свертцѣ (*цѣ*), а тыми *ся* подѣлять (*ь*) сынове (*ове*) мои.., Андрѣю сыну моему бугай соболий (*ий*) съ наплечки (*и* вмѣсто *ы*, что послѣ *ами*)... Стады (*ы*) моими подѣлятся сынове (*ове*) мои и Княгини (*и*) моя. А опрочь Московьскихъ (*ь*) селъ даю сыну своему Семену села моя (*я*) купленая (*ая*)... А что село Павловское бабы нашее (*е*) купля то даю Княгини моей.... А что *есмь* (*есмь*) купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, и далъ есмь Бориску Ворѣкову, аже *иметь* служити (*иметь с*: буд.) сыну моему которому, село будетъ (*ь*) за нимъ (*ь*); не *иметь* ли служити (*иметь с*) дѣтемъ (*емъ*) моимъ: село отоимуть (*о* вмѣсто *в*)... А на *се* (*се*) послуси (*си*): отецъ (*ъ* мой душевный Ефремъ, отецъ мой душевный Феодосий (*ий*), отецъ мой душевный попъ Давыдъ.

XIV. *Договорная грамота В. Князя Семена Ивановича съ братьями, 1341 года.* (Собр. Госуд. Грам. I. № 23).

— Се (*язъ*) Князь великии Семенъ Ивановичь всея Руси съ своею братьею молодшею со княземъ съ Иваномъ и съ Княземъ Андрѣемъ целовали *есмы* (*есмы*) межи собе крестъ у отня гроба. Быти *ны* (*ны*) за одинъ до живота, а брата своего старѣйшего имѣти *ны* (*ны*) и чтити во отцево мѣсто.. А тобѣ, господине (*е*) Князь великии, безъ насъ недоканчивати ни съ кимъ... А кто *иметь* (*иметь*: буд) *насъ* сваживати... исправа (*а*) ны учинити... а опрочь того все на трое, и бортници (*ци*)... А гдѣ *ми* (*ми*) *будетъ* всѣсти (*будетъ в*) на конь (*ь*) всѣсти *вы*

(*вы*) со мною; а гдѣ ми *будеть* самому не всѣсти (*будеть не в*), а *будеть* ми васъ послати (*будеть п.*)...

XV. *Новгородская купчая* половины XIV вѣка (Юрид. Акты № 71. 1).

= Се купи (*и*) Окынфо (*о=з*), и Еванъ, и Марке (*е = ъ = в*), и Ѳедоро (*о = з*), у Жирятиничей: у Гошкуя, и у Якова, и у Бориса, и ув Ыгната, Разуевъ острово (*о = з*), у Пикиничъ земли; и *даша* (*ша*) на немъ рублей гривну на 70 лѣтъ, а отъ того лѣта коли io. князь мертвъ (*есть*) Ивановиче (*срав. выше въ грам. 1229 года:* коли еппъ Алъбрахтъ мрьтвь); а боля Жирятиничямо (*о = з*) не надобъ; у Пикиничѣ земли, увидаются Гошкуй, и Яково (*о=з*), и Борисъ, сами съ своимъ племенемъ; а *у* томъ острови Окынфу 2 *чясти* (*чя*), а Евану и Марку и Ѳедору 3 *чясти* (*чя*). А на то послухо (*о = з* род. множ.): Дрочила Олексино (*о = з*), попъ Сменъ святаго Спаса, Созонъ Ылѣпо (вм. Ильинъ). А писало (*о = з*) Олуферій передо (*о=з*) обима (*има*) истчи; а стояло (*о=з*) у печяти (*чя*) Гошкуй ото всего племени.

Сличая всѣ памятники нашей Русской письменности XIII–XIV вѣка, нельзя не придти къ заключенію, что смѣшеніе формъ древнихъ и новыхъ, въ нихъ замѣчаемое, не есть смѣшеніе двухъ разныхъ наръчій, книжнаго и народнаго, а признакъ переходнаго состоянія языка: вотъ почему формы древнія встрѣчаются все рѣже и рѣже, новыя все чаще и чаще, пока наконецъ однѣ совершенно смѣняются другими. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что въ памятникахъ XV вѣка и слѣдующихъ уже вовсе нѣтъ древнихъ формъ; напротивъ того, нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе справедливо, что съ XIV вѣкомъ время господства большей части древнихъ формъ совершенно прошло, и что съ

XV вѣка начинается рѣшительное преобладаніе формъ новыхъ, изъ которыхъ большая часть уже выказалась прежде, въ XIII–XIV вѣкѣ только въ смѣшеніи съ формами древними. Въ XIII–XIV вѣкѣ еще можно было воздерживаться отъ употребленія формъ новыхъ; позже это стало невозможно. Въ книгахъ и въ грамотахъ воздерживались отъ нихъ уже только тѣ, которые знали языкъ книгъ; народъ зналъ только ихъ, и все болѣе удалялся отъ разумѣнія формъ древнихъ.

Остальныя дополнительныя примѣчанія не помѣщаются здѣсь потому, что вновь пересмотрѣнныя и передѣланныя они войдутъ въ особенное сочиненіе о парѣчіяхъ Русскихъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

Ord. 199, с. Огл.
26 НОЯ 2013

с. 19-33, 129-154
4.12.13